

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

3

2010

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2010

МАЙ •

ИЮНЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

- Гришина Р.П.* (Москва). Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны 1877–1878 годов и Освобождению Болгарии 3
- Крючков И.В., Мухортов А.С.* (Ставрополь). Польские граждане на территории Ставропольского края в 1939–1946 годах 20
- Баева И.* (София). Ведущие тенденции в болгарской внешней политике в 70–80-е годы XX века 29

СООБЩЕНИЯ

- Волобуев В.В.* (Москва). О некоторых подпольных политических организациях в Польше в 1950–1960-е годы 36
- Стыкалин А.С.* (Москва). Пражская весна: проблемы изучения. Размышления по итогам конференции 44
- Хорев В.А.* (Москва). Польское литературоведение и критика начала XXI века о литературе ПНР (1945–1989) 62

ПУБЛИКАЦИИ

- Михалев О.Ю.* (Воронеж). В поиске новой модели советско-польских отношений в конце 1980-х годов 75

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Ямбаев М.Л.* Р.П. Гришина. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусой по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах» 87
- Парсаданова В.С.* Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и на европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. 92
- Косик В.И.* И. Жейнов. Документы от Архива на външната политика на Руската империя (1865–1877 г.) 95
- Марфина В.В.* А. Бобраков-Тимошкин. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938) 96

<i>Станков Н.Н.</i> Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории	102
<i>Стыкалин А.С.</i> Э.Г. Задорожнюк. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – ноябрь 1989 г.	109
<i>Шевченко К.В.</i> P. Lozoviuk. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Безпалько Б.А.</i> Российско-украинская конференция «Украина и Россия: история и образ истории»	118

ЮБИЛЕИ

<i>Серационова Е.П.</i> К юбилею Ритты Петровны Гришиной	124
К юбилею Михаила Абрамовича Бирмана	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),

О.В. Белова (отдел культурологии),

А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2010 г. Р.П. ГРИШИНА

ЗАМЕТКИ ОБ ИЗДАНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ 130-летию РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ И ОСВОБОЖДЕНИЮ БОЛГАРИИ

Объектом рассмотрения являются три крупных по объему и тематике сборника статей, авторами которых выступают болгарские, российские и украинские ученые [1¹; 2²; 3³]. В содержательном плане каждое издание по-своему многопрофильно. Первое из них открывается обращением к участникам и гостям конференции президента Республики Болгария Г. Пырванова, подчеркнувшим актуальность поиска новых, нетрадиционных точек зрения в изучении истории болгаро-русских отношений, имеющих долгую историю. Президент поддержал предложенную организаторами конференции тему, выраженную в ее названии: «Болгария и Россия: между признательностью и прагматизмом» [1. С. 9–10]. Статьи и материалы сборника размещены в двух крупных разделах: «Рождение современного Болгарского государства и Россия (1878–1934)» и «Болгария и Советская Россия/СССР в системе международных отношений. Узловые события XX века и общественное мнение в Болгарии и России».

Главный исследовательский тренд разработок ученых – участников названных изданий – определяется критическим отношением к предшествующей, во многом идеологизированной и мифологизированной историографии, поиском новых подходов, выдвижением дискуссионных и «провокационных» вопросов, их опробирование. Как отмечает болгарский историк А. Пантев (София), современное сопротивление устойчивым стереотипам прошлого распространяется и на болгарскую историографию. Приветствуя возможность свободных критических размышлений, он подчеркивает: «Желание выдвигать острые вопросы несут несомненный научно-исследовательский позитив» [1. С. 55]. Близкого мнения придерживается его российский коллега Д. Польшанский (Иваново): «Началось выявление и вытеснение обширного мифологического сегмента болгарской национальной историографии» [1. С. 20]. То же можно сказать о современной российской историографии, специализирующейся на изучении истории Болгарии и

Гришина Рита Петровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Материалы научной конференции, которая проходила 27 февраля – 1 марта 2008 г. в Софии под эгидой Форума «Болгария – Россия» и под патронатом президента Республики Болгария, ее организаторы – Институт истории БАН и Комиссия историков Болгарии и России.

² «Дриновский сборник» – серийное издание Центра болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова, созданного в 2005 г. в Харькове при Национальном университете им. В.Н. Каразина.

³ Сборник одновременно посвящается 100-летию Саратовского государственного университета.

других стран Балканского полуострова, и особо – на изучении политики России на Балканах в конце XIX – начале XX вв., ее сильных и слабых сторон.

Остановимся на некоторых из знаковых проблем.

1. *Была ли русско-турецкая война 1877–1878 гг. необходима болгарам для освобождения из-под турецкого ига.*

Подобное сомнение, родившееся когда-то под пером известного болгарского поэта Пейо Яворова, послужило для ряда болгарских историков, освободившихся в 1990-е годы от сковывающих воображение марксистских установок, толчком для раздумий. Если в 1904 г. Яворов писал, что «так называемая освободительная» русско-турецкая война «нарушила естественный эволюционный ход развития болгарского национального движения, которое рано или поздно привело бы к достижению единого политического самоуправления для всех болгарских земель» (цит. по [1. С. 208–209]), то ныне некоторые ученые пытаются «прогнозировать» (пусть и ретроспективно): как и когда могло бы произойти освобождение болгар, не будь русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (далее – РТВ).

Пример подобного видения событий представлен в Дриновском сборнике статьи великотырновского ученого П. Петкова. Он считает, что РТВ «преждевременно положила конец возрождению» в землях, населенных болгарскими, но отошедших по Берлинскому договору к Румынии и Сербии; кроме того, она убила надежды болгар на возможность самим организовать и завоевать государственную независимость; иными словами – РТВ отняла у болгар возможность их собственной победы; и, наконец, она привела к русской оккупации страны. Однако никакого собственного варианта «самоосвобождения» болгар Петков в данной статье не предлагает. Только выражает мнение, что отсчет болгарской государственности следует вести не с 1878 г., как это принято, а с 1879 г., с февраля – апреля, когда заработало Учредительное собрание, или с июня – с занятия монаршего престола князем Александром [2. С. 156–157].

Упомянутый выше Пантев изучил все предлагаемые коллегами варианты развития Болгарии, якобы «заблокированные» РТВ, и пришел к выводу, что представление о возможностях добиться освобождения без РТВ – не более, чем заблуждение. Он пишет: «Часто встречаются сомнения с критическим уклоном в тогдашней необходимости Освобождения, противопоставленные альтернативному видению болгарского “развития без освобождения”. Как в романах Д. Брауна невероятное не только становится возможным, но даже выглядит логичным и человечным [...] Не менее сомнителен прогноз, что конец османского правления мог наступить у нас позже (1878 г. – Р.Г.) и более благоприятным для болгар образом. Но с учетом последовавшей негативной динамики в балканской и европейской политике едва ли можно найти более подходящий момент. Мы, по крайней мере, не видим такого. К тому же соседние балканские государства усилили связи одновременно с Россией и остальными великими державами, что вряд ли облегчило бы нашу участь. Как можно принять, что если уже в середине XIX в. Греция и Сербия являлись угрозой для будущей болгарской независимости, то в конце века эта угроза уменьшилась бы, оставаясь мы без государства! Появление свободной, тем более Большой Болгарии как фактора балканской политики становилось все более трудной перспективой. Вариант “мирного решения” болгарского вопроса путем выполнения постановлений Царьградской посланнической конференции (декабрь 1876 г.) привлекателен тем, что мог сохранить этнический массив болгар. Но [...] Царьградская посланническая конференция была не менее театральной симуляцией, чем невозможный Сан-Стефанский договор. Дру-

гая идея – о турецко-болгарском симбиозе сохранялась как альтернатива вплоть до времени Ст. Стамболова, но была отвергнута самими турками. И будь она осуществима, ни одна великая держава не допустила бы ее реализации даже в качестве временного эксперимента. Сравнительно равноправный союз с Австро-Венгрией 1869 г. – мало убедителен, а в некоторых отношениях и угрожающ. Федерализм, особенно в отношении гетерогенных этнорелигиозных компонентов [...] провалился еще в 1848 г. [...] Мы принимаем историческую реальность такой, – заключает Пантев, – какой она была тогда, условные наклонения направляют нас к тупикам абстрактных предположений» [1. С. 55–56].

Свой вклад в дискуссию внес Р. Мишев (В. Тырново), негативно высказавшись по поводу гипотезы о том, что для целостного завершения процесса возрождения и полного освобождения всех болгарских земель было бы лучше, если бы Освобождение запоздало. В доказательство своей точки зрения он формулирует несколько пунктов, из которых наиболее важным представляется указание на существование у соседей болгар собственных государств, что могло бы привести к тому, что «болгарская национальность подвергалась бы постоянной эрозии и территориальным потерям». А относительно сентенции: «Лучше бы мы запоздали», Мишев заявляет: «Этот тезис находится в полном противоречии с реальным историческим процессом» [2. С. 139].

По понятным причинам российские и украинские ученые в обсуждение чисто внутреннего болгарского вопроса не включались. Но, думаю, они согласятся с позицией Пантева об общей полезности размышлений об Освобождении, полученном в результате русско-турецкой войны, и о том, что всегда целесообразно «еще раз все продумать, взвесить, соотнести, стараться быть объективным» [1. С. 57].

2. *Была ли русско-турецкая война освободительной?*

В болгарской историографии встречаются противоречивые оценки РТВ. Сами болгарские историки пишут по этому поводу так: «Часть исследователей и мемуаристов делает акцент в первую очередь на филантропические мотивы бескорыстной помощи русского и украинского народов, другие постоянно ищут факты завоевательных намерений Москвы. Марксистская идеология упорно насаждала точку зрения о том, что, несмотря на завоевательные стремления царизма, объективно РТВ имела освободительный, т.е. прогрессивный характер» [2. С. 24]. Другие отмечают: сообщество ученых-историков испытало все амплитуды колебаний в интерпретации оценки России как инициатора и исполнителя этой войны: от театрального упоения «великой и святой дружбой» и фольклорной мистики «дядо Ивана» до издевательских намеков современной конъюнктуры о голодных русских мужиках, пришедших оккупировать пресыщенных и свободных болгар [1. С. 57].

Чтобы разобраться в этой непростой проблеме, в том числе учитывая эмоциональный аспект, просматривающийся в подходе некоторых болгарских историков, ученые привлекают новые материалы, выявляя детали поведения той и другой стороны, а главное, ставят новые вопросы и пытаются ответить на них. Задаваясь вопросом, какова действительная причина РТВ (ведь в 1856 г., принимая трон, российский император Александр II зарекся никогда больше не воевать с Турцией), Ст. Дойнов (София) приходит к мнению, что в основе войны 1877–1878 гг. лежала «интенсивная революционная деятельность» Г.С. Раковского, Л. Каравелова и В. Левского; она-то и привела к тому, что за сравнительно короткое время болгары превратились в организованную силу, начавшую влиять на решения по Восточному вопросу. Автор считает, что большинство коллег не учитывает «тес-

ной связи войны с развитием болгарской национальной революции» и ее размаха [2. С. 27].

Однако, как это утверждение соотносится с другой деталью, отмеченной Дойновым, – с его же констатацией, что после восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г. Россия предприняла решительные шаги против готовившегося болгарскими Апрельского восстания? [2. С. 25]. Эту неувязку Дойнов не комментирует и оставляет без объяснения вопрос, по каким мотивам император Александр II в апреле 1877 г. все-таки принял решение начать войну с Турцией. Возможно, правда, противоречивость авторской концепции является отражением импульсивности самой внешней политики России.

Но, оказывается, связь между революционной деятельностью болгар и РТВ может оцениваться и как негативный фактор. Так, упомянутый выше Петков, в своей статье вообще избегающий употребления понятия «национальная революция» и говорящий только о «болгарской радикальной активности 1875–1876 гг.», указывает на неблагоприятные, но «закономерные последствия» Апрельского восстания, выразившиеся во вмешательстве в политическое развитие Болгарии великих держав и особенно России [2. С. 155–156]. Он весьма невысокого мнения о болгарской политической элите того времени, или, по крайней мере, ее части. Если Дойнов заявляет о «гениальном способе деятелей национальной революции» [2. С. 26], то Петков, не вступая в открытую полемику, говорит, что болгарская политическая элита, провозглашавшая государственную независимость Болгарии в качестве конечной цели, выступала преимущественно декларативно и не знала, как ее достичь практически. У нее не было осознанного приоритета государственных и национальных интересов над партийными и личными. Заключение Петкова звучит сурово: именно эта политическая элита превратила Россию во внутривнутриполитический фактор, *заставив ее* (курсив мой. – Р.Г.) заняться освобождением болгар, что не могло не привести к оккупации страны, – последний момент даже предусматривался в программе Болгарского центрального благотворительного общества [2. С. 156].

Позицию Петкова в части оценки квалификации болгарской политической элиты и недопонимания ею значения постановки и решения национально-государственных задач разделяет ряд российских историков, считая, что *своей, болгарской* национально-государственной программы болгарские интеллектуалы так и не выработали, ни до, ни после Освобождения [1. С. 92]. Д. Польшанский отмечает, что политические контуры болгарского национального вопроса в идеологии деятелей Возрождения до 1878 г. были прописаны весьма противоречиво и смутно, из-за чего после Освобождения выработка «четких и определенных представлений о Болгарском государстве» стала особенно необходимой. Но стремительный поток событий повлек несколько в иную сторону: формирование новой болгарской политической идентичности, утверждает Польшанский, «акцентировало внимание, прежде всего, на территориальные аспекты государственности, оставляя ее конкретные черты на втором плане» [1. С. 22–23]. Польшанский идет дальше и, обращаясь к известной теории о нациях государственных и культурных, понятие болгарской нации считает возможным дополнить определением «территориальная» [1. С. 24]. С ним, пожалуй, можно согласиться, принимая во внимание, сколь большую роль в государственной идеологии княжества, а потом царства и далее – народно-демократической и социалистической Республики Болгария играли проблемы территориальные, удачно совокупленные с национально-объединительными.

Для нынешнего этапа изучения РТВ, кажется, вообще типичны поиски новых, дополнительных характеристик войны. Сл. Елдыров (София), например, называет

РТВ не только освободительной, но и православной, «религиозной», «христианской», направленной против исламского мира. При этом он подчеркивает позицию Болгарской православной церкви, для которой суждение о миссии России именно как освободительной было незыблемо, несмотря на разные повороты истории [2. С. 175]. Хр. Глушков (В. Тырново) применяет к РТВ термин «справедливая» [2. С. 123].

Ряд болгарских авторов, участвуя в обсуждении вопроса о характере РТВ и целях России при решении начать ее – для освобождения братьев-славян или исходя все-таки из неких завоевательных задач, – стремятся в первую очередь понять, что представляла собой Россия к 1875–1877 г. В то время, пишет Хр. Глушков, в международной жизни решалась проблема: кто – Россия, Австро-Венгрия или Англия – будет содействовать созданию независимых балканских государств; Россия, считает автор, после поражения в Крымской войне не обладала ни военными, ни финансовыми, ни политическими возможностями для самостоятельного разрешения «этого приоритетного для нее вопроса». Отсюда, продолжает он, и осторожная политика князя А.М. Горчакова [2. С. 123]. Тем не менее, в 1877 г. Россия, по мнению Глушкова, не могла не начать войну с Турцией, «иначе она подвергалась риску потерять свое влияние на Балканах», но также и в Европе, сравнившись с незавидным статусом Франции, потерпевшей поражение от Пруссии в 1871 г. [2. С. 124]. Достижению успеха в этом деле способствовало бы и создание независимых балканских государств, и возможные территориальные завоевания, заканчивает Глушков свою мысль. Напрашивающийся вывод уводит нас в область политологии: главной задачей для России являлась борьба за «поддержание международного рейтинга».

Такой в целом мирный, по описанию Глушкова, настрой России в отношении Балкан автор подтверждает рассуждениями о том, что в конце XVIII в. составители русских проектов не предусматривали территориальных аннексий на полуострове; в то время не существовало еще и самой идеи славянской взаимности, оперировали только понятием общей принадлежности к православию. Русская дипломатия, отмечает он, проявляла реализм и не планировала расширения границ за счет территорий в Юго-Восточной Европе, «а стремилась к установлению политического влияния», в отличие от Габсбургов, смотревших на территорию европейской Турции как на сферу влияния и как на возможность аннексировать часть ее земель [2. С. 125]. А я подчеркну, что расширение собственных границ великой державы всегда считалось и в международных отношениях, и в общественном сознании важным военным приобретением, большой ценностью.

Более гибкую модель предлагает Т. Стоилова (София). Она пишет: в XIX в. Петербург поддержал стремление балканских народов образовать национальные государства как возможность установить в них влияние России, что привело бы к достижению русскими их стратегических целей в Средиземноморье. «Отличная от европейской и от азиатской стадия социального и политического развития балканских народов как части другой империи наряду с конкуренцией европейских государств, часто переходящей в открытую враждебность, заставляет Россию осуществлять свои имперские интересы на Балканах *через влияние* (курсив мой. – Р.Г.), а не путем присоединения. В отличие от ее политики на Кавказе и в Средней Азии» [1. С. 47].

Отчасти мнение Стоиловой совпадает с представлением о балканской политике России саратовской исследовательницы О. Исаевой, считающей, что, свои *геополитические интересы* (установление благоприятного режима Черноморских проливов – свобода мореплавания русского флота через Босфор и Дарданеллы)

Россия хотела реализовывать путем *политического доминирования на Балканах*, через *систему протекторатов и зон влияния*. Исаева отвергает утверждения историографии «о непреходящем намерении русских царей захватить Константинополь и проливы» и заявляет: «Правящие круги России никогда открыто на них не посягали, хотя и именовали контроль над ними “прекрасной мечтой” и “национальным идеалом”» [3. С. 68].

Само упоминание о «прекрасных мечтах» позволяет думать о неких потаенных и завуалированных целях балканской политики российских монархов. Рождающийся из таких формулировок элемент неопределенности отражается и на последующих рассуждениях Исаевой: констатируя факт выхода России во второй половине XVIII в. к Черному морю, она полагает, что с этого времени Балканы превращаются в зону ее *непосредственных интересов*. Но возникает вопрос – каких конкретно интересов? Однако ответа на него нет. Зато Исаева энергично подчеркивает: российское министерство иностранных дел неустанно заявляет: *Россия не имеет территориальных претензий на Балканах*. «Это положение, – заключает автор, – многократно повторенное российской дипломатией, стало определенной константой ее политики» [3. С. 69].

При этом в полуофициальных кругах обсуждались несколько иные планы, видимо, и порождавшие «прекрасные мечты». Об этом говорится в статье русского историка-эмигранта Г.В. Вернадского «Александр I и славянская проблема в первую половину его царствования», написанной в 1920-х годах, публикация которой включена в материалы «Славянского сборника»⁴. Вернадский исследовал записку князя Чарторыйского, составленную в развитие проекта императора о «федеративной организации народов» Европы. Из записки следует, что Чарторыйский уже в начале XIX в. предлагал разделить главную часть европейских владений Турции на самостоятельные области с местной автономией при объединении их общим административным управлением, что, по его мнению, создавало для России возможность «обеспечить себе *решительное и законное влияние*» на эту федерацию, если «Его Императорскому Величеству будет предоставлен титул императора или протектора славянских и восточных народов». Впрочем, участие России в освобождении этих стран, продолжал Чарторыйский, общность религии и происхождения, умелый выбор местностей, которые «будут заняты нашими войсками», и мудрая политика – вероятно, «сами по себе установили бы это влияние» (курсив мой. – Р.Г.)» [3. С. 147–148].

Заметим, что здесь общность религии и происхождения не только уже принимаются во внимание, но оцениваются по высокой мерке – как *самодействующие* факторы в пользу России. Но раз эти факторы действуют сами собой как некие внутренние пружины, получается, что для установления, например, российского протектората в балканском пространстве (или его части) будущим протекторам не было необходимости в знании и изучении жизни местного социума, его характерных особенностей, способа управления, его социальных и политических надежд и стремлений, а также отношений между народами Балканского полуострова, их взаимодействия с соседними народами.

Здесь важно подчеркнуть, что в деле реализации внешней политики России на Балканах речь с самого начала шла о формировании характерного приема, состоявшего в придании почти абсолютного значения факторам этнического родства и религиозного единства большого массива балканцев и русских. Едва обозначенный в ранние годы XVIII в., он вскоре превратился для русских правящих кру-

⁴Статья на русском языке не публиковалась с 1927 г.

гов в краеугольный камень строительства отношений с населением отдаленного региона, ему придавалось значение глубокой стародавней традиции, притом, что внутренняя потребность к изучению южных «братьев», строя их жизни и т.п. отсутствовала. Как и предположительных вариантов возможного восприятия балканскими народами государства-освободителя в случае его прихода с северо-востока. И, что не менее важно, – восприятия государства-освободителя уже после акта освобождения страны, манер его администрации, способов наставничества и прочее, отношения балканцев к полученному дару и появлению у них желания самим распорядиться добытой тем или иным путем свободой.

Подобные размышления возникают в ходе знакомства с разработками ряда авторов – участников рассматриваемых сборников. Н.И. Самойленко (Полтава), изучавшая публикации журнала «Вестник Европы», пишет, что в конце 1870-х годов русская общественность, несмотря на усилия по развитию славистики, признавала: «Наше знание славянства вообще, и южного в том числе, до сих пор крайне ограничено [...] до сих пор знакомство с ним было уделом немногих специалистов и любителей». Свой вывод Самойленко подкрепляет мнением А.Н. Пыпина: «Вся Болгария изучена крайне мало и новые исследования необходимы». Несколько позже о том же писал в своем дневнике русский журналист Василий Иванович Немирович-Данченко (брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича), считавший, что интерес к славянству возник в России именно со времени РТВ, что война стала рубежом в этом отношении.

Мнение Немировича-Данченко, почти целый год находившегося при действующей армии, живого свидетеля того, как русские воспринимали балканскую действительность, которую до тех пор практически не знали, представляет большую историческую ценность. Тем более, что Самойленко характеризует его корреспонденции как отличавшиеся значительно более высокой квалификацией в сравнении с массой публикаций, заполонивших с началом РТВ русские периодические издания, благодаря которым, считает украинский автор, русской общественности приходилось кормиться некомпетентностью тыловых и прочих журналистов в Восточном вопросе, «грубым непониманием болгарского национального характера» [2. С. 86].

Наиболее развернутые размышления об РТВ и ее оценках в болгарской историографии представлены в статье А. Пантева. Главная мысль Пантева – РТВ невозможно рассматривать вне общего характера имперских кампаний XIX в. остальных великих держав, в том числе на европейском континенте. «В них встречаем, – утверждает он, – гораздо больше корысти, когда они велись во имя чьего-то освобождения». Именно последнее соображение приводит его к идее о более широком европейском периметре в восприятии РТВ как выражения европейской политики. Болгарское освобождение, считает автор, не может быть объяснено только войной между двумя отсталыми империями, имеющей ограниченный характер и локальное значение [1. С. 58]. РТВ является частью цепи событий европейской истории последней четверти XIX в. и последним этапом в европейской истории, когда преобладание в мире решалось континентом.

Подводя итог, подчеркну, что для болгар в конце концов не так уж было и важно, чего именно хотела Россия, начиная войну с Турцией. Важно, что освобождение из-под власти турок они действительно получили, и с этим результатом, в конечном счете, авторы сборников согласны. Другое дело, что Россия, утвердившая свое доминирование на Черном море и добившаяся желанных территориальных и финансовых приобретений [2. С. 133], в моральном плане вскоре стала испытывать неудовлетворение.

Некоторые болгарские историки (Мишев, например) отмечают, что русская дипломатия ошиблась в ожиданиях и требованиях благодарности, как и послушания со стороны балканских государств [2. С. 138]. Вряд ли правильно так ставить вопрос. Дело не в благодарностях, народ болгарский, конечно, сохранил в своих сердцах память о 200 тыс. подданных Российской империи, погибших в балканских горах и лощинах, почитание «дядо Ивана» тогда только усилилось. Россия немало сделала, оказав помощь в становлении новой государственности в Княжестве Болгария, в выработке Тырновской конституции, в передаче земли бежавших турок болгарским крестьянам – считают нужным подтвердить российские историки В.М. Хевролина и Л.В. Горина [1. С. 34, 154–155]. Но когда факт Освобождения закрепился в болгарском общественном сознании, естественно, встал вопрос, как и куда новому государству двигаться дальше: Россия и притягивала, и отталкивала, Запад выглядел благовиднее. Если до РТВ Россия играла роль ментора для балканских народов, пишет Р. Мишев, то после нее она оказалась перед неожиданной трудностью – необходимостью уточнить технологию своей поддержки, научиться предлагать ее тонко [2. С. 134] (Исаева, например, употребляет по этому поводу в своей статье такие слова, как «навязчивый покровитель» [3. С. 71]). Так в отношениях между государствами возникли этические моменты. Очевидно, российская дипломатия не вполне была готова к этому. Ей было трудно усвоить, что просвещенная часть болгарской элиты была нацелена на то, чтобы самой «поручить страной», хотела самостоятельности, чего так не любят любые «благодетели». Одну из причин кризиса в российско-болгарских отношениях Мишев видит в неадекватном отношении России к тому, что «утверждавшаяся болгарская нация стремилась войти в сферу европейской истории в качестве самостоятельного субъекта» [2. С. 136].

Все же стоит отметить, что введенное Россией гражданское административное управление оказалось очень недолгим – менее двух лет. А если следовать за Петковым, предлагающим считать начало собственной болгарской государственности самое позднее с июня 1879 г., то со времени Берлинского конгресса и вовсе всего один год набегает. А с 1886 по 1896 г. в результате разрыва российско-болгарских отношений – Княжество Болгария располагало целым десятилетием собственного взросления и самостоятельной деятельности. За эти десять лет, говорит Мишев, ссылаясь на российского исследователя В. Косика, произошло освобождение Болгарии от России [2. С. 136]. А одним из результатов стал кризис идеи славянской взаимности.

3. Фактор этноправославного славянского единства.

Присутствие этого фактора в российско-балканских отношениях отмечают почти все авторы рассматриваемых сборников. В «Славянском сборнике» тема представлена наиболее подробно, но трактовка ее не однозначна.

Традиционный подход, выражающийся в подробном описании «всенародного патриотического движения» в поддержку освободительной борьбы балканских славян в середине – конце 1870-х годов, просматривается в работе самарского ученого А.Н. Сквозникова. Из его статьи, основанной на архивных документах (письма от религиозных и общественных организаций, учреждений и частных лиц в Московский славянский комитет и III отделение канцелярии императора), а также на материалах самарской губернской печати, читатель получает представление о содержании и формах этого важного общественного движения, развернувшегося в поволжских губерниях России, о настроении и психологическом состоянии его участников, готовых жертвовать последним, чтобы помочь борющимся за независимость славянам. Практически все население Поволжья, – сообщает

Сквозников, – дворянство и крестьянство, рабочие и служащие, представители интеллигенции, школьники и студенты – никто не остался равнодушным к тому, что происходило на Балканах, но особенно активными были крестьяне [3. С. 87].

Последняя констатация вызывает у равнодушного читателя интерес: почему именно крестьяне? Они поднялись спонтанно? Какой информацией питались, почему несли последнюю копейку? Какова роль в организации этого действия государственных и местных властей, церкви, славянских комитетов?

О роли государства в мобилизации социально-психологических ресурсов российского общества Сквозников ничего не сообщает. Он пишет, наоборот, о зависимости административной власти от выступлений общественности, требовавшей от императора Александра II объявить Турции войну [3. С. 91], хотя такую ситуацию следовало бы, тщательно проанализировать. Деятельность славянских комитетов автор освещает кратко. О Русской православной церкви говорит несколько подробнее, например, сообщает, что местные епископы разослали по своим епархиям копии призывов сербского и черногорского митрополитов о помощи, сопроводив их подписными листами для сбора пожертвований. Однако от конкретного анализа деятельности сил (очевидно, фактических организовавших и направлявших общественное движение) Сквозников уходит. Как и от анализа местной печати, уровня ее пропаганды, его не смущает увлеченность публицистов мистикой и иррациональным. Например, он приводит из газеты «Самарские губернские ведомости», писавшую о желании русских добровольцев принять участие в боевых действиях на стороне сербов, следующий пассаж, оставляя его без каких-либо комментариев: добровольцы «идут в убеждении, что смерть на земле, облитой христианской кровью, будет угодна Богу, идут потому, что видения во сне указывают им путь в Сербию [...] Эти матери, жертвующие детей, эти сны, плод душевного настроения, эти *просители смерти за веру* (курсив мой. – Р.Г.), не знамение ли, говорящее, какой вопрос для России разрешается на Балканах» [3. С. 89].

Такая газетно-церковная агитация, местами, как видим, почти фанатичная, истеричная, как и деятельность славянских комитетов, особенно радикального крыла этого идеологического течения, требует не беглого упоминания, а научного, беспристрастного анализа. Тем более, что оба этих института оказывали большое влияние на формирование личных идейных пристрастий людей из разных слоев социума. Повышенная активность этих институтов создавала в русском обществе излишнее возбуждение, нагнетала казенный патриотизм, мешала людям рационально воспринимать действительность.

Противником метода «анатомирования живой ткани» «неразделимой истории народов России и Болгарии» предстает В.И. Косик. Указанная «неразделимость», по его мнению, выражается в том, что «судьба властно связала воедино политику, национализм и метафизику» [1. С. 131]. Но нельзя не признать: указанная триада не уравновешена – на один ее реалистический элемент (политику) приходится два иррациональных, что, очевидно, создает для первого очень трудные условия, чтобы он мог действовать самостоятельно и целеустремленно. В случае же, когда речь идет о формулировании российских государственных интересов в области внешней политики, рационалистическая составляющая просто лишается значительной части своей силы. О последствиях напоминает Исаева: *соотношение между прагматизмом и этноконфессиональными иллюзиями*, пишет она, было разным, доминировало то одно, то другое, что придавало российской политике двойственность [3. С. 72].

Другие авторы в своих статьях пытаются найти новые подходы к пониманию сути славянского этнорелигиозного братства, а также сути взаимоотношений

между славянскими народами, образа их общественной жизни, стремятся понять, насколько реально это братство существовало, являлось ли действительно некоей данностью (и является ли все еще ныне, поскольку и в современном мире встречаются упования на него). Ставя перед собой трудные вопросы, например, каковы были национально-государственные интересы Российской империи на Балканах, степень их соответствия реальной политике в этом регионе, соотношение геостратегических, идейно-политических и этических соображений в проводимой политике [3. С. 68], взаимосвязь между *ценностями* и *интересами* в балканской политике России [3. С. 77], авторы пытаются найти ответы на них. С.А. Кочуков (Саратов), в частности, считает постулат о России как центре славяно-православного мира и ее предназначении покровительствовать и защищать славян не более, чем мифологемой [3. С. 77]. Анализируя средства, с помощью которых эта мифологема распространялась в русском обществе, автор приходит к выводу: это печать газетно-журнальная, давление со стороны славянофильских кругов и, конечно, церкви, причем влияние последней, считает Кочуков, было особенно значимо с точки зрения обработки крестьянского населения.

Пример деятельности Славянского комитета и его председателя И.С. Аксакова проанализирован в статье московской исследовательницы О. Дубовик. Опираясь на прессу и архивные материалы, она показала, как с риском для собственной карьеры и общественного положения Аксаков выступил с публичной речью во время работы Берлинского конгресса, в которой обвинил российское правительство в нерешительности, в отказе от завоеванной в Сан-Стефано победы, что, по его мнению, является «позором для русского орла». Историческое призвание России, настаивал он, ее нравственное право и обязанность – освобождение славянских народов из-под духовного и материального гнета [1. С. 102]. Дубовик относит Аксакова к наиболее радикальным деятелям славянофильского движения, активность которых содействовала тому, что значительная часть русского общества оставалась на позиции войны, горюя о «невзятии Константинополя» в 1878 г.

Другой вопрос – насколько идея этнорелигиозного единства была обоснована, исходя из степени включенности ее составных частей (значимость православия, во-первых, и общность славянских корней, во-вторых) в общественное сознание России и Болгарии. Такой вопрос ставят ряд авторов. Конечно, полное его решение в формате небольших статей вряд ли возможно, но некоторые констатации представляются интересными. Так, Исаева считает, что само обращение во второй половине XIX в. к деятельному использованию фактора славянского единства как дополняющего и усиливающего идеологию, основанную на признании единства православного мира, было связано с ослаблением «значения православия в качестве связующего звена между Россией и балканским населением». Все идейно-политические течения этого типа – панславизм, славянофильство, неославизм – отличали патернализм, убеждение в особой провиденческой роли России, завершает она свою мысль [3. С. 69].

Проведенный саратовскими учеными анализ подводит нас к выводу, что этнорелигиозное славянское братство было фактически фантомом, мифом, причем мифом, востребованным властью и государственной идеологией, а затем и общественным сознанием. В размышлениях большинства авторов «Славянского сборника» проявляется неудовлетворенность тем, что над «действительными национально-государственными интересами России» преобладали идеологические, осененные представлениями не только об освободительной миссии старшего брата, но и совсем уж идеалистическими – о провиденчестве, мессианстве.

Не приходится сомневаться, что идея славянского единства нужна была, прежде всего, властным структурам самой России с целью внутреннего укрепления страны – требовались новые скрепы для народа, в том числе эмоциональные. Внимание к «славянскому элементу» как важной части государственной идеологии способствовало повышению авторитета Российской империи в мире, но также и среди собственного населения, сопровождалось укреплением имперского сознания в народной толще, создавало дополнительные условия для государственной и общественной практики самовозвеличивания.

Действие фактора православного единства в Болгарии трудно сопоставимо с его влиянием в России. В болгарских землях «церковный энтузиазм» народа после обретения в 1870 г. своей автокефалии значительно уменьшился. С этим пришлось столкнуться, в частности, русскому священнику В. Гурьеву, состоявшему во время РТВ при подвижном дивизионном лазарете. Во время походных богослужений под открытым небом, на которые приходило болгарское население, он «с горечью замечал, что многие болгары, особенно молодые, не знали богослужебного порядка, не знали, как приложиться к кресту, да и перекреститься правильно не умели. Т.е. о внешней стороне христианства имели самое смутное представление», – пишет украинская исследовательница Л.Ю. Посохова (Харьков) [2. С. 80]. Она цитирует собственноручную запись Гурьева: «Они, бедные, и креститься почти не умеют, в церкви не снимают шапок и фесок, в крестном ходе нет порядка», хотя видел восторг и радость болгар от приобщения к обряду [2. С. 81].

Ученые приводят случаи фактического отрицания со стороны балканцев предлагаемого Россией единства. Так, принимая русскую помощь для освобождения от османского ига, они не проявляли затем склонности следовать в фарватере российской политики [3. С. 70]. С другой стороны, и русское общество испытывало разочарование. В нем после войны 1877–1878 гг. даже «началось размежевание на тех, кто призывал к прагматизму и рационализму, и на тех, кто остался сторонником традиционной, безоговорочной поддержки балканских славян» [3. С. 71–72]. В продолжение темы О.М. Курчатова (Саратов) цитирует князя В. Мещерского, писавшего в конце 1870-х годов после посещения Белграда: оказывается «сербы не любят болгар, не любят румынов, не любят черногорцев, не любят друг друга [...] Если славяне не могут жить мирно между собою, то к чему задаваться вопросом об историческом значении России в судьбе Восточного вопроса?» По мнению исследовательницы, «обольщение» России славянами, сербами, в частности, связано с экстраполяцией российской прессой, хотя бы частично, русского менталитета на сербов, что приводило к непониманию их действий. Отсюда столь неожиданной для русских, по-прежнему мало знавших о сербах и других балканцах, о нравах их частной и политической жизни, оказалась жестокость кровавой расправы с сербскими королем и королевой, убитых во время государственного переворота 1903 г. [3. С. 116].

Анализируя влияние фактора этнорелигиозного славянского единства на характер внешней политики России в конце XIX – начале XX в., историки обнаруживают в деятельности российских правящих кругов недостаточную прагматичность с точки зрения видения геополитических интересов государства. Придание слишком большого значения идее славянской взаимности при недостаточном учете подвижек в расстановке международных сил в последней трети XIX в. приводило российскую дипломатию к досадным ошибкам. По мнению Глушкова, российское правительство не умело реалистически оценить политическую обстановку в Европе, учесть силу антирусских настроений, питало иллюзии,

что может положиться на своих союзников в лице Австро-Венгрии и Германии [2. С. 124], т.е. не проявляло достаточной компетенции.

Критично высказывается о царской дипломатии и Мишев, считая, что она «не могла своевременно оценить то обстоятельство, что Союз трех императоров уже сыграл свою роль». Проследивая ход подвижек в сообществе международных элит, явление новых игроков и новые амбиции европейских государств, создание в 1879–1882 гг. союза Германии, Австро-Венгрии и Италии, а в 1891–1893 гг. франко-русского союза и их противоречивые цели, Мишев пишет, что Россия не заметила, как вокруг нее возникло сложное переплетение международных интересов и инициатив, и оно «оказалось непреодолимым, или трудно преодолимым для русской дипломатии». Впрочем, подмечает он, и профессионалов уровня Бисмарка или графа Калноки у России не оказалось [2. С. 136].

Элементы традиционной дипломатии, несмотря на периодические разочарования в ней, обнаруживали себя вновь и вновь в действиях российского правительства, когда мир подходил к новым кризисам. Саратовская исследовательница Н.А. Учаева рассматривает эту ситуацию на примере Балканских войн 1912–1913 гг., когда столь резко обозначился разрыв между тем, чего желала российская дипломатия и что получила в действительности. Учаева ставит ряд важных вопросов: почему такой разрыв имел место, что подпитывало мифологические образы, делая их не только жизнеспособными, но и востребованными. С военным успехом славянских балканских народов, отмечает она, особенно на первом этапе войны, в российском обществе возродились полузабытые мифические образы славянского единства и могущества. Однако уже несколько месяцев спустя – с началом схватки между славянскими союзниками – Россия оказалась перед крахом собственных иллюзий о славянском единстве и о своей руководящей роли в балканских делах [3. С. 118].

В дискуссию включился Сл. Елдыров со своей не менее жесткой оценкой отношения болгарского общества, или, по крайней мере, его части, к идее славяно-христианского единства. По мнению болгарского ученого, именно болгарской церковью православие и славянство пропагандировались как основы национальной идентичности. Тем не менее, с тяжелым военным поражением Болгарии в 1913 г. в ходе 2-й Балканской войны часть болгарского духовенства, озлобленного на бывших славянских союзников и разочарованное в олицетворявшемся Россией православии и славянстве, того самого духовенства, которое являлось главным протагонистом идеи войны креста против полумесяца, обратилось к мысли об унии православия с католической церковью. Эта мысль родилась летом 1913 г. и в короткий срок, сообщает Елдыров, «сумела овладеть общественным сознанием до степени судьбоносного национального вопроса». Начались даже приготовления к этому акту, но все быстро сошло со сцены [2. С. 178].

Означали ли события 1913 г. действительный крах славянской идеи в сознании болгар? Скорее всего, нет, хотя вера в нее действительно могла пошатнуться. Мифы имеют предрасположенность к долгому существованию, и, как показывает практика, – к возрождению на новых волнах развития общества, вплоть до настоящих дней.

4. *Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат.*

Два этих понятия до сих пор сосуществуют в общественном сознании болгар, но не мирно, а в противопоставлении «хорошего Сан-Стефано» «плохому Берлину». Примерно такова же диспозиция в научных разработках болгарских историков, хотя недавно она стала колебаться: слишком сильным оказывается

обаяние ловкого хода российской дипломатии, сумевшей на десятилетия заигнотизировать болгарскую политическую элиту мифом о Сан-Стефанском Болгарском государстве – самом крупном в территориальном отношении на Балканах и объединяющем «все болгарское племя».

С событий 1878 г. прошло более 130 лет, но, кажется, только теперь в трудах болгарских историков стали обнаруживаться некоторые подвижки в соотношении черных и белых красок при описании тогдашних событий. Подвижек мало, но они есть, и потому важно зафиксировать примеры обновляющегося подхода, увиденного на страницах рассматриваемых сборников. Так, П. Петков не только не произносит традиционных неллицеприятных слов в адрес Берлинского конгресса, но, характеризуя главный результат его работы для Болгарии, указывает: «Берлинский мирный договор – окончательный, он предоставил политическую автономию Княжеству Болгария и административную политическую самостоятельность Восточной Румелии». И это действительно главное. Еще более важным является проявление нового отношения к решениям Берлинского конгресса, вытекающее из дальнейших слов Петкова: этот конгресс «в болгарском обществе все еще трудно воспринимается *как преимущественно положительный фактор* (из-за десятилетий негативных наслоений, связанных с отрывом Македонии и Южной Фракии и оставлении их под властью Османской империи)» [2. С. 159] (курсив мой. – Р.Г.).

О заключении прелиминарного Сан-Стефанского договора как о «театральной симуляции» упоминает, правда вскользь, в цитировавшейся выше статье А. Пантев. Более пространно рассматривает историю подписания мира в Сан-Стефано Ст. Дойнов. Задавшись вопросом, почему русское правительство подписало двусторонний Сан-Стефанский мирный договор с Турцией, тогда как задолго до этого договорилось в Вене и Лондоне заключить мир обязательно при участии «европейского концерта» [2. С. 24–25], Дойнов в попытке найти на него ответ, высказал мнение, что такая нелогичность связана с тактикой канцлера А.М. Горчакова, который стремился продемонстрировать *балканским христианам* (курсив мой. – Р.Г.) и, прежде всего, болгарскому народу, добрую волю России как их покровителя и защитника. Понимая, продолжает Дойнов, что предстоящий международный конгресс уничтожит большую часть Сан-Стефанских решений, Горчаков дескать рассчитывал, что зафиксированное таким образом русское предложение нанесет ущерб западноевропейскому влиянию на Балканах и поднимет престиж России. Канцлер оказался прав, – заключает Дойнов, – русофильство в Болгарии сохраняется вплоть до наших дней [2. С. 28]. На близкой позиции стоит и И. Тодев, заявляющий: «Для Болгарии Сан-Стефано и до сих пор остается незабвенной исторической мечтой» [1. С. 99].

Да, согласимся мы, такой подход русской дипломатии вероятен, если иметь в виду болгар. Но ведь Дойнов говорит обо всех балканских христианских народах, и нельзя не признать, что для большинства из них Сан-Стефано стал не проявлением доброго отношения со стороны России, но, наоборот, сильным ударом из-за игнорирования их интересов. Сербь и греки благодетельствования болгар (к тому же за их счет, как они полагали) не поняли и не приняли, да и не могли принять по своему менталитету. Более того, в неосуществленном Сан-Стефанском мирном договоре оказались заложены зерна будущего политического и военного союза Сербии, Греции и Румынии против Болгарии [1. С. 90–91]. И если в начале XX в. России пришлось напрягать силы, чтобы не допустить военной вражды между балканскими странами, то из-за глубокой трещины, обнаженной Сан-Стефано, ее усилия были заранее обречены на неудачу. И недопонимание

(недоучет) русской дипломатией данного обстоятельства никак не свидетельствует в ее пользу.

Но позиция Дойнова, призывающего «признать судьбоносное значение для развития не только Юго-Востока Европы, но и всей Европы» решения Берлинского конгресса, сколь несправедливы они не были, очень важна. Их роль определяется, по его мнению, созданием в болгарских землях государственного устройства на основе Тырновской конституции, выработанной под крылом освободительной русской армии. Дойнов подчеркивает, что окончание РТВ сыграло роль буржуазно-демократической революции и положило начало расцвету болгарской демократии [2. С. 29].

5. *Россия и национально-освободительное движение на Балканах.*

Эта тема представлена в рассматриваемых сборниках лишь выборочными сюжетами, хотя и действительно важными. Сконцентрируем их в следующих пунктах: а) факторы реорганизации системы международных отношений; б) Балканские и Первая мировая войны как междоусобные славянские войны; в) крах балканской политики царской России.

Касательно первого пункта, историки отмечают, что РТВ явилась последней успешной войной царской России. Она вызвала на европейском континенте грандиозные изменения, однако не остановила наметившегося после тяжелого поражения в Крымской войне нисходящего тренда международного влияния самодержавного государства. Об ослаблении роли России на международной арене в конце XIX – начале XX в. пишут почти все авторы рассматриваемых сборников. Пантев считает, что именно после Крымской войны наметилась трещина в «венской системе» отношений. Ее окончательное расшатывание было делом времени. В ходе «ферментации» намечавшейся новой расстановки сил в Европе происходило формирование «нового интеллектуального и политического климата» [1. С. 64]. Появились такие формы экспансии как экспорт капитала, концессии на разработку полезных ископаемых, строительство инфраструктуры и т.п., а в международном праве – новые понятия, в том числе такие, как сфера интересов в финансово-политической сфере. Царская Россия к адекватному ответу на подобные вызовы готова не была.

Росту популярности западных либеральных взглядов России нечего было противопоставить, кроме панславистских идей, считает Исаева. Она пишет: следуя сложившемуся стереотипу своей внешней политики (поддержание великодержавного статуса в Европе, патронат над славяно-православным миром), Россия уповала в первую очередь на идеолого-духовные и военные рычаги «при колоссальной недооценке финансово-экономических, к использованию которых интенсивно прибегал более рационально мыслящий Запад» [3. С. 73]. Близкой позиции придерживается Глушков, полагающий, что слишком большая вера российской дипломатии в фактор славянской взаимности затмевала геополитическое видение интересов государства [2. С. 124]. Для преодоления этого препятствия необходима была, развивает мысль Кочуков, перестройка самой России и, прежде всего, национального сознания [3. С. 78].

Относительно двух других пунктов следует сказать, что *Балканские войны стали символом развеивания иллюзорной идеи о том, будто племенная и религиозная общность славянских народов обязывает и естественно ведет к общности их внешнеполитических интересов. Российской дипломатии было бы полезно предвидеть реальное развитие событий еще в 1908 г., а особенно в 1912–1913 гг. Вместо этого – содействие созданию Балканского союза: эфемерные надежды, что он станет опорой России на Балканах перед Западом! Пережив*

эту неудачу, Россия затем, с маниакальным упорством демонстрируя верность славянской солидарности, вступила в 1914 г. в мировую войну – навстречу краху Великой империи. Согласимся с О.Н. Исаевой – у правящей элиты, очевидно, был притуплен инстинкт самосохранения...

Не только российская демократия недостаточно внимания уделяла такому фактору раскачивания системы европейского «концерта», как нарастающая на Балканах национально-освободительная борьба, участвовавшие в конце XIX в. кризисные ситуации, в частности, связанные с македонским вопросом. Образно пишет об этом процессе Пантев: открывались новые неизвестные народы, они стучались в двери Европы, требуя внимания [1. С. 65]; пробуждение прежде «неизвестных народов и наций», настаивавших на получении места под солнцем, собственного признания, а также государственной самостоятельности, действовало как «подземные толчки с неизвестным результатом».

«Концерт» же не торопился отворять двери незнакомцам. Магистральной линией великих держав в отношении Турции и ее христианского населения оставалась постоянная со времен Берлинского конгресса тактика, заключающаяся в требованиях к султану провести реформы с целью улучшения положения православных. Таким путем великие державы, включая Россию, надеялись сохранить status quo на Балканах. Кроме того, русская дипломатия, традиционно проявлявшая готовность оказывать национально-освободительному движению братьев-славян моральную поддержку, этим и ограничивалась; ее отношение к любым революционным действиям на полуострове, столь же традиционно было резко отрицательным.

Македонскому вопросу в рассматриваемых сборниках посвящены, против обыкновения, всего две работы и обе принадлежат перу российских авторов – О.Н. Исаевой, выступившей с еще одной статьей в рассматриваемых сборниках, и Д.О. Лабаури (Екатеринбург). Как и все, связанное с македонской проблематикой конца XIX – начала XX в., является неоднозначным, так и указанные авторы оказались в известном противостоянии друг с другом. Лабаури, сочувственно проникаясь идеями революционной организации (ВМРО), не скрывает своей неудовлетворенности из-за нежелания царского правительства оказывать ей поддержку, способствовать дальнейшему ослаблению Османской империи [1. С. 207]. Россия тем самым, по его мнению, отказывалась от своей традиционной роли покровительницы национально-освободительного движения на Балканах и неуклонно теряла влияние на Балканах. Не удерживается он от сожаления и по поводу русской «односторонней поддержки в этом регионе сербской пропаганды». Но вместе с тем Лабаури, будучи квалифицированным историком, признает серьезными опасения российской дипломатии, что в случае раздела Турции наибольшую выгоду в территориальном смысле получили бы традиционные противники России – Англия и Австро-Венгрия, а также что «ориентация России в конце XIX – начале XX в. на Сербию и Черногорию как на наиболее вероятных союзников в неизбежном столкновении с Австро-Венгрией, имела преимущественно объективные причины и в целом соответствовала логике политики реальных интересов» [1. С. 209]. Отсутствие поддержки со стороны России революционному крылу национально-освободительного движения, констатирует Лабаури, переключало внимание представителей последнего на другие великие державы: важным и первостепенным для революционеров было добиться свободы и освобождения, откуда бы они ни пришли [1. С. 212].

Но этого так и не произошло. Очевидно, на революционном пути македонская проблема в то время не имела решения.

Исаева концентрирует внимание на другой стороне балканско-македонского сюжета – на попытках русской дипломатии долговременно держать его в подвешенном состоянии в лоне постепенных *мирных преобразований* на основе дипломатического вмешательства. Она возражает против существующей в историографии точки зрения о том, что македонский вопрос в 1908–1909 гг. рассматривался Россией только в плоскости сербско-болгарского спора и что все действия России вели к разделу Македонии при игнорировании национальных интересов Болгарии. Исаева полагает, что ныне эта позиция может быть существенно скорректирована на основе документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи [3. С. 251].

Обнаруженные ею проекты российской дипломатии показывают, что они были рассчитаны на длительное решение македонского вопроса, акцент в них делался на процессе (урегулировании), а не на результате (разрешении). Понимая, что развязать этот гордиев узел Балкан невозможно из-за недостижимости удовлетворения интересов каждой заинтересованной стороны, российская дипломатия пыталась чуть ослабить его и отложить на отдаленное будущее «окончательное» разрешение проблемы. Однако, подчеркивает Исаева, предлагавшийся Россией промежуточный вариант не имел шансов на реализацию в силу тогдашних политических реалий, хотя именно он на тот момент представлялся наиболее гибким вариантом решения македонского вопроса [3. С. 261].

Обе указанные работы лишний раз демонстрируют всю сложность национально-территориальных вопросов, тупиковыми оказывались оба пути – и революционный, и мирный. Ни в том, ни в другом случаях разрешить проблему без помощи великих держав было невозможно (собственных сил балканцам пока что не хватало), но «великие», не доверяя друг другу, не могли договориться между собой. Когда же малые балканские государства (державицы, как они сами себя называли), объединившись в 1912 г., взяли инициативу в собственные руки и путем войны против Турции добились освобождения македонских земель, попытка поделить их между собой в скором времени привела их, а затем и все великие державы к истребительной мировой войне.

Так, может быть, дипломатии великих держав не стоило столь затягивать кризисную ситуацию на полуострове, испытывать долготерпение балканцев, а следовало серьезнее отнестись к желаниям и требованиям «новых незнакомых народов» и не упускать инициативы из своих рук?

Именно мировой войне посвящена статья Л.В. Ланник в саратовском «Славянском сборнике», точнее, ее эволюции в славянскую национально-освободительную. Ланник предлагает рассматривать войну с точки зрения национального аспекта «того системного кризиса, который поразил европейскую цивилизацию в начале XX в.» [3. С. 129]. Для Германии и России, пишет она, несмотря на запоздалую (уже в ходе войны) формулировку целей и задач, наиболее важными были проекты интеграции территорий Восточной Европы под собственной гегемонией. Для большинства же славян приоритетной целью была, наоборот, дезинтеграция, раздел империй и пересмотр границ. Автор считает возможным говорить о мировой войне не только как о противостоянии между славянством и германством, но и как о междоусобной войне между славянскими народами, в ряде случаев превращавшейся в войну гражданскую из-за разной внешнеполитической ориентации [3. С. 130]. Поднявшееся в 1917–1918 гг. революционное движение, подчеркивает Ланник, «для славян явилось только формой обретения государственной независимости». «Для большинства славянских народов, – заключает она, – крушение четырех империй и юга Европы было уникальным исто-

рическим шансом, которым они при поддержке стран Антанты воспользовались [...] Однако существенного общеславянского взаимодействия ради установления справедливого национально-государственного устройства в Восточной и Южной Европе практически не было» [З. С. 131]. Это важно отметить, как лишнее доказательство зыбкости идеи славянского единства, когда дело касалось политической практики.

Читатель уже понял, что в настоящий обзор вошли исключительно материалы, помещенные в указанных юбилейных сборниках. Понятно, что они представляют только часть существующей современной историографии России, Украины и Болгарии, тем не менее, основные ее тенденции, безусловно, нашли в них отражение. Главной темой, как для болгарских, так и для российских историков, оказались именно проблемы ПРАГМАТИКИ в российско-балканских/болгарских отношениях конца XIX – начала XX в.

Эта тема остается актуальной и в современном мире, предъявляющем особенно строгие требования к здравому смыслу политиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. България и Русия между признателността и прагматизма. Международна научна конференция. Доклади. София, 2009.
2. Дриновський збірник. Харків; София. 2009. Т. III.
3. Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. Вып. 7.

© 2010 г. *И.В. КРЮЧКОВ, А.С. МУХОРТОВ*

ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В 1939–1946 ГОДАХ¹

После событий 1939 г. и раздела Польши участь поляков, оказавшихся на подконтрольной СССР территории была трагичной. Уже 2 октября 1939 г. советское руководство приняло решение о создании лагерей для польских военнопленных [1. С. 94]. Через день последовало решение о создании на Западной Украине и в Западной Белоруссии особых трибуналов, которые получили право выносить приговоры о высшей мере наказания за контрреволюционную деятельность [1. С. 96]. С 4 октября 1939 г. начались депортации «контрреволюционных элементов»: многие польские граждане были отправлены в лагеря или на поселение в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, северные районы РСФСР. Именно в это время, в октябре 1939 г., они появились на Ставрополье [1], в основном в сельской местности, где было легче найти работу и продовольствие. 10 августа 1943 г. ГКО СССР принял решение о мобилизации бывших польских граждан в польские воинские формирования под командованием З. Берлинга. Однако эта мобилизация пошла не так, как предполагалось. Некоторые бывшие польские граждане не хотели воевать в этих частях. Кроме этого руководители многих предприятий не желали терять дополнительные рабочие руки. 29 сентября 1943 г. Исполнительный комитет Ставропольского краевого совета принял постановление, которое предписывало всем руководителям местных органов власти и предприятий не оказывать препятствий при мобилизации бывших польских граждан (далее будем называть их «польские граждане») в действующую армию [2. Ед. хр. 43. Л. 84].

В апреле 1944 г. начался новый этап в политике руководства СССР в отношении поляков, оказавшихся в СССР, начало которому положило постановление СНК СССР от 5 апреля 1944 г. Его можно разделить на две части. Первая часть затрагивала проблему снабжения польских граждан продовольствием и товарами широкого потребления. Вторая половина постановления рассматривалась как существенная уступка советского правительства польским гражданам, проживавшим в СССР. Согласно данному постановлению и по предложению Президиума Союза польских патриотов (СПП) 26 885 польских граждан подлежали переселению из Сибири и районов Севера в более благоприятные в климатическом отношении регионы СССР [2. Ед. хр. 54. Л. 7]. Предписывалось переселить 9000 поляков из Коми АССР, 7500 из Архангельской области, 3000 из Коми-Пермяц-

Крючков Игорь Владимирович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета. Мухортов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета.

кого округа Молотовской области, 5000 из Нарымского округа Новосибирской области, 1000 из Бодайбинского округа Иркутской области и 1385 из Якутской АССР [2. Ед. хр. 54. Л. 8]. В качестве регионов, в которые следовало переселить поляков, были определены Краснодарский и Ставропольский края, Саратовская, Курская, Ростовская области и Украина. Переселенцев следовало разместить в местных совхозах. Органам власти СССР в тесном контакте с СПП необходимо было организовать перевозку и размещение польских граждан. Для этого выделялись необходимые финансовые ресурсы, транспорт, запасы продовольствия. В специальном приложении были определены квоты на размещение польских граждан в регионах. Ставропольский край должен был принять 650 семей (1540 чел.) [2. Ед. хр. 54. Л. 12].

Особо в постановлении оговаривалась перевозка польских детских домов. Один из них был перевезен в с. Ипатово Ставропольского края. Еще один польский детский дом планировалось разместить в г. Кисловодске, но вскоре от реализации этого плана отказались. Для обеспечения законодательной базы приема польских граждан Исполнительный комитет Краевого совета принял соответствующее постановление 26 апреля 1944 г. Оно полностью по своему содержанию дублировало постановление СНК СССР от 5 апреля 1944 г.

Согласно постановлению Крайисполкома, Ставропольский край должен был принять на 20 семей меньше ранее запланированного, т.е. в общей сложности 1450 чел. [2. Ед. хр. 54. Л. 15]. Первый состав с польскими гражданами (158 семей – 487 чел.) прибыл 20 июня 1944 г. на станцию Расшеватская. К июлю 1944 г. перевозка польских граждан была завершена, однако вместо 630 семей в край прибыли 555 семей (1605 чел.), т.е. 155 чел. сверх плана [2. Ед. хр. 63. Л. 199]. Однако их довольно быстро разместили на территории Ставрополя. О национальном составе польских граждан можно судить по сохранившимся в архиве данным: из 971 чел. 497 являлись этническими поляками, 328 – украинцами, 55 – белорусами, 63 – евреями, 21 – литовцами и семь – русскими [2. Ед. хр. 63. Л. 199]. Профессиональный состав польских граждан так же отличался большим разнообразием. Среди них было 35 портных, 20 преподавателей школ, пять столяров, семь токарей, семь бухгалтеров, два агронома и т.д. [2. Ед. хр. 63. Л. 200]. В результате на территории Ставропольского края возникла крупная община польских граждан, которая насчитывала более 1800 чел. Если оценить в географическом плане прежние места проживания поляков и евреев – граждан довоенной Польши, то здесь были представлены все польские регионы, включая жителей районов, вошедших в состав СССР в 1939 г., однако, в целом, среди польских репатриантов доминировали жители Варшавы, Лодзи, Кракова, Люблина и других городов Центральной Польши. В 1944 г. практически все бывшие польские граждане, проживавшие на территории Ставропольского края, имели советское гражданство в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 ноября 1939 г.

Для польских граждан край, несмотря на то, что сильно пострадал за месяцы оккупации, оказался раем на фоне полуголодного существования на Урале, в Сибири, в Казахстане и других восточных регионах СССР, где проблемы с продовольствием дополнялись проживанием в сложных климатических условиях. На Ставрополье также ощущался сильный дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, но снабжение населения продуктами все же отличалось в выгодную сторону по сравнению с другими регионами СССР. Бывшие польские граждане размещались на квартирах у местных жителей или в совхозных помещениях, приспособленных для проживания людей. Они наравне с коренны-

ми жителями выполняли все сельскохозяйственные работы, получая такую же оплату труда, но оказались в очень тяжелых бытовых условиях. Многие из них были горожанами, неприспособленными к сельскохозяйственному труду, особенно в условиях послеоккупационной разрухи. Здесь важно отметить, что это не целенаправленная политика властей по отношению к бывшим польским гражданам, так как советские граждане на Ставрополье жили в таких же условиях. Основная часть продовольствия, производимого совхозами и колхозами Ставропольского края, забиралась для нужд армии и промышленных центров страны. В СССР наблюдался острый дефицит товаров народного потребления, что было вызвано, во многом, объективными факторами, поскольку подавляющая часть промышленных мощностей была переориентирована на выпуск продукции для армии. Ситуация в крае осложнялась еще и тем, что на его территории оказались несколько тысяч эвакуированных советских граждан из Молдавии, Украины, Ленинграда и Ленинградской области, которых также следовало обеспечить жильем, работой и продовольствием, а ресурсы края были весьма ограничены.

Оказавшись на территории края, бывшие польские граждане стремились интегрироваться в новые социально-экономические и политические условия, чтобы выжить. Эту интеграцию облегчило в целом благожелательное отношение к ним местных жителей. Основная их часть относилась к бывшим польским гражданам с сочувствием и пониманием, конфликты, возникавшие на бытовой почве, были редкостью. Поляки, оказавшись на территории Северного Кавказа, не забывали свою религию, историю, с ностальгией вспоминая «добрые, старые довоенные годы», веря в возрождение Польши после войны и возможность возвращения на родину.

О тяжелом положении польских граждан свидетельствует следующий факт: перед их репатриацией в Польшу проводилось обследование материального и бытового положения поляков и евреев. Многие семьи не имели хорошей одежды и обуви, поэтому им приходилось носить то, что у них было еще до войны, но качество этой одежды и обуви не выдерживало никакой критики. Многие поляки, проживавшие в отдаленных совхозах Ставропольского края, испытывали серьезные проблемы с получением продовольствия [2. Ед. хр. 83. Л. 67]. Советское правительство прекрасно понимало, что оборванные польские репатрианты, вернувшиеся на родину, не могли вызвать симпатии к советскому строю среди жителей Польши, а советизация Польши в это время набирала силу.

Однако ресурсы для оказания помощи полякам были очень ограничены, тем не менее, нуждающимся бывшим польским гражданам Ставропольский крайисполком выделил 15 т муки и 78 тыс. руб. Эти средства направлялись в населенные пункты и совхозы, где проживали поляки, прежде всего в Совхоз № 4 (Апанасенковский район) – 10 тыс. руб., Мясовсовхоз № 108 (Арзгирский район) – 6 тыс. руб. [2. Ед. хр. 83. Л. 24–25]. Это объяснялось не только многочисленностью польской общины в данных районах, но и тем, что Апанасенковский и Арзгирский районы относятся к числу восточных регионов Ставрополья со сложными климатическими условиями, что не могло не отразиться на доходах колхозов и совхозов данной зоны и на благосостоянии их работников. Помощь распределялась среди детей, стариков и нетрудоспособных.

Однако у Крайисполкома не было средств на приобретение для поляков необходимой обуви и одежды. В ответ на запрос о выделении средств для помощи польским гражданам Наркомторг СССР поинтересовался, почему из 150 тыс.

руб., выделенных для помощи польским гражданам по ходатайству В.М. Молотова еще в 1945 г., краевые власти потратили только 27 тыс. руб.? Эти деньги как раз и выделялись на приобретение для польских граждан тканей, обуви и одежды. В конечном итоге эта проблема была урегулирована, и Крайпотребсоюз в счет ранее полученных средств выделил польским гражданам одежду на 75 тыс. руб. и обувь на 30 тыс. руб. [2. Ед. хр. 83. Л. 107].

Польским гражданам пытался оказывать помощь СПП, в частности, в январе 1946 г. он просил советские власти выделить одежду и обувь для детей, чьи родители погибли на фронте. Польское правительство также в январе 1946 г. предприняло попытки оказания помощи своим гражданам. С этой целью в Краснодар поступило 12 т продовольствия [2. Ед. хр. 83. Л. 65]. Однако здесь сразу возникла проблема с его доставкой в Ставрополь. Вскоре эту проблему удалось решить. Распределением этой помощи занимался СПП. Однако возможности Союза были очень ограниченными: польские граждане получили всего 20 пар брюк и восемь пар обуви [2. Ед. хр. 83. Л. 68], это было ничтожно мало.

В некоторых случаях с распределением помощи случались и курьезные случаи, так Винодельческий совхоз № 8 получил 400 кг пшеницы, которые необходимо было распределить среди нуждавшихся польских граждан, 60 кг пшеницы раздали на детей, а остальные 360 кг не были распределены, ибо в совхозе отсутствовали иные польские граждане, которые могли попасть под категорию нуждающихся [2. Ед. хр. 83. Л. 62]. В Ставрополь поступали и жалобы на распределение помощи, ряд польских граждан жаловался, что их незаконно исключили из списков нуждающихся и что помощь, на их взгляд, получали те, кто на нее не имел права, в частности, такая жалоба поступила из поселка Штурм [2. Ед. хр. 83. Л. 99].

Островком польского мира на Ставрополье стал Польский детский дом в с. Ипатово, где размещались дети бывших польских граждан, с некоторыми из детей проживали их матери. Педагогами в детском доме также были, в основном, бывшие польские граждане. У значительной части детей родители пропали без вести, погибли. Случалось также, что отец или брат служили в польской армии, а других родственников у них не было [2. Ед. хр. 86. Л. 85–86].

Шестого июня 1945 г. между СССР и Польшей было заключено соглашение о разрешении выезда в Польшу полякам и евреям, которые на 17 сентября 1939 г. являлись гражданами Польской республики. Из этого списка исключались украинцы и белорусы. После подписания соглашения Советское правительство направило в регионы соответствующие нормативные документы, которые определяли порядок оформления разрешений на выезд и полномочия органов власти. В Ставрополь в ноябре 1945 г. в Краевой исполнительный комитет поступило постановление СНК о срочной организации выезда польских граждан [2. Ед. хр. 86. Л. 1].

После этого, 28 ноября 1945 г., на заседании Ставропольского Краевого совета депутатов трудящихся была создана специальная комиссия по эвакуации польских граждан. Председателем комиссии стал заместитель председателя Краевого исполкома Л.Я. Борохов. В состав комиссии также вошли заместитель начальника УНКВД – начальник краевого управления милиции П.В. Поздняк, заместитель начальника УНКГБ генерал-майор Гугучия, заместитель краевого прокурора В.Ф. Лесников [2. Ед. хр. 83. Л. 13]. Кроме этого, подготовкой польских граждан к репатриации занималось Ставропольское краевое управление СПП. Союз имел прямые контакты с польским посольством в Москве, что облегчало решение многих организационных проблем.

Заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин в письме от 13 декабря 1945 г. определил цели и задачи деятельности комиссии. Комиссия составляла списки поляков и евреев, которые могли претендовать на возвращение в Польшу, извещала репатриантов о правилах возвращения, выдавала выездные удостоверения и организовывала отъезд. Особо в письме оговаривались правила возвращения детей в Польшу. Это являлось серьезной проблемой, возникал вопрос, насколько дети будут самостоятельны в выборе решения? Предписывалось, что дети до 14 лет, родители которых находились в заключении на территории СССР, не подлежали возвращению в Польшу до окончания срока заключения родителей. Дети от 14 до 18 лет получили право подавать самостоятельно заявления на выезд в Польшу, дети из детских домов подлежали коллективному возвращению вместе с педагогами [2. Ед. хр. 86. Л. 16].

Последний срок подачи заявлений о возвращении в Польшу определялся до 1 января 1946 г. Кстати, инструкция по этому поводу пришла 13 декабря, таким образом, на подачу заявлений оставалось примерно две недели. Это ставило репатриантов и органы, занимающиеся рассмотрением заявлений, в очень трудное положение. За такой короткий промежуток времени требовалось выполнить колоссальный объем работы, что было не реально. Поэтому сроки подачи заявлений польскими гражданами постоянно продлевались.

В середине декабря по всему краю рассылались бланки для заполнения заявлений о выходе из советского гражданства. Каждый репатриант заполнял такое заявление. Эти заявления передавались в органы НКВД или в сельские советы. К заявлению прилагался советский паспорт с отметкой о том, что он был выдан на основании документа, подтверждавшего польское гражданство до 17 сентября 1939 г. (польский паспорт, военный билет, свидетельство о рождении, профсоюзная или больничная книжка, справки об амнистировании и т.д.) [2. Ед. хр. 86. Л. 18]. В случае, если не имелось отметок в советском паспорте и других документальных свидетельств о принадлежности к числу польских граждан в 1939 г., направлялся запрос в Комиссию, которая в 1943 г. занималась паспортизацией бывших польских граждан. Если и комиссия не могла подтвердить принадлежность к польскому гражданству до 17 сентября 1939 г., то заявитель должен был сам доказать это комиссии, в этом случае допускалось привлечение свидетелей и другие доказательства. После чего комиссия вправе была выдать разрешение на выезд или отказать, если считала, что заявитель не предъявил серьезных доказательств. Дети от 14 до 18 лет, если они отказывались возвращаться в Польшу, получали от комиссии специальную справку, которая служила основанием для предоставления им советского гражданства.

В середине 1945 г. краевая комиссия по возвращению польских граждан подвела первые итоги своей деятельности. К 15 декабря 1945 г. было выявлено на территории края 1047 бывших польских граждан, не считая детей. Было подано заявлений о выезде в Польшу 802, рассмотрено 490 заявлений, отклонено 322 заявления [2. Ед. хр. 86. Л. 21]. К 31 декабря общее число заявлений осталось прежним, однако число удовлетворенных заявлений увеличилось до 490, а отклоненных уменьшилось до 192 [2. Ед. хр. 86. Л. 22]. Здесь возникает очень важный вопрос – сколько же польских детей находилось на Ставрополье? По данным специальной комиссии, на территории края к 1 января 1945 г. проживали 776 детей, в том числе 94 чел. в возрасте от 14 до 18 лет [2. Ед. хр. 86. Л. 22]. Таким образом, в конце 1945 г. на территории Ставропольского края проживали 1823 чел., которые являлись польскими гражданами на 17 сентября 1939 г., или могли претендовать на попадание в эту категорию лиц.

В начале января 1946 г. краевая комиссия, опираясь на полученные из Москвы инструкции, приступила к непосредственной организации отъезда польских граждан. Были подготовлены два специальных эшелона для отправки людей в Польшу. Все расходы, связанные с переездом поляков, оплачивал Наркомфин СССР по счетам, предоставляемым железной дорогой через Переселенческое управление при СНК СССР. На время переезда люди обеспечивались продовольствием, за которое они должны были платить из собственных средств, и особо нуждающиеся обеспечивались одеждой и обувью. Согласно утвержденным СНК СССР нормам, в эшелоне, в котором находилось 200–500 чел., должен быть один фельдшер, в эшелоне, перевозившем 500–1000 чел. – один фельдшер и одна медицинская сестра, и в эшелоне, где находилось более 1000 чел., к ним добавлялся еще и врач. Все польские граждане перед погрузкой в эшелоны проходили тщательный медицинский осмотр, репатриантам делали прививки от брюшного тифа, оспы, производилась санитарная обработка вещей и людей, власти очень боялись начала распространения во время переезда эпидемий. В этой же связи, всем детям перед отъездом делались прививки от кори. Лица, сопровождавшие эшелоны, получали список медицинских учреждений, куда они могли обратиться по маршруту следования эшелона за дополнительной медицинской помощью и где могли оставить тяжелобольных. Перевозка транспортабельных больных, не имевших заразных заболеваний, разрешалась, но под тщательным наблюдением медицинского персонала, в каждом эшелоне имелись три специальные койки для больных.

Все репатрианты получили правила вывоза из СССР вещей, денег и ценных бумаг. Запрещалось вывозить из СССР меха, меховые изделия, рояли, пианино, ковры восточной работы, бинокли, книги, изданные до 1918 г., за некоторым исключением, почтовые марки (разрешался вывоз одной марки на одного отъезжающего), фотопленки разрешалось вывозить только в проявленном виде, из животных можно было вывезти только попугаев и служебных собак по специальному разрешению, оружие и взрывчатые вещества вывозить категорически запрещалось (в эту категорию попадали антиквариат и охотничьи трофеи). Из денежных средств можно было с собой взять сумму до 1000 злотых, поменяв рубли на злотые в специальных обменных пунктах на приграничных станциях. Остальные деньги перечислялись на специальный счет в Госбанке СССР. Облигации государственных займов СССР сдавались в ближайшие сберкассы, сберегательные вклады можно было получить на общих основаниях. Польским гражданам было заявлено, что им все будет компенсировано в Польше на основании специального соглашения между Польшей и СССР.

Вывозить из СССР можно было на одного человека – один предмет верхней одежды, одну меховую шапку, одни наручные часы, одно кольцо, одни очки или пенсне, серебряные изделия, но не более 400 гр на человека, икру черную в расчете 1 кг на человека, личные вещи и предметы гигиены.

Восьмого февраля 1946 г. Л. Борохов направил письмо А.Н. Косыгину, в котором уточнил данные по числу польских граждан, проживавших на территории края, а также о состоянии дел с рассмотрением заявлений на репатриацию. Общее число польских граждан составило 1047 чел., а количество детей увеличилось по сравнению с декабрьскими сведениями до 932 чел. В комиссию поступило 802 заявления, т.е. число заявлений не изменилось, было рассмотрено 582 заявления, выдано разрешений на выезд – 233, из детей на репатриацию согласились 208 чел. [2. Ед. хр. 86. Л. 47]. Для вывоза этих репатриантов Л. Борохов запросил 40 вагонов на вторую половину февраля 1946 г. и дополнительно десять

вагонов для вывоза детей и обслуживающего персонала из Ипатовского детского дома.

Москва подтвердила, что край 14 февраля получит эшелон для 1100 репатриантов. Людей планировалось разместить в 45 вагонах, эшелону присваивался номер ПН № 35, маршрут его движения определялся ст. Кавказская – Ростов-на-Дону – Иловайск – Днепропетровск – Львов – ст. Медьки. В одном вагоне предписывалось размещать 20–25 чел. СПП предложил украсить эшелон лозунгами и агитационными транспарантами. Это предложение краевые власти поддержали. Некоторым польским гражданам по ходатайству польского посольства разрешили выезд в Польшу не в общих составах, а в индивидуальном порядке, но такие случаи являлись редким исключением. Всего из Ставропольского края в индивидуальном порядке вернулось в Польшу 17 чел., их расходы, связанные с возвращением на родину, также оплатил Наркомфин СССР. При организации отправки эшелона возникла еще одна проблема – в Ставрополе не было польского делегата от совместной советско-польской комиссии по возвращению польских граждан, а без него эшелон нельзя было отправлять. Поэтому Крайисполком просил СНК ускорить решение данной проблемы.

На организацию отъезда польских граждан Крайисполком и Наркомфин СССР выделил 163 630 руб. Эти средства расходовались следующим образом: 1150 репатриантов получали суточные по 10 руб. из расчета десяти суток нахождения в дороге, таким образом, на эту статью расходов уходило 115 тыс. руб., на медицинский персонал выделялось 2550 руб., на организацию подъезда репатриантов к станции погрузки в вагоны – 10 тыс. руб., на покупку газет и журналов – 1000 руб., на отправку телеграмм – 1000 руб., междугородние телефонные переговоры – 3000 руб., почтовые и канцелярские расходы – 1500 руб., кроме этого, остаток средств планировалось оставить на непредвиденные расходы [2. Ед. хр. 86. Л. 84]. Эта сумма выделялась из бюджета Ставропольского края с последующей компенсацией из бюджета СССР. Следует подчеркнуть, что не все запланированные средства были израсходованы. В финансовом отчете, подготовленном Крайисполкомом (датирован 15 мая 1945 г.), отмечалось, что на репатриацию польских граждан было затрачено 125 062 руб., в том числе 112 500 руб. выделено в качестве суточных, 8520 руб. составили организационные затраты и 4014 руб. – транспортные расходы.

СНК СССР призвал ускорить работу по составлению списков репатриантов и рассмотрению заявлений на выезд, полагая, что в Ставрополье эта работа идет очень медленно. Это активизировало работу комиссии, и к 24 января было удовлетворено 612 прошений на выезд из 812 заявлений, к 14 февраля 650 заявлений из 832 [2. Ед. хр. 86. Л. 61, 89].

Работа комиссии осложнялась тем, что какое-то время она не могла установить точное место проживания некоторых репатриантов, кроме этого очень трудно было по всей стране найти родителей детей, содержавшихся в Ипатовском детском доме. Более чем с 200 заявлениями возникли проблемы с подтверждением принадлежности к польскому гражданству до 17 сентября 1939 г. В качестве типичного примера можно привести историю Г.И. Аидера, которому было отказано в репатриации в Польшу на том основании, что территория, на которой он проживал в 1939 г., входит в настоящее время в состав СССР, и он не имел родственников в Польше [2. Ед. хр. 86. Л. 239].

Шестого февраля 1946 г. во все населенные пункты, где проживали польские граждане, пришла директива от крайисполкома. В ней говорилось, что все поляки и евреи, бывшие граждане Польши, подлежали возвращению на родину и,

что полные списки репатриантов (см. [2. Ед. хр. 96]) будут присланы на места в ближайшие дни. Руководители хозяйств, где работали польские граждане, должны были обеспечить доставку репатриантов и их имущества до железнодорожных станций. Перед этим, за 3–5 дней до отъезда, репатрианты полностью увольнялись с работы и получали денежное вознаграждение за свой труд. Совхозы должны были оказать помощь нуждающимся польским гражданам, в том числе одеждой и обувью. Репатриантам следовало за счет запасов совхозов продать продовольствие за наличный расчет из нормы 500 гр. пшеницы на один день переезда, а также растительное масло, рыбу, жиры, крупы из расчета потребления в течение 5–8 дней. Необходимо было провести с каждым репатриантом беседу о правилах вывоза имущества из СССР. Для сельской местности норма вывоза составляла не более 2 тонн, включая мебель, а для городов не более 1 т на семью [2. Ед. хр. 86. Л. 95]. Особо предписывалось все беседы с польскими гражданами проводить в дружеской атмосфере. На железнодорожных станциях создавались временные пункты размещения репатриантов, куда они свозились из ближайших населенных пунктов. Должностным лицам грозили серьезным наказанием в случае невыполнения предписаний крайисполкома.

Однако свои коррективы в доставку репатриантов внесла погода. Второй по численности принимаемых репатриантов в крае после станции Расшеватская являлась станция Дивное. Ранняя весна привела к разливу озер, в результате были размыты многие дороги, поэтому власти планировали привлечь даже авиацию для доставки репатриантов на станцию [2. Ед. хр. 86. Л. 169]. Во многих населенных пунктах устраивались торжественные проводы польских граждан с народными гуляниями, власти не препятствовали организации таких мероприятий. В последние дни перед отправлением было отмечено десять случаев отказа от выезда из СССР. Так, польская гражданка Л.И. Миккер-Рубанова, проживавшая в г. Ставрополе, попросила аннулировать ее разрешение на выезд в Польшу и вернуть ей советское гражданство [2. Ед. хр. 86. Л. 211].

Первый эшелон с репатриантами был отправлен в Польшу 1 марта 1946 г., двумя частями – со станции Расшеватская и станции Минеральные Воды, на станции Тихорецкая оба состава были объединены в один эшелон, который оказался больше, чем планировалось, поэтому Северо-Кавказской и Орджоникидзовской железным дорогам пришлось выделить 56 вагонов, в которых разместились 1241 человек, в том числе 188 воспитанников Ипатовского детского дома [2. Ед. хр. 86. Л. 243]. Для детей из детского дома выделялись вагоны повышенной комфортности. В эшелоне имелся отдельный санитарный вагон, в котором находились польский врач и медицинская сестра. Начальником эшелона был назначен Я. Моткин, его заместителем Я. Брызгалин. Эшелон благополучно прибыл на станцию Рава-Русская 8 марта 1946 г.

Второй и последний эшелон с репатриантами был отправлен со станции Кавказская, в его состав входило 13 вагонов, в которых находилось 274 чел. и 18 апреля состав пришел на станцию Рава-Русская [2. Ед. хр. 86. Л. 243]. Краевая комиссия по возвращению польских граждан оценила свою работу положительно, ссылаясь на то, что на границе польские граждане не выдвигали претензий к ее деятельности. После этого Л. Борохов в своем письме от 20 апреля 1946 г. А.Н. Косыгину подтвердил, что краевая комиссия прекращает свою деятельность в связи с завершением репатриации польских граждан с территории Ставропольского края.

В целом, следует отметить, что, несмотря на отдельные недостатки, репатриация польских граждан прошла организованно и на высоком уровне, с учетом условий послевоенной разрухи. Однако не все польские граждане, имевшие гражданство Польши в 1939 г., вернулись в послевоенную Польшу, этого не смогли сделать украинцы и белорусы: в это время уже готовилась новая акция, направленная на депортацию украинцев и белорусов из Польши в СССР. Поэтому их переезд в Польшу не входил в планы Москвы и Варшавы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12.

ВЕДУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В БОЛГАРСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В 70–80-е ГОДЫ XX ВЕКА

Периодом резких перемен могут быть названы последние два десятилетия существования социалистической Болгарии (как характеризуется болгарское государство 1944–1989 гг.) во внешнеполитическом отношении. Это действительно так, поскольку 70-е и 80-е годы XX в. – два десятилетия, которые разительно отличаются друг от друга.

В 1970-е годы Болгария находилась в числе восточноевропейских государств, которые инициировали процесс по созданию системы общеевропейской безопасности и довели его до успешного завершения подписанием 1 августа 1975 г. Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. В этот период Болгарии удалось нормализовать отношения с соседними балканскими и укрепить связи с западноевропейскими странами. Тогда же, в 1970-е годы, Болгария обратила свой взор, особенно в экономическом плане, к другим континентам: Азии, Африке и Латинской Америке. Иными словами, 1970-е годы можно описать как этап поступательного открытия социалистической Болгарии миру.

В 1980-е годы характеристики болгарской внешней политики совсем иные. Уже в конце 1970-х годов проявилась новая тенденция: Болгарию обвинили в участии или соучастии в нескольких шумных международных аферах. Вначале в том, что осенью 1978 г. болгарские тайные службы при помощи КГБ организовали убийство популярного в Болгарии писателя-эмигранта Георгия Маркова пресловутым «болгарским зонтом». Вскоре следует новое обвинение, получившее название «болгарский след», в покушении турка Мехмеда Али Агджи на Папу Иоанна Павла II 13 мая 1981 г. в Риме. «След» инспирирован США с той же целью – подчеркнуть «теплые отношения» между болгарскими и советскими тайными службами. Параллельно Болгарию обвиняли в содействии «международному терроризму», трафику оружия, экспорте амфетаминов (синтетических наркотиков). В конце 1984 г. и начале 1985 г. и без того ухудшившийся имидж страны в глазах западного мира дополнился инспирированной самой Болгарией кампанией насильственной замены традиционных мусульманских имен болгарских турок на христианские (около 850 тыс. человек, или почти 10% всего населения). Это вызвало международную кампанию осуждения, сильно затруднило проведение болгарской внешней политики и подготовило крах всей системы в ноябре 1989 г.

Баева Искра – д-р ист. наук, профессор Софийского университета.

Как же происходила эволюция болгарской внешней политики в 70–80-е годы XX в.?

В начале 1970-х годов внимание болгарской внешней политики сосредоточилось на процессе разрядки, здесь наиболее ярким проявлением стали переговоры об общеевропейском примирении. Болгарский министр иностранных дел Иван Башев (трагически погибший в декабре 1971 г.) координировал с другими восточноевропейскими дипломатами усилия по созыву общеевропейского совещания. С целью обеспечения согласия североевропейских государств на условия, при которых может быть создано общеевропейское совещание [1], Башев посетил Данию и Норвегию, где встречался с премьерами Отто Крагом и Пером Ботреном и министром иностранных дел Норвегии Ионом Лонгом. В ходе переговоров со своим венгерским коллегой Яношем Петером 8 марта 1968 г. в Будапеште болгарский министр иностранных дел выразил уверенность в том, что с помощью скандинавских стран можно достичь больших результатов, нежели с помощью ведущих западноевропейских государств. Башев также поддержал мнение скандинавских стран о пользе двух военно-политических блоков в Европе: «Они приветствуют уменьшение международного напряжения, но считают, что роспуск обоих блоков не является актуальным. Даже считают, что их существование необходимо, так как было бы опасно для Европы возвратиться к неорганизованному положению накануне Второй мировой войны. Так что, по их мнению, оба блока были началом такой организованной Европы» [2. Оп. 24. А.е. 2565. Л. 3].

Болгарская внешнеполитическая активность проявлялась и в многочисленных международных встречах тогдашнего главы государства (и генерального секретаря Болгарской коммунистической партии) Тодора Живкова. Он вел переговоры с австрийским канцлером Францем Йонасом (июнь 1970 г.), с румынским руководителем Николае Чаушеску (сентябрь 1970 г.), с премьерами Норвегии, Исландии и Дании (сентябрь 1970 г.), с турецким премьер-министром Сулейманом Демирелем (октябрь 1970 г.), с французским премьером Пьером Месмером (июль 1973 г.), с Генеральным секретарем ООН Куртом Вальдхаймом (август 1973 г.), с советским лидером Леонидом Брежневым (сентябрь 1973 г.), с итальянским премьер-министром-председателем Альдо Моро (май 1974 г.), с главой греческого правительства Константиносом Караманлисом (июль 1974 г.).

Живков поставил свою подпись под Заключительным актом в Хельсинки. А в своем выступлении на совещании определил значение Акта: «Первостепенное значение имеют принятые нами принципы территориальной целостности государств и неприкосновенности их границ, недопустимости использования силы или угрозы ее применения, праве каждого народа выбирать и развивать свой социально-экономический строй» [3]. За этими словами скрыты главные внешнеполитические проблемы Болгарии: неприкосновенность границ (претензии Югославии в отношении Пиринского края), защита социально-экономического строя, что составляло основное содержание идеологически мотивированной холодной войны, в которой Болгария находилась на южном фланге Восточного блока против членов НАТО – Турции и Греции.

Принципы общеевропейского примирения были распространены и на меньший по территории, но не отличающийся большим миролюбием Балканский регион. Лидеры Болгарии и Турции ежегодно обменивались визитами (турецкий премьер Бюлент Эджевит посещал Болгарию в мае 1977 и мае 1978 г., а Живков – Турцию в июне 1976 и июле 1979 г.), во время которых обсуждалась, главным образом, проблема болгарских турок – в 1978 г. истек срок двустороннего переселен-

ческого соглашения¹. Несмотря на проблемы, отношения между двумя государствами, членами противостоящих военно-политических структур – Варшавского договора и НАТО, постепенно вошли в русло добрососедства.

Болгаро-греческие отношения нормализовались еще в 1960-е годы, и эта ситуация сохранялась и в 1970-е годы, о чем свидетельствовала дружеская атмосфера во время визита К. Караманлиса в Болгарию в июле 1978 г. [5. С. 96]. Шаги по улучшению отношений с Югославией были намечены в декларации болгарской дипломатии от 24 июля 1978 г.: Болгария согласилась с тем, что после Второй мировой войны в Македонии началось формирование македонской нации, но отказывалась признать всяческие попытки оспорить историческую принадлежность македонцев к болгарскому этническому пространству².

Тогда же, в 1970-е годы, Болгария сблизилась с большинством стран Западной Европы и других континентов. Наряду с другими социалистическими странами Болгария установила дипломатические отношения с ФРГ (21 декабря 1973 г.), благодаря чему двусторонние связи начали быстро расширяться. Сближение с «экономическим мотором» объединяющейся Западной Европы было исключительно важно для Т. Живкова, в основном из-за того, что теперь Болгария могла воспользоваться германской научно-технической помощью. Еще во время визита министра иностранных дел ФРГ Вальтера Шелла в Болгарию в марте 1974 г. было подписано соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, а годом позже – о промышленном кооперировании. После чего последовали многочисленные взаимные визиты на высшем уровне и на уровне экспертов [6. С. 191–194, 543–548]. Определенно можно сказать, что до конца правления Т. Живкова (ноябрь 1989 г.) ФРГ являлась самым близким из числа некоммунистических государств болгарским внешнеторговым партнером, а глава болгарского государства добился относительного взаимопонимания с политиком правого толка и канцлером Баварии Францем Йозефом Штраусом³.

Другое долгосрочное направление болгарской внешней политики, начиная еще с начала 1970-х годов, – Япония. Болгарское «открытие» Японии в значительной степени произошло случайно. В мае 1970 г. Т. Живков во время посещения болгарского павильона на Всемирной ярмарке в Осаке был сильно впечатлен японскими экономическими и научно-техническими достижениями. Он сразу же, уже 30 мая, подготовил специальный документ, в котором ставилась задача «торговлю с Японией взять под особый учет и контроль». Живков обосновал свое предложение возможностью получить от Японии «современные американские и другие прогрессивные технологии в области производства» [2. Оп. 28. А.е. 328. Л. 3]. Так же как и в случае с ФРГ, интерес к Японии и сближение с ней предполагало долгосрочную тенденцию болгарской внешней политики, до конца 1989 г. Об этом свидетельствуют многочисленные визиты: Т. Живков посещает Японию в марте 1978 г., его дочь Людмила Живкова, которая руководила болгарской культурной политикой, – в феврале–марте 1979 г., а наследник японского престола Акихито прибыл в Болгарию в октябре 1979 г.

¹ За десять лет действия соглашения из Болгарии переселились около 130 тыс. турок [5. С. 131–151, 237–240].

² Т. Живков объяснил эту позицию в личном послании югославскому лидеру Тито [2. Оп. 28. А.е. 2134. Л. 65, 66].

³ Об этом говорят многочисленные встречи Живкова с Штраусом, а также воспоминания советника Штрауса – Ф.-В. Ротенпиллера [7]. Об отношениях между НРБ и ФРГ см. [8].

Два указанных направления болгарского внешнеполитического интереса – ФРГ в Западной Европе и Япония на Дальнем Востоке имеют одну и ту же мотивацию: желание ускорить экономическое развитие, которое в этот период связывалось с научно-техническим прогрессом. Эти действия в 1970-е годы свидетельствуют о том, что вопреки своей жесткой просоветской политической линии Живков уже не рассчитывал на Советский Союз в достижении ускоренного экономического развития, а обратился к развитым капиталистическим странам, независимо от того, где они расположены – на Западе или на Востоке.

Но болгарская новая внешнеполитическая линия осуществлялась не так, как в Румынии, переориентировавшей политику на Запад, а более умеренно. Тодор Живков по-прежнему оставался самым верным союзником Советского Союза, но пытался разделить политику и экономику. Советский Союз был основным внешнеполитическим партнером и защитником Болгарии. Это ярко проявилось в то время, когда в 1970-е годы Болгария, вместе с другими восточноевропейскими социалистическими странами, попала в так называемый долговой капкан, что вызвало финансовый кризис. Для преодоления кризиса болгарское политическое руководство обратилось к советскому лидеру Л.И. Брежневу. Во время визита Брежнева в Болгарию в сентябре 1973 г. ему всячески угождали – Живков даже «стряхнул пыль» с позабытой идеи первой половины 1960-х годов по присоединению Болгарии в далеком будущем к СССР в качестве «шестнадцатой республики» взамен на экономическую помощь [9]. И необходимый результат был достигнут – летом и осенью 1978 г. болгарское руководство официально ходатайствовало и получило советскую финансовую помощь, благодаря чему своевременно выполнила свои обязательства по внешнему долгу. Так Болгария завершила десятилетие с оптимистическим убеждением, что сможет с помощью западных технологий и советских финансов развивать не только свою экономику, но и повысить жизненный уровень, – на тот момент страна была на 32-м месте в списке ООН по индексу качества жизни.

Для Болгарии и для мира 1980-е годы изменили политический климат. На место разрядки, достигшей своей высшей точки в Хельсинкском заключительном акте 1975 г., пришла новая конфронтация, названная позднее второй холодной войной. Это десятилетие оказалось последним этапом холодной войны, но в начале 1980-х годов никто еще не подозревал о таком развитии событий. Для Болгарии десятилетие началось растущими внешнеполитическими трудностями. Самую большую тревогу вызвали ухудшившиеся отношения с Соединенными Штатами.

Болгарское руководство отдавало отчет в том, что в начале 1980-х годов страна стала жертвой новой внешнеполитической линии США, заключающейся в «новом дифференцированном подходе» к восточноевропейским государствам, сменившей тактику «строительства мостов» [10]. Как самый близкий союзник Советского Союза Болгария стала мишенью нового подхода американской администрации при Р. Рейгане, направленного против «империи зла» и ее союзников, – именно тогда был сфабрикован «болгарский след» в покушении на Папу Иоанна Павла II [11], тогда озвучены острейшие обвинения Болгарии, якобы способствующей «международному терроризму» посредством экспорта оружия и трафика наркотиков. Самой тревожной проблемой стало охлаждение отношений с США на всех уровнях – двусторонние политические консультации были приостановлены американской стороной в 1981 г., в то же время ликвидирован Болгаро-американский политический совет и ограничены экономические связи,

также прекращено сотрудничество между таможенными организациями, отказано в признании статуса Торгово-экономической службы в Нью-Йорке, блокированы средства, предназначенные для поощрения торговли с Болгарией [2. Оп. 43–44. А.е. 81. Л. 1–10]. Таково тревожное внешнеполитическое начало десятилетия. Но на этом трудности не закончились.

Если антиболгарская кампания США, весьма вероятно, была вызвана переходом на новый виток противоборством между двумя сверхдержавами, следующий шаг полностью связан с болгарской внутренней политикой. Речь идет о предпринятой масштабной кампании по насильственной «болгаризации» турок в Болгарии в результате смены их традиционных мусульманских имен на болгарские, получившей название «Возродительный процесс» по аналогии с Болгарским возрождением XVIII–XIX вв. Акт не столь уж неожиданный, если иметь в виду, что в предыдущие десятилетия таким же образом были сменены имена болгарских цыган и болгар-мусульман (так называемых помаков). Неожиданным было то, что подобный акт болгарское правительство предприняло после подписания Заключительного акта совещания в Хельсинки, зафиксировавшего защиту прав человека.

Объяснить это странное действие можно тревожными демографическими тенденциями [2. Оп. 55. А.е. 1324. Л. 2–13]. Надо учитывать и ухудшившийся международный климат, затрудняющий выполнение Хельсинкских соглашений, и развитие другого большого кризиса в Восточном блоке: продвижение независимого профсоюза «Солидарность» к власти в Польше было остановлено введением военного положения 13 декабря 1981 г. И, вопреки широкой протестной кампании Запада, ген. В. Ярузельскому удалось утвердиться у власти [13]. Пока не обнаружены архивные данные, подтверждающие или отрицающие тезис о том, что Живков, прежде чем предпринять «Возродительный процесс», информировал советского лидера – в то время это был престарелый и больной К. Черненко, с которым Живков встречался 14 февраля 1984 г. в Москве – после похорон Ю. Андропова. Однако в любом случае Живков ожидал получить поддержку как от Советского Союза, так и от других европейских социалистических государств.

События приняли другой оборот, после того как в марте 1985 г. во главе КПСС, а затем и Советского Союза встал относительно молодой и реформаторски настроенный М. Горбачев. Почти сразу же он предпринял амбициозную попытку реформирования социализма, направленную на улучшение его экономической эффективности – первоначальной цели так называемой перестройки. Во время встречи лидеров Восточного блока в Софии в октябре 1985 г. Горбачев анонсировал глубокие перемены и в отношениях с восточноевропейскими союзниками. Во время обсуждения общих экономических проблем он предложил «экономизацию» отношений, что в случае с Болгарией означало «[...] переход экономических связей на основу эквивалентного обмена, причем имеется в виду и прекращение ежегодно выплачиваемых Болгарии субсидий для сельскохозяйственного производства в размере 400 млн рублей» [14. С. 368].

Самым неожиданным образом в основную проблему для Живкова превратился не Запад, а Восток, на который он всегда рассчитывал. Ему не помогли попытки расположить к себе нового советского лидера. В 1987 г. Живков объявил глубокие реформы, названные «Июльской концепцией», которые предусматривали не только экономические трансформации к рыночной экономике, но и политические ограничения для БКП во власти, которые способствовали созданию «неформальных организаций», то есть неконтролируемых БКП [12. Оп. 65. А.е. 83–

84]. Так Живков пытался «опередить» Горбачева в реформаторстве, но вызвал с его стороны только острую негативную реакцию во время их встречи в октябре 1987 г. [15. С. 38]. Подлинная причина конфликта между лидерами двух стран, углубившегося во время их последней встречи в Москве 23 июня 1989 г. [16. С. 101–112], – желание нового советского лидера работать со своими единомышленниками в странах Восточного блока. В болгарском случае это были учившиеся в свое время на одном курсе в МГИМО Петр Младенов и Андрей Луканов.

В изменившейся ситуации не только в мире, но и в Восточном блоке олицетворяемая Т. Живковым Болгария оказалась изолированной прежде всего из-за «Возродительного процесса», вызвавшего международную кампанию осуждения. Подобные резолюции приняла организация «Исламская конференция» в 1986 г., вопрос нашел отражение в докладах международной правозащитной организации «Amnesty International», ставился в Конгрессе США и в ООН [17]. На этот раз, в отличие от предыдущих случаев, Болгария не получила эффективной защиты от своих союзников из Восточной Европы. Более того, такие страны, как Польша и Венгрия, дистанцировались от «Возродительного процесса», поскольку он противоречил постулату прав человека.

Во второй половине 1980-х годов позиции Польши и Венгрии изменились под давлением политики «кнута и пряника», предпринятой США и Западной Европой. Поляки и венгры предпочли отмежеваться от консервативных режимов Восточной Европы, поскольку это стало условием получения привилегий в торговле с США и Западной Европой, где специально для них Европейское сообщество создало вспомогательную Программу ФАР⁴. Болгария оценивалась с абсолютно противоположной позиции – она стала примером грубейшего нарушения прав человека. Заявления Т. Живкова от 29 мая 1989 г. о том, что каждый болгарский гражданин имеет одну родину – Болгарию, но если граждане желают, они (имелись в виду болгарские турки) могут получить заграничные паспорта и выехать на «экскурсию» [18], вызвало очередную волну массового переселения болгарских турок. С этого момента проявляется остро критическая реакция со стороны мусульманских стран, а также США [12. Оп. 101. А.е. 2211. Л. 1–10; А.е. 2214. Л. 1–3; А.е. 2269. Л. 7; А.е. 2271. Л. 4–5; А.е. 2279. Л. 1–5; А.е. 2280. Л. 1–5], а социалистические страны неофициально также критикуют болгарскую политику «единения болгарской нации» (по существу ассимиляции турок) (см., например, [19]).

1989 год становится поворотным в истории всех социалистических государств Восточной Европы. Болгария также не стала исключением, но внесла свои специфические черты в общий кризис государственного социализма советского типа. В болгарском варианте к внутренним экономическим проблемам добавилась и внешнеполитическая изоляция страны вследствие «Возродительного процесса». По этой причине все усилия Т. Живкова через личные встречи и послания сохранить международный престиж Болгарии завершились безуспешно и создали условия для замены старого руководства новой просоветской командой. Вместе с тем многолетний министр иностранных дел Болгарии Петр Младенов, который вместе с Андреем Лукановым получил советскую поддержку в деле смены Живкова, подготовил условия и для признания новой власти Западом. Во время осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке Младенов беседовал с государственным секретарем США Дж. Бейкером и почти открыто обе-

⁴ PHARE – Poland and Hungary: Assistance for Restructuring their Economies.

щал осуществление перемен в Болгарии в ближайшее время [5. С. 22–23]. Это ясно показывает, что послеживковские политические силы в БКП были готовы не только к строгому соблюдению принципов горбачевской перестройки, но и к внешнеполитической переориентации Болгарии. Но это произошло, хотя и без их участия, в следующем, последнем десятилетии XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баева И., Калинова Е.* Иван Башев – политикът-интелектуалец (в печати).
2. Архив на Министерството на външните работи (АМВНР).
3. Работническо дело. 1975. 31 VI.
4. *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998.
5. *Младенов П.* Животът – плюсове и минуси. Русе, 1992.
6. Външна политика на Народна република България. София, 1983. Т. 3. Ч. II.
7. 24 часа. 2008. 15 VIII.
8. *Тодоров И.* Състояние и развитие на отношенията между НР България и ФР Германия // Международни отношения. 1989. № 7.
9. *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973 г.) // Ново време. 1993. № 1.
10. *Гартхоф Р.* Свидетелства за студената война. София, 2001.
11. *Калинова Е.* Журналистите и «българската следа» в атентата срещу папа Йоан Павел II (1981–1989) // Историята в международната журналистика: Употреби и злоупотреби. София, 2008.
12. Централен държавен архив. Ф. 1Б.
13. Przed i po 13 grudnia. Państwa bloku wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1982. Warszawa, 2006. Т. 1.
14. *Горбачев М.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2.
15. *Живков Т.* Срещу някои лъжи. София, 1993.
16. *Баева И.* Между Сцила и Харибда: Тодор Живков при последната си среща с Горбачов // Ново време. Бр. 11. 2007. Ноември.
17. *Баева И.* «Възродителният процес» в България като национален и регионален конфликт (Причини за възникване и начини на преодоляване) // Гранични и етнонационални конфликти в Средна и Югоизточна Европа. София, 2008.
18. *Живков Т.* Единството на българския народ е грижа и съдба на всеки гражданин на нашето мило отечество. Изявление на председателя на ДС на НРБ Т. Живков по БТ и БР, 29 май 1989 г. // Международни отношения. 1989. № 5.
19. *Рихлик Я.* Чехословашката външна политика и България в навечерието на събитията от 1989 г. // Университетски четения и изследвания по българска история (в печати).

© 2010 г. В.В. ВОЛОБУЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПОДПОЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В ПОЛЬШЕ В 1950–1960-е годы

Установление в послевоенной Польше власти марксистской партии проходило на фоне подавления протестов разных слоев общества, носивших нередко вооруженный характер. Организованное боевое подполье, выступавшее против коммунистов, было в основном разгромлено к 1948 г. (хотя спорадические столкновения продолжались, по некоторым данным, до 1952 г.). Этим же годом принято считать окончательное устранение из политической жизни всех влиятельных соперников правящей партии, кроме католической церкви, борьба с которой не прекращалась почти весь период существования Польской Народной Республики.

Однако на деле оппозиционные настроения не исчезли, они лишь были приглушены террором и готовы были прорваться наружу в любой подходящий момент. Причинами неистребимого скептицизма поляков по отношению к строю социалистической Польши являлись ограничение национального суверенитета со стороны СССР и враждебное отношение правящей элиты к католической церкви. Эти антагонизмы, правда, значительно смягчались наличием ряда положительных качеств нового строя, находивших одобрение у всех слоев общества: «цивилизационного скачка», доступа к социальным благам, присоединения западных земель. Благодаря этому острое чувство несамостоятельности своего государства очень редко проявляло себя публично, оставаясь на уровне бытовых настроений. Обычно такие настроения не выходили за рамки семейного и приятельского круга, и лишь в моменты социальных взрывов давали о себе знать. Однако тот факт, что они неустанно тлели, подтверждается постоянным возникновением молодежных антиправительственных организаций.

Как правило, органы, призванные бороться с проявлениями «враждебной деятельности», очень четко отделяли криминальные группы от политических. Но иногда эти два вида нелегальной деятельности настолько сливались, что милиция и Служба безопасности (далее – СБ) с большим трудом отличали одно от другого. Так, на совещании руководства Комитета по делам общественной безопасности 6 октября 1956 г. руководитель одного из его отделов Ю. Брыстыгер говорила: «Сейчас, в период возросшей политической активности враждебных элементов, любой бандитизм приобретает характер политического, грабеж идет рука об руку с террором [...] В последнее время имела место серия нападений на границе варшавского воеводства, когда бандиты, врываясь поочередно в гминные советы, почты и гминные кооперативы, срывали портреты государственных вождей,

---

Волобуев Вадим Вадимович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

развешивали вражеские листовки и осуществляли грабеж, говоря, что забирают только государственные деньги» [1. К d/s ВР 6. К. 21–22].

Сведения о размахе такого явления, как нелегальная политическая активность, дают обобщающие доклады СБ МВД. Согласно майскому докладу 1958 г., за период 1950–1957 гг. органами госбезопасности было ликвидировано 1046 подпольных молодежных организаций, в которые входили 7293 человека. «Из полученных рапортов следует, – указывалось в докладе, – что ныне бывшие члены организаций уже официально не выступают против строя ПНР, как это имело место еще в прошлом году, когда мы зафиксировали 19 случаев возобновления нелегальной деятельности. Тогда мы наблюдали очень оживленную деятельность некоторых бывших членов организаций, выражавшуюся в частых контактах друг с другом, взаимных визитах и собраниях [...] на которых выдвигались например такие предложения: возобновление нелегальной деятельности; поддержание среди бывших членов нелегальных организаций враждебной атмосферы и в случае благоприятных обстоятельств переход к нелегальной деятельности [...] Сейчас бывших членов молодежных организаций можно разделить на три группы. В первую входит подавляющее большинство людей, которые пережили позитивные перемены и активно включились в профессиональную работу [...] Ко второй группе относится определенное число бывших членов организаций, которые после освобождения из тюрем не отказались от намерения проводить враждебную деятельность против строя ПНР и по-прежнему занимают враждебную позицию [...] Эти люди не проводят организованной деятельности, но постоянно возвращаются мыслями к прошлому и лелеют разные планы на будущее [...] Третья группа охватывает тех бывших членов организаций, которые сейчас пытаются вернуться к нелегальной деятельности [...] Таких случаев по стране мы зафиксировали девять, в то время как в прошлом году их было девятнадцать [...]» [1. 0296/166 т. 17. К. 1–10].

По утверждению официальной пропаганды носителями антикоммунистических настроений являлись в подавляющем большинстве «буржуазные элементы», которые выступали против «рабоче-крестьянской власти». Пролетариат, сельская беднота и крестьяне-середняки по большевистской традиции относились к тем общественным слоям, на которые опиралась новая власть в своей политике. Однако данная установка не вполне соответствовала действительности. Более того, как раз польское крестьянство и рабочая молодежь принадлежали к тем социальным группам, откуда происходили наиболее радикально настроенные деятели антикоммунистического толка.

Например, в 1957 и первом квартале 1958 г., согласно статистике МВД, «на территории страны мы имели 9 выявленных нелегальных организаций молодежи, в которые входило 107 человек [...] 93 из них имели начальное образование, 11 – неполное среднее, 2 – среднее, 1 был учащимся вуза [...] 82 участника происходили из рабочих семей, 18 – из крестьянских, 7 – из семей трудовой интеллигенции» [1. MSW II 4354. К. 1]. За период с 1 января 1960 г. по 30 марта 1960 г. были «ликвидированы 3 нелегальные молодежные организации. Арестовано 22 человека (в возрасте 16–38 лет), дела 6 из них направлены в суд. Все организации имели пропагандистский характер [...] настраивались на распространение листовок, отъем оружия у работников гражданской милиции и военные тренировки» [1. 02961/172 т. 6. К. 3]. За период с 1 апреля 1960 г. по 30 июня 1960 г. «ликвидировано [...] 3 нелегальные молодежные организации. Арестованы 17 человек (возраст 16–18 лет), в суд переданы дела четырех. Все организации имели пропагандистский характер [...] имели своей целью распространение листовок и

приобретение оружия» [1. 02961/172 т. 6. К. 14]. За период с 1 октября 1960 г. по 31 декабря 1960 г. «ликвидировано [...] 4 нелегальные молодежные группы. Задержаны 16 человек в возрасте 16–17 лет, все рабоче-крестьянского происхождения. Из них 14 человек освобождены, дела двух направлены в суд. Эти организации [...] ставили своей целью распространение листовок враждебного содержания и нанесение враждебных надписей» [1. 02961/172 т. 6. К. 42]. «В 1961 г. выявлено и ликвидировано 16 нелегальных молодежных организаций, задержаны 136 человек [...] По сравнению с 1960 г. количество и масштаб деятельности нелегальных групп не изменились» [1. 0296/172 т. 8. К. 1]. «С 1 января 1962 г. по 30 марта 1963 г. «выявлено 46 союзов и групп, в которых состояло 226 человек [...] Почти все ставили своей задачей борьбу с коммунизмом» [1. 0365/7 т. 4. К. 21]. За первый квартал 1964 г. «выявлено 5 нелегальных союзов (в том числе 4 молодежных на этапе создания, в которые входили 22 человека от 15 до 18 лет)» [1. 0365/7 т. 4. К. 88]. В 1964–1967 гг. «раскрыто 68 попыток создания нелегальных союзов либо молодежных групп. В эту деятельность были вовлечены 318 человек [...] Из этого числа лишь 30 были арестованы и привлечены к ответственности в судах по делам несовершеннолетних. С остальными 288 проведены предупредительные беседы в присутствии родителей, школьных опекунов, кураторов и представителей молодежных организаций [...] Следует выделить две группы [объединений]: 1. Нелегальные организации, союзы и группы, располагавшие политической программой – это, в основном, относится к старшей молодежи, а также к студенческим группам; 2. Молодежные группы школьного возраста, чья деятельность носила развлекательный и хулиганский характер» [1. 0296/166 т. 15. К. 45–46]. Пик подпольной активности приходится на 1968 г., причем обращает на себя внимание резко возросший процент участников более старшего возраста. Несомненно, такой всплеск был связан с захлестнувшими тогда страну студенческими выступлениями. В отчете СБ читаем: «На протяжении 1968 г. на территории страны возникло 17 разных нелегальных организаций и групп, в состав которых входили 150 человек [...] Социальное происхождение участников выглядит следующим образом: рабочее – 78, крестьянское – 58, трудовая интеллигенция – 13, мелкобуржуазное – 1. Возраст: до 17 лет – 58, от 18 до 25 лет – 45, от 26 до 45 лет – 40, старше 45 лет – 7. Образование: высшее – нет, среднее – 29, неполное среднее – 23, неполное профессиональное – 23, начальное – 49, неполное начальное – 26. Партийная принадлежность: ПОРП¹ – 4, ОКП² – 3, ССМ³ – 10, Союз сельской молодежи – 2» [1. 0296/166 т. 15. К. 97–99]. Именно в 1968 г. органам госбезопасности пришлось впервые за много лет столкнуться с организациями, которые не только собирались проводить разведывательную и боевую деятельность против ПНР, но и успели предпринять некоторые шаги в этом направлении (возможно, это было связано с тем, что основные силы СБ были в то время слишком заняты наблюдением за студенческими волнениями и не успевали ликвидировать подпольные организации на стадии зарождения, как это происходило раньше). Так, в перечне изъятых материалов у так называемой Гданьской молодежной разведгруппы наличествуют: 1 граната Ф-1, 78 патронов к различному оружию, 100 граммов тротила, 2 духовых пистолета, один спортивный; кроме того – кинокамера, 3 пишущие машинки, радиоприемник, листовки антигосударственного содержания, информация о размещении армейских

¹ Польская объединенная рабочая партия.

² Объединенная крестьянская партия.

³ Союз социалистической молодежи.

и военно-морских постов. В организацию входили девять человек (почти все – члены ССМ в возрасте от 18 до 20 лет, одному было 53 года). Целью группы являлось: борьба со строем ПНР, отъем оружия у сотрудников милиции и работников почты, распространение листовок, проведение политического и военного обучения, сбор материалов о состоянии армии. Участники этой группы получили суровые приговоры: от года до десяти лет тюремного заключения [1. 0296/166 т. 15. К. 74–77]. У другой группы – «Седьмая рота Армии Крайовой» – среди прочего изъято: 2 ружья, один неисправный автомат, 12 патронов к «Парабеллуму», один штык. В организацию входили шесть человек (16–19 лет). Они намеревались собирать взрывчатые материалы для подрыва поездов, а также нападать на машины, перевозившие боеприпасы для советских и польских войск в целях приобретения оружия [1. 0296/166 т. 15. К. 77–81]. Самой крупной выявленной группой в 1968 г. стала «Польская военная организация “Свободная Польша”». В нее входили до 44 человек, в том числе четыре члена ПОРП, один член ССМ и один – Союза сельской молодежи. Возраст участников был следующим: до 25 лет – 7 человек, от 25 до 45 – 32, старше 45 – 5. По социальному происхождению 38 человек были крестьянами, 6 – рабочими. Организация ставила своей целью «отрыв Польши от Советского Союза, свержение нынешнего правительства ПНР и борьбу за улучшение условий жизни для рабочих и крестьян» (на практике ее деятельность свелась лишь к встречам и совместному распитию спиртных напитков) [1. 0296/166 т. 15. К. 84–86]. Также стоит отметить особую активность школьников в период мартовских волнений. Именно они в значительной мере были причастны к написанию и распространению антикоммунистических листовок, отличавшихся крайне агрессивным стилем изложения [2. S. 256].

Что толкало рабоче-крестьянскую молодежь на создание антиправительственных организаций? Служба безопасности не раз задавалась этим вопросом. Например, в отчете СБ от января 1961 г. сказано: «Причины возникновения нелегальных организаций молодежи были следующие: 1) враждебное отношение к ПНР и СССР, вынесенное из дома или воспринятое от знакомых; 2) хулиганский образ жизни, прослушивание враждебных радиостанций, желание завоевать авторитет у друзей; 3) отсутствие родительской и школьной опеки, а также надлежащего воздействия молодежных организаций» [1. 0296/172 т. 8. К. 1]. В октябрьском отчете 1963 г. утверждалось: «Собранный материал не указывает на непосредственную причину возникновения этих союзов. Во многих случаях роль косвенного вдохновителя играли передачи радио “Свободная Европа”, чтение враждебных книг, просмотр детективных фильмов, а также нередко реакционная атмосфера в доме и кругу знакомых, в особенности – циничное отношение взрослых к политико-экономическим проблемам страны» [1. 0365/7 т. 4. К. 21]. В информации СБ марта 1968 г. читаем: «Отмеченные случаи [нелегальной] деятельности молодежи школьного возраста не опирались на организационные программы. Политические акценты обычно исходили от взрослых (семья, клир и т.д.) либо учреждений, занимающихся антисоциалистической пропагандой в виде радио “Свободная Европа” и других» [1. 0296/166 т. 15. К. 50]. В донесении о нелегальной «Организации подпольной армии», основанной двумя семиклассниками в сентябре 1962 г., сказано: «Мысль о создании нелегальной организации родилась у них после прочтения книг по военной и партизанской тематике, а также после просмотра фильмов аналогичного содержания. Прочитанная литература разожгла в них фантазию о том, что неплохо бы создать нелегальную организацию для борьбы с ПОРП путем раскидывания враждебных листовок, выбивания стекол в домах, где проходили партийные собрания, а также вербовки новых членов» [1. 0296/167 т.

11. К. 10]. В информации о «Союзе демократической молодежи», основанном несколькими учениками Лесного техникума в Беловеже, написано: «Установлено, что [основатель Союза] Марчак слушал передачи “Свободной Европы” и под их влиянием захотел противопоставиться школьной ячейке ССМ. С этой целью в начале марта 1962 г. Марчак предложил Патковскому и Глущиньскому вступить в созданную им организацию, представив им свод правил, который предусматривал “сопротивление организованной ячейке ССМ, распространение антисоветских и антикоммунистических лозунгов”» [1. 0296/167 т. 2. К. 2]. О тайной организации, основанной несколькими старшеклассниками в марте 1963 г., сказано: «Мысль о создании нелегальной организации появилась у них на основе прочитанных брошюр “Товарищи по оружию гражданской милиции”, а также статьи в “Глосе роботничем” (“Рабочем голосе”, ежедневной газете в ПНР – В.В.), описывавшей преследования коммунистов в Ираке [...] [Организаторы] пришли к выводу, что настало время преследовать коммунистов и в других странах, так как это может вызвать начало войны, либо раньше начнется война, которая позволит “истребить коммунистов”» [1. 0296/167 т. 15. К. 5]. Непосредственным импульсом к созданию организации «Оперативный корпус X-15», основанной молодыми людьми 17–21 года в 1961 г., явилось высказывание приходского священника во время проповеди о том, что органы власти наказали его за обучение детей Закону Божьему. Участники организации ставили своей задачей «сбор данных по месту своего проживания о неверующих, членах ПОРП, ОРМО⁴ [...] и составление списков этих лиц. Эти списки [...] должны были быть использованы для того, чтобы отравить жизнь этим людям путем их избиений, унижения, одним словом – преследования» [1. 0365/8 т. 2. К. 8–9]. Встречались и случаи подрывной деятельности со стороны немецкого меньшинства против «полонизации». Вот, например, что говорилось о молодежной группе «Немецкий союз борьбы Верхней Силезии»: «Распространяя реваншистские листовки, организация стремилась психологически воздействовать на местное население в целях возрождения немецкого духа в Силезии и отрыва западных земель от Польши» [1. MSW II 4354. К. 2]. В обобщающем докладе СБ Зеленогурского воеводства о нелегальных формах деятельности молодежи в 1957–1966 гг. сказано: «Определяющими факторами, повлиявшими на активизацию враждебной деятельности среди молодежи в этот период, стали: влияние радио “Свободная Европа”; отрицательное воздействие литературы, фильмов и телепрограмм, не предназначенных для молодежи; негативное воздействие окружения; отсутствие занятий и развлечений [...] В 10 случаях, т.е. в 31,3 % фактов, начать враждебную деятельность организаторов сподвигла пропаганда и взгляды, внушаемые радио “Свободная Европа”. Следующей главной причиной было негативное воздействие окружающих, а также литературы, фильмов (вестернов) и телепередач, не предназначенных для молодежи. Наименьшее количество фактов враждебной деятельности возникло вследствие отсутствия культурного досуга». В другом месте того же отчета сказано: «Политическая преступность проявлялась прежде всего среди сельской молодежи и жителей малых городков, где культурно-просветительская и идейно-воспитательная работа [...] развита слабо» [1. 0296/166 т. 15. К. 12–13].

Как видим, кроме радио «Свободная Европа», самым важным фактором, провоцировавшим молодежь на конспиративную деятельность, было «негативное влияние окружающих». Данное понятие включает в себя широкий спектр яв-

⁴ Добровольный резерв гражданской милиции (Ochotnicza rezerwa milicji obywatelskiej) – аналог советских дружинников.

лений: родители, друзья, бывшие участники антикоммунистического подполья, священники и т.д. Понимая это, СБ время от времени проводила исследования с целью выяснить отношение бывших участников нелегальных антикоммунистических организаций к власти. Благодаря этому мы можем оценить, насколько позиция окружающих могла повлиять на духовный мир молодежи. В 1964 г. сотрудники госбезопасности изучили поведение группы бывших национал-демократов (эндеков – сторонников запрещенной после войны крайне правой Национальной партии) и бывших членов организации «Свобода и независимость» (наследницы Армии Крайовой – АК). Для исследования положения дел среди бывших эндеков было выбрано 224 человека по всей Польше, из них 184 участника антикоммунистического подполья и 40 членов Национальной партии межвоенного и военного периода. 155 исследуемых имели рабоче-крестьянское происхождение (из них лишь 92 человека в 1964 г. занимались физическим трудом, остальные работали врачами, юристами, инженерами, техниками, учителями). 158 человек имели в 1964 г. возраст от 40 до 60 лет, 34 – моложе 40, остальные – старше 60. 16 человек входили в ПОРП, семеро были членами ОКП, пятеро – ДП⁵. «Большинство исследуемых, – говорилось в отчете, – прилежно справляются со своими профессиональными и общественными обязанностями [...] Эти люди в подавляющем большинстве позитивно относятся к социалистическому строю и народной власти [...] выказывают политический реализм в оценке перемен, которые произошли в Польше после 1945 г. [...] этот реализм преобладает над критическими замечаниями». «Решительное большинство, – резюмировали авторы доклада, – сохраняет лояльное отношение к государству и не предпринимает попыток враждебной деятельности [...] Только в очень редких случаях эти люди пытаются пропагандировать эндецкую идеологию. Из 224 исследованных 31 человек негативно относится к социалистическому строю. Это выражается главным образом во враждебных высказываниях, в том числе в отношении социализации деревни» [1. 0365/2 т. 2. К. 124–145]. Что касается бывших участников «Свободы и независимости», то в исследование были включены 190 чел., в том числе не только члены самой организации, но также и люди, входившие в так называемые «грабительско-террористические банды», возникшие на базе АК (видимо, имелись в виду те группы, о которых упоминала в 1956 г. Ю. Брыстыгер). Последних набралось 66 чел. 145 чел. имели крестьянское происхождение (из них только 45 в 1964 г. работали в деревне). 51 чел. в 1964 г. находились в возрасте от 30 до 40 лет, 77 – в возрасте от 40 до 50 лет, 50 – от 50 до 60 лет, и 12 – старше 60. Из 124 членов «Свободы и независимости», согласно оценке СБ, «38 сохраняют враждебное отношение к народной власти, около 56 равнодушно относятся к переменам в стране и актуальным политическим событиям, около 30 активно включились в социалистическое строительство». Что касается участников «банд», то они, по утверждению СБ, состояли «из людей низкого интеллектуального уровня, слабой сознательности и политической ориентации». Из этих людей «негативно относятся к социалистическому строю 13 человек. Это выражается главным образом во враждебных высказываниях, а также в оценках своей бандитской деятельности [...] Лояльно к власти относятся 49 человек, из которых 10 активно включились в социалистическое строительство». Таким образом, подытожили авторы отчета, «в поведении людей, охваченных исследованием, видны позитивные сдвиги, особенно у тех, кто имеет семьи. В материалах нет данных, указывающих на скрытую и организованную деятельность этих людей» [1. 0365/8 т. 2. К. 169–185].

⁵ Демократическая партия.

Таким образом, на основе материалов СБ можно сделать вывод, что если воздействие «ветеранов» антикоммунистического движения на молодежь и было, то очень небольшое. Это подтверждали и заявления самих участников нелегальных групп. Так, СБ Зеленогурского воеводства в 1967 г. провела анкетирование среди бывших участников нелегальных молодежных организаций, существовавших в 1957–1966 гг. Вопросы были следующие: 1) Что толкнуло тебя на преступление? 2) Осознаешь ли ты общественный вред своего деяния? 3) Как ты сейчас оцениваешь свой поступок? 4) Если бы тебе предоставилась возможность, попытался бы ты вновь перейти к этой деятельности? 5) Что бы ты сделал, если бы узнал, что кто-то из знакомых проводит либо собирается проводить враждебную деятельность? Анкетированием были охвачены 81 чел. Из них к 1967 г. шестеро находились в возрасте от 13 до 15 лет, 23 – от 16 до 18, 35 – от 19 до 21, четыре – от 22 до 25, 13 – старше 25. Четверо опрошенных были членами ПОРП, еще четверо состояли в ОКП, один – в ДП, двадцать – в ССМ, пятеро – в Союзе сельской молодежи, четверо – в Союзе польских харцеров. На первый вопрос 51 чел. ответили, что виной стало собственное легкомыслие, 11 – влияние окружения, 19 – отсутствие культурного отдыха, стремление подражать героям фильмов и книг, а также воздействие враждебной пропаганды. На второй вопрос 49 чел. ответили утвердительно, восемь заявили, что большого вреда их деятельность не принесла, 15 уклонилось от ответа, а девять продолжали придерживаться мнения, что это был «патриотический рефлекс». На третий вопрос 62 чел. ответили, что относятся к своему поступку критически и даже стыдятся говорить о нем, 19 же человек наоборот, гордились своей былой принадлежностью к нелегальной организации, рассматривая ее как положительный эпизод биографии. На четвертый вопрос 62 чел. ответили, что не собираются больше проводить антигосударственную деятельность, 16 заявили, что все зависит от обстоятельств, а трое открыто признались в том, что охотно возобновили бы ее. На пятый вопрос 47 чел. ответили, что сообщили бы об этом властям, 23 – что никому не стали бы сообщать, а лишь попытались бы отговорить знакомых от этой затеи, девять же человек заявили, что отнеслись бы к этому хорошо, так как тяжелые бытовые условия вынуждают людей идти на такой шаг. «Антисоциалистическая деятельность среди молодежи, – подвели итог авторы доклада, – не представляет серьезной проблемы [...] Наибольший ее рост приходится на 1962–1964 гг., когда на фоне 30 [антисоциалистических] выступлений возникло 13 нелегальных молодежных организаций и был зафиксирован один факт групповых действий. Всего в 1957–1966 гг. в эту деятельность оказались вовлечены 113 человек, что в сравнении с 218 000 молодых людей, живущих в воеводстве, выглядит ничтожной цифрой» [1. 0296/166 t. 15. К. 32–41]. Этот бравурный вывод, однако, не должен вводить в заблуждение. В моменты социальной стабильности и роста благосостояния, как это имело место в Польше того периода, подавляющее большинство людей вообще склонно скорее повышать свой материальный уровень, чем заниматься борьбой с властью, тем более, что эта борьба была чревата серьезными неприятностями. Тем не менее, это не означает, будто оппозиционный заряд, который изначально присутствовал в широких массах польского народа по отношению к правящему режиму, исчез. Скорее, как указывалось выше, он оказался закупорен в пределах семейного и приятельского круга, из которого случайными искрами выскакивали молодые люди, создававшие антиправительственные структуры. Неопытность плюс юный радикализм заставляли детей рабочих и крестьян воспринимать разговоры взрослых на кухнях как руководство к действию. Эти горячие юнцы были тем барометром, который очень чутко отражал общественные настроения, когда других

механизмов выявления этих настроений не существовало. Данный факт косвенно признавали и сотрудники органов госбезопасности. Так, еще в октябре 1956 г. на совещании руководящих кадров Комитета по делам общественной безопасности один из высокопоставленных функционеров констатировал: «В познанских событиях (т.е. в июньских волнениях в Познани. – *В.В.*) основное участие принимала молодежь, а не люди старой закваски. Как видно, неприятности нам могут доставлять и сыновья рабочих. Поэтому в этих вопросах требуется полная всесторонность» [1. К д/с ВР 6. К. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (AIPN).
2. *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006.

© 2010 г. А.С. СТЫКАЛИН

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран-участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она имеет глубокий метафорический смысл, символизируя существование в коммунистическом движении 1960-х годов некоего творческого начала, способного придать этому движению новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и современными достижениями развитой демократии. Подавление Пражской весны явилось по грандиозности последствий одним из ключевых событий современной истории, во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, дискредитировавшим позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании. Широкий круг дискуссионных вопросов (об истоках и движущих силах Пражской весны, характере происходивших процессов, перспективах реформаторского движения в Чехословакии, мотивах советского военного вмешательства и отклике на него в мире, о влиянии чехословацкого кризиса на мировую политику 1970-х годов) находился в центре внимания большой международной конференции «Пражская весна и эволюция общественных настроений в СССР и странах Центральной и Восточной Европы», проведенной в октябре 2008 г. в Институте славяноведения РАН.

Выдающийся деятель Пражской весны Ч. Цисарж в своем заочном обращении к участникам юбилейного проекта писал, что истоки событий 1960-х годов восходят к периоду окончания Второй мировой войны, когда державы-победительницы договорились о разделе сфер влияния в Европе. Будучи включенной в советскую сферу интересов, Чехословакия разделила судьбу ряда других стран. В навязанной ей сталинской модели была не только генетически заложена ее будущая стагнация, обусловленная выпадением из сложившейся системы европейских экономических связей. В течение считанных лет, как отмечал Цисарж, были во многом утрачены притягательность советского опыта и авторитет СССР в глазах немалой части чехов и словаков, обусловленные решающим вкладом Советского Союза в разгром нацистского вермахта.

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Реформизм Пражской весны явился серьезным актом самокритики для того поколения чешской демократически настроенной интеллигенции, многих представителей которого привело (как и Ч. Цисаржа) в коммунистическое движение разочарование в ценностях западных демократий вследствие их мюнхенского «сговора» с Гитлером, рокового для судеб Первой Чехословацкой республики. Поколения, в значительной своей части поддержавшего февральский путч 1948 г., приведший к установлению жесткой диктатуры сталинского типа. Осознав свою ответственность за национальное развитие, именно интеллектуалы социалистической ориентации (включая просвещенную часть партократии) стали инициаторами реформаторских процессов.

Как отмечалось в докладе И.С. Яжборовской, крайне негативные последствия для развития Чехословакии имела ее реиндустриализация начала 1950-х годов в соответствии с выпавшей на долю этого государства определенной функцией в системе экономических связей в формирующемся соцсодружестве. Она сопровождалась волюнтаристской ломкой традиционной структуры промышленности и привела к торможению развития и резкому отставанию от западных стандартов в уровне жизни населения развитой индустриальной страны. Стремление рационализировать экономику было исходным импульсом Пражской весны, вместе с тем в отличие от Венгрии, где экономическая реформа стала главным содержанием развернувшихся в 1968 г. реформаторских процессов, в Чехословакии дело не ограничилось экономикой, со временем на первый план вышли проблемы демократизации, плюрализации общественно-политической жизни.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос: что в большей мере определяло динамику и глубину происходивших в стране изменений – реформаторские силы в рамках существующей власти или же независимые, внесистемные силы гражданского общества. Й. Вондрова (Чехия) напомнила о многообразии форм общественно-политической активности, подрывавших монополию компартии на выражение общенациональных интересов и свидетельствовавших о регенерации весной – летом 1968 г. структур гражданского общества, разрушенных за годы коммунистической диктатуры. Именно развитие и укрепление этих структур подталкивало власть к реформам и, возможно, на определенном этапе могло стать гарантом необратимости перемен, на что при осмыслении опыта 1968 г. всегда акцентировал внимание В. Гавел, считающий важнейшим достижением Пражской весны «плюрализм общественного объединения снизу – даже на самом низком и наименее политическом уровне – как определенную фиксацию разнообразия интересов, взглядов, судеб, точек зрения» и тем самым «выражение подлинных целей жизни и инструмент ее защиты от давления тоталитарной системы». «Именно потому, что процессу обновления не хватило времени для того, чтобы это поле возникло в такой широкой, а значит, и неуправляемой пестроте, которая бы соответствовала реальному потенциалу общества, могло быть все так быстро и так сурово подавлено» [1. С. 28].

О все более широкой палитре проявлений гражданского общества свидетельствовали создание множества новых общественных организаций, постепенное превращение прессы в рупор независимого общественного мнения, процессы децентрализации в сфере местного самоуправления. Процессы обновления охватили и компартию, постепенно, хотя и медленно трансформировавшуюся в партию парламентского типа, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими политическими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной пар-

тии). Качественные изменения в КПЧ отразил ее так называемый высочанский съезд, осудивший военную акцию 21 августа.

Что же касается команды А. Дубчека, то она, по мнению И. Вондровой, явно не поспевала за движением, идущим снизу. Даже реформаторски настроенные представители руководства КПЧ не были готовы отказаться от принципа руководящей роли партии (как и от централизма во внутривластной жизни), не приняли предложенную Ф. Кригелем новую концепцию Национального фронта, основанную на подлинном политическом плюрализме. В конце августа, подчинившись диктату Москвы, они способствовали демобилизации гражданского общества, в течение первой недели после введения войск демонстрировавшего чудеса изобретательности в моральном противостоянии международной военной силе.

Немалое внимание на конференции было уделено мотивам советского военного вмешательства. Известно, что в середине 1960-х годов в СССР были приняты некоторые непоследовательные попытки усовершенствовать, сделать более эффективным экономический механизм (так называемые косыгинские реформы). Они порождали у пражских реформаторов иллюзии, что советская правящая элита (во всяком случае, ее наиболее просвещенная и прагматичная часть) смирится с чехословацким экспериментом, тем более что союзнические обязательства ЧССР не подвергаются сомнению. Но иллюзии эти не оправдались. В Кремле, несомненно, опасались любых системных реформ, способных хотя бы отчасти изменить прежний бесконтрольный характер власти узкого руководства КПСС, а потому ставили все возможные преграды проникновению в СССР идей «социализма с человеческим лицом». Л.И. Брежнев, летом 1966 г. присутствовавший на XIII съезде КПЧ, уже в то время сделал далеко идущие выводы из звучавшей критики А. Новотного. По свидетельству А.Е. Бовина, он говорил тогда в узком кругу работников аппарата ЦК КПСС: «Вы видите, что атаки идут не столько на Новотного, сколько затрагивают совершенно другие вопросы: какая-то свобода, демократия, либерализация [...] Нам и себя оградить надо» [2. С. 175].

Однако помимо охранительно-идеологических соображений существовали геостратегические, и эволюцию позиции Москвы в ходе эскалации чехословацкого кризиса нельзя рассматривать в отрыве от баланса сил между СССР и США, а также ОВД и НАТО в Европе (на военно-стратегической составляющей военного вторжения сосредоточила внимание военный историк Н.В. Васильева). Специфика Чехословакии заключалась в том, что непосредственно гранича с западными странами, прежде всего с ФРГ, она с декабря 1945 г. не имела на своей территории частей Советской армии: советские войска стояли по флангам – в Польше, ГДР, Венгрии, а по центру, как образно заметил В.М. Кривошеев, «зияла дыра», по мнению советских военных стратегов, «опасно открывая коридор к границам оплота социализма». Речь, таким образом, могла идти о выравнивании рубежей обороны социалистического лагеря. Следует иметь в виду и стремление СССР к достижению паритета ядерных сил в условиях, когда соотношение ядерных потенциалов складывалось в пользу США и их союзников. При этом Москва не могла передать ядерные боеголовки в распоряжение союзников и в том числе Чехословацкой народной армии, поскольку это означало поставить под угрозу важные переговоры с Западом о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, Вашингтон мог в ответ передать атомное оружие лидерам ФРГ, что в Москве считали совершенно недопустимым. Таким образом, не исключая возможности военного конфликта

с НАТО, советские военные стратеги давно задумывались над способами заполнения «чехословацкой брешы», и Пражская весна явилась для них весьма кстати, став хорошим поводом и идеологическим прикрытием для ввода войск в Чехословакию. Нельзя сбрасывать со счетов и стойкое недоверие в СССР к федеральному канцлеру ФРГ в 1966–1969 г. К. Кизингеру (в молодости члену нацистской партии и чиновнику рейхс-министерства иностранных дел). Зная о дислокации в Баварии, в непосредственной близости от ЧССР, более 20-ти американских и западногерманских дивизий, Брежнев довольно остро воспринимал оголенность «общих границ соцлагеря» на чехословацком участке (историкам известны его высказывания о том, что если бы на границе с ФРГ в ЧССР стояло десять советских дивизий, разговор был бы «совершенно другой»). Маневры объединенных войск стран ОВД, состоявшиеся на чехословацкой территории в первой половине лета, лишний раз убедили советское командование в невысокой боеготовности Чехословацкой народной армии (ЧСНА), что также явилось фактором, способствовавшим выбору в пользу размещения в Чехословакии советских войск на постоянной основе (см. [3]).

Как явствует из источников, советское политическое руководство уже весной 1968 г. всерьез рассматривало возможность военного вмешательства в чехословацкие дела. Конкретные планы ввода войск на территорию Чехословакии в целях «подавления, а при необходимости и уничтожения контрреволюции на ее территории», были разработаны уже в апреле. М.Ю. Прозументчиков на основе документов РГНИ, недавно введенных в научный оборот [4], показал, что в Москве параллельно прорабатывались два варианта – политический и силовой. После варшавской встречи в середине июля лидеров пяти соцстран, которую бойкотировали представители КПЧ, все было подготовлено для военной акции, включая программные документы нового правительства. Однако акция была отложена (не в последнюю очередь из-за нерешительности Брежнева, давшего Дубчеку «последний шанс»). Во второй половине августа, с принятием соответствующего политического решения, интервенционистские механизмы были снова пущены в ход.

Выбор Москвой крайних мер в отношении Чехословакии напрямую был связан с тем, какими сведениями о ситуации в стране располагали те, кто принимал решения. Информационную базу для руководства КПСС в значительной мере формировало посольство СССР, дававшее в центр (как показали О.В. Павленко и др.) весьма одностороннюю информацию о происходившем в ЧССР, почерпнутую главным образом из бесед с представителями так называемых здоровых сил – не в последнюю очередь функционерами, опасавшимися остаться не у дел вследствие задуманной демократизации аппарата управления. Одним из факторов, предопределивших негативное отношение посольства к происходящему в Чехословакии, была видимая бесконтрольность бесцензурной к этому времени чешской прессы, резко расходившаяся с привычными для среднего советского человека представлениями о дозволенном в социалистической стране (как пример пронизанного стереотипами восприятия чехословацких событий их непосредственным свидетелем см. [5]). Но участвовавшая критика в прессе отдельных сторон жизни в СССР, насмешки над не слишком качественной советской продукцией и т.д. могут быть поняты лишь в контексте безудержного восхваления всего советского, которое имело место в Чехословакии в предшествующие, особенно в 1950-е годы, когда даже на фасаде всемирно известной карандашной фирмы «Кох-и-Нор» висел плакат «Советский карандаш – наш образец». Как заметил в своем докладе

В.М. Кривошеев, в 1960-е годы работавший корреспондентом «Известий» в Праге, «жертвы оголтелой необдуманной пропаганды советского образа жизни восстали против многолетней лжи. Они ничего против нас не имели, они действительно восстанавливали правду о себе». Однако в посольских донесениях все преподносилось как злостная контрреволюция, требовавшая скорейшего советского вмешательства. При этом посольство формировало искаженные представления о соотношении сил в КПЧ, общественных настроениях, переоценивало так называемые здоровые силы, способные навести порядок. Ставка Кремля на «здоровые силы», как известно, полностью провалилась уже в ночь на 21 августа, превратив все последующее в позорный фарс: в возникшей тупиковой ситуации Дубчек и ряд других политиков были быстро освобождены из-под ареста и усажены за стол переговоров.

В качестве дополнительного фактора давления в пользу избрания Москвой силового варианта действий выступали лидеры некоторых братских партий, особенно В. Ульбрихт и В. Гомулка. Для того чтобы понять мотивы позиции Гомулки, надо учитывать (как отмечалось на конференции), сколь большое значение он придавал потенциальной германской угрозе. Польский лидер опасался, что ослабление позиций коммунистов в Чехословакии используют в своих интересах реваншистские круги Германии, требующие пересмотра границ. Однако в это время в ФРГ уже всюду набирали силу сторонники урегулирования отношений с восточными соседями. В. Брандт воспринял грубые методы решения чехословацкого вопроса странами ОВД как знак поражения, хотя и временного, своей новой восточной политики.

Опасения германской угрозы имелись и в польском обществе, но были все же лишь одной из составляющих широкого спектра настроений. Как показал в своем докладе В.В. Волобуев, события в Чехословакии вызывали живейший интерес, и в частности, в студенческой среде, где в марте 1968 г. развернулось мощное протестное движение. Так, на воротах Варшавского университета висел плакат «Вся Польша ждет своего Дубчека». С одной стороны, лозунги солидарности с реформами в Чехословакии существовали как дополнение к требованиям демократизации у себя в стране и не играли самостоятельной роли, выступая прежде всего как благоприятный внешнеполитический фон. С другой стороны, эти реформы ассоциировались для участников польских реформаторских движений не только с требованиями политической демократизации, но и с достижением большего национального суверенитета. Возможность военного вторжения в Чехословакию обсуждалась в польском обществе с мая, что же касается акции 21 августа, то она вызвала неоднозначное отношение. По данным спецслужб, приведенным В.В. Волобуевым, поляки старшего поколения, помнившие войну, с несколько большим пониманием отнеслись к участию Войска польского в подавлении Пражской весны, нежели молодежь. Так, достаточно широко распространилось мнение о том, что чехи «сами виноваты», позволив втянуть себя во «флирт» с Западной Германией, способный поставить под удар южные границы Польши. В условиях, когда ФРГ еще не признала западные границы Польши, официальная пропаганда довольно умело играла на антинемецких комплексах многих тысяч поляков. Это, конечно, не исключало случаев проявления солидарности с происходящим в Чехословакии. Показательно, что за десять дней после 21 августа было зарегистрировано столько же листовок оппозиционного содержания, сколько за 1965–1967 гг. (как показано в выступлении М. Барат, сходной была динамика и в Венгрии). Чаще всего, однако, в Польше дело сводилось к отчаянным жестам

одинок, таким, как, например, самосожжение рабочего Р. Сивеца 8 сентября на стадионе в присутствии Гомулки. Пафос протеста затронул не столь уж значительную часть польского общества, и можно согласиться с известным историком А. Пачковским в том, что «поляки в целом пассивно взирали на эту демонстрацию “ограниченного суверенитета”, к которому уже привыкли».

Снижению политической активности формирующейся внесистемной оппозиции в Польше способствовала (как отметил В.В. Волобуев) и волна репрессий, захлестнувшая страну после мартовских студенческих выступлений. Хотя и отрицательно, но достаточно сдержанно отнесся к акции стран ОВД епископат во главе с кардиналом С. Вышиньским. Ведь события в Чехословакии не затрагивали напрямую интересы польского костела, более того, иногда воспринимались как внутреннее дело коммунистов. В силу этого польские католики избрали тактику невмешательства, дабы не подставлять себя лишний раз под удар.

В отличие от В. Гомулки, в 1968 г. переживавшего острый кризис доверия, венгерский лидер Я. Кадар, напротив, чувствовал себя весьма уверенно, вознесшись к этому времени на пик своей внутренней популярности, что было во многом обусловлено реально начатыми реформами, направленными на рационализацию экономического механизма. С приходом Дубчека он резонно связывал укрепление в руководстве КПЧ тех сил, которые с пониманием отнесутся к венгерским реформам и выступают в роли союзников в рамках СЭВ. Не желая, чтобы происходящее в Чехословакии вышло из-под контроля КПЧ, Кадар вместе с тем до известной степени поддерживал реформаторские поиски своих северных соседей (там, где дело касалось экономики, но не политической системы!) и долгое время выступал, хотя и неудачно, в роли посредника в преодолении конфликта между пражскими реформаторами и Москвой. Правда, начиная с конца июня ситуация в соседней стране стала вызывать у венгерского лидера гораздо большую озабоченность излишней, по его мнению, уступчивостью руководства КПЧ зарождавшейся оппозиции. Как стало известно из доклада М. Барат, 1 августа 1968 г., учитывая сложившуюся ситуацию в Чехословакии и возможную активизацию оппозиции в самой Венгрии, министр внутренних дел издал приказ об усилении контроля над потенциальными оппонентами. Но даже и в этих условиях Кадар отдавал предпочтение политическому решению, осознавая серьезные издержки военной акции ОВД для своей репутации жесткого, но реформаторски настроенного коммунистического политика. Однако в момент развязки он не решился открыто противопоставить свою страну союзникам по Варшавскому договору (показательны слова венгерского лидера о том, что хоть как-то влиять на события венгры могли, только оставаясь в рамках советского блока). По точному замечанию В.Л. Мусатова, вынужденный компромисс был свидетельством неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых должна была реализовываться реформаторская программа венгерской модели социализма. Конец Пражской весны еще раз напомнил венграм об их ограниченном суверенитете, невозможности выйти за рамки советского блока. Попытка путем компромиссов и маневрирования перейти грань возможного не удалась.

Дольше других противившийся акции Кадар внутренне так никогда и не признал ее политической целесообразности. Что же касается венгерских реформ, то настроения, доминировавшие в Москве, и ситуация в социалистическом лагере, сложившаяся после августа 1968 г., не оставляли шансов на их

проведение. В 1973–1974 гг. венгерская реформа была свернута и не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие непрекращавшегося политического давления.

В отличие от Кадара румынский лидер Н. Чаушеску не был склонен к реформам в своей стране. В программе пражских реформаторов он увидел прежде всего стремление к расширению суверенитета, а значит поддержку своей линии на ограничение вмешательства СССР в дела Румынии, изменение обстановки в ОВД и СЭВ в направлении большего равенства и учета мнения всех стран. Не будучи «сторонником социализма с человеческим лицом», но преследуя свои внешнеполитические цели, Чаушеску демонстративно нанес визит в Прагу за считанные дни до военной акции, выразив солидарность с командой Дубчека, подвергавшейся сильному давлению Москвы. Как было показано в выступлениях В.Л. Мусатова и Т.А. Покивайловой, для румынского диктатора чехословацкие события стали поводом продемонстрировать Западу независимость перед Москвой и кроме того использовать полученные вследствие проведения самостоятельной политики дивиденды в интересах укрепления режима личной власти. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению действий ОВД Чаушеску заработал определенный политический капитал как в своей стране, так и на Западе (в августе 1969 г. Бухарест посетил недавно приступивший к своим обязанностям президент США Р. Никсон). Впоследствии этот капитал был полностью растрочен.

Независимую политику демонстрировала и титовская Югославия, выступившая с осуждением акции стран ОВД, что привело к временным осложнениям в советско-югославских отношениях (об этом говорилось в сообщениях А.Б. Едемского, Л. Димича и Й. Чавошки). Остается открытым вопрос о сути так называемой хорватской весны (И.В. Руднева, полемизируя с работами С.А. Романенко, выступила против проведения прямых параллелей с Пражской весной. Участники хорватского движения начала 1970-х годов ставили во главу угла национальные интересы, а никак не реформы экономического механизма. Лишь в 1990-е годы, в 20-летней ретроспективе, они стали, преследуя конкретные политические цели, выискивать сходство собственной программы с программой пражских реформаторов). Вызывает по-прежнему дискуссии вопрос о том, насколько серьезно воспринимала политическая элита федеративной Югославии возможность нападения стран ОВД на эту страну. А. Животич показал, что подобные опасения существовали не только в Югославии, но и в Албании, что заставило Э. Ходжу пойти на временное сближение со своим непримиримым врагом – режимом Тито (впрочем, ни одно из противоречий между странами не было устранено, что предопределило быстрый откат обеих сторон на прежние позиции). Формальный выход Албании из ОВД в сентябре 1968 г. был обусловлен тем, что членство в этой организации могло дать повод для агрессии со ссылкой на общие интересы стран-членов блока в сохранении целостности этой структуры перед лицом внешних угроз. В этой связи обращалось внимание на зафиксированное в Уставе НАТО положение о том, что в случае нестабильности в одной из стран-участниц НАТО, способной повлечь за собой дестабилизацию и в других странах пакта, в отношении нарушителя внутреннего спокойствия может быть применено силовое давление. Таким образом, СССР и его союзники поступили по отношению к ЧССР хотя и в нарушение международно-правовых норм, но в соответствии с принципами внутриблоковой (союзнической) реальной политики, которые применялись задолго до эпохи холодной войны – достаточно вспомнить о взаимодействии

дома Габсбургов с царской Россией при уничтожении самопровозглашенной венгерской государственности в 1849 г.

Право на свободу рук в своей сфере влияния признавалось за СССР и западными державами, что (как отмечалось в докладах И.И. Орлика и др.) предопределило сдержанность их реакции на чехословацкие события. Начиная с весны 1968 г. сотрудники Государственного департамента США, внимательно следившие за происходящим в Чехословакии, в неофициальных разговорах с чехословацкими дипломатами призывали к осторожности и давали понять собеседникам, что «США признают интересы СССР в Восточной Европе и не допустят, чтобы ЧССР стала причиной конфронтации между великими державами». Придерживаясь выжидательной позиции, официальный Вашингтон старался не делать каких-либо жестов, которые могли быть истолкованы как попытки вмешательства во внутренние дела ЧССР и стать предлогом для силовых действий со стороны СССР. Дело доходило до давления госдепа на прессу с требованием ослабить внимание к событиям в Чехословакии. Нормальные отношения с СССР и перспективу заключения договора об ограничении стратегических вооружений Вашингтон отнюдь не хотел приносить в жертву реализации в общем-то чуждых ему идей «социализма с человеческим лицом». По мере усиления давления союзников на руководство ЧССР (Варшавский ультиматум середины июля) и повышения реальной угрозы военного вмешательства осторожность американской администрации только возрастает. Причем позицию невмешательства разделяла и оппозиция – борющиеся за власть республиканцы.

На конференции в ходе дискуссий обращалось внимание на необходимость учитывать фактор войны во Вьетнаме (точно также, как невозможно сбрасывать со счетов суэцкий, ближневосточный контекст при обращении к венгерскому кризису 1956 г.). Планы Пентагона направить во Вьетнам большую партию призванных резервистов (до 200 тыс. человек) вызвали в марте 1968 г. бурю общественного негодования после того как информация об этом просочилась в печать. Антивоенное движение оказалось эффективным, приведя к пересмотру всей вьетнамской политики. Совершенно очевидно, что американское общественное мнение явно не поддержало бы новой военной авантюры. Политика администрации Л. Джонсона в чехословацком вопросе была подчинена задаче сохранения диалога с СССР на основе поддержания межблокового равновесия (показательно, что и после 21 августа в Вашингтоне, осуждая акцию, не хотели вместе с тем сжигать мостов к СССР).

Конечно, многолетний опыт холодной войны не способствовал взаимному доверию. Как явствует из сообщения А.Б. Едемского, в конце апреля Брежнев говорил Тито: «Сейчас пропаганда Соединенных Штатов говорит о необходимости высказываться в пользу хороших отношений между ЧССР и СССР, но свое дело делают и говорят так только для того, чтобы СССР не вошел с армией». Однако при всем недоверии к мотивам действий американской администрации Москва строила свою политику с учетом малой вероятности ее вмешательства в восточноевропейские дела. Показательны слова А.А. Громыко, произнесенные 19 июля 1968 г. на одном из заседаний Политбюро: «Международная обстановка сейчас не таит никаких неожиданностей для нас [...] большой войны не будет». Они почти текстуально совпадают с тем, что говорил Н.С. Хрущев в конце октября 1956 г. при обосновании возможного силового решения венгерского вопроса. За 12 лет ялтинско-потсдамская система не утратила прочности, продолжая оставаться в силе вплоть до конца 1980-х

годов. По справедливому замечанию Я.В. Шимова, довольно вялая, почти равнодушная реакция со стороны США показала, что «Вашингтон на тот момент смирился с разделом мира на сферы влияния и был до поры до времени готов уважать их границы – вне зависимости от того, нарушались ли за этими границами принципы международного права, не говоря уже о правах человека».

Западноевропейские политические элиты, с настороженностью наблюдавшие за реакцией Москвы на события в Чехословакии, также в конечном итоге проявили готовность пожертвовать этой страной во имя сохранения стабильности в Европе: демонстрация несогласия с акцией пяти стран никак не должна была, согласно общим установкам, довести дело до обострения холодной войны. Варшавское совещание «пятерки», выдвинувшее ультиматум руководству КПЧ, совпало по времени с государственным праздником Франции. Де Голль на приеме в Елисейском дворце 14 июля в своей беседе с послом ЧССР выразил симпатии демократическим устремлениям в Чехословакии, а посла СССР, многоопытного В.А. Зорина, предостерегал относительно силовых действий. Однако, находясь под впечатлением грандиозных майских студенческих выступлений в Париже, подъема антивоенного движения в ФРГ и других странах, в реальности французский президент даже несколько опасался чехословацкого эксперимента, связывая с его возможным успехом дальнейшее укрепление влияния левых сил в своей стране. После 21 августа де Голль, комментируя действия СССР, акцентировал внимание на оборонительном в сущности характере акции стран ОВД, направленной на восстановление пошатнувшихся позиций СССР в одной из ключевых стран своей зоны безопасности, сохранение достигнутого паритета, а отнюдь не на овладение новым геополитическим пространством. В свою очередь Французская коммунистическая партия (ФКП), в свете майских событий обвиненная де Голлем в подстрекательстве к свержению государственного строя, решительно поддержала чехословацкий эксперимент, чтобы подчеркнуть свою приверженность принципам демократического социализма. Лидеры итальянской и австрийской компартий (как отмечалось в сообщениях В.П. Любина, О.И. Величко) также задолго до событий 21 августа опасались, что силовая политика в отношении Чехословакии ударит по их внутривнутриполитическим позициям. Л. Лонго в беседе с послом Чехословакии, состоявшейся в середине лета, признал, что вооруженное вмешательство станет «небывалой политической катастрофой» для всего международного коммунистического движения.

Блок докладов был посвящен настроениям в СССР в связи с Пражской весной. В ряде выступлений был затронут вопрос об особенностях советской пропаганды на внутреннюю аудиторию в условиях чехословацкого кризиса и о влиянии идеологической обработки на общественные настроения. В сравнении с осенью 1956 г. (кануном венгерского восстания) в 1968 г. руководством КПСС была избрана совсем иная тактика в деле информирования населения о происходящем в одной из стран советского блока. В 1956 г. граждан СССР долгое время держали в неведении относительно положения в Венгрии, что объяснялось прежде всего недооценкой остроты ситуации и сохранявшимся вплоть до дня начала восстания 23 октября расчетом на то, что венгерское партийное руководство сумеет собственными силами выйти из внутривнутриполитического кризиса. Достаточно сказать, что даже о таком ключевом событии, как грандиозная манифестация в день перезахоронения Ласло Райка 6 октября, в советской прессе не было сказано ни слова. Первое сообщение в «Правде» о венгерских событиях появилось только 25 октября, через два дня после начала

мощнейшего восстания. В 1968 г. структуры агитпропа КПСС должны были считаться с резко усилившейся возможностью (особенно для жителей Москвы, Ленинграда, западных районов СССР) получения информации от западных радиостанций, и это коренным образом меняло тактику, заставляя заботиться о контрпропаганде. Население загодя подготавливалось к тому, что Советский Союз может прибегнуть к силовым методам решения «чехословацкого вопроса» в случае, если будет признано существование реальной угрозы «завоеваниям социализма». Уже в апреле пресса в негативном ключе комментировала реформ-коммунистическую Программу действий КПЧ, указывала на «правую опасность» в Чехословакии. На партактивах зачитывались информационные письма ЦК КПСС с критикой пражского «ревизионизма» (механизмы пропагандистской обработки населения раскрыли на материале Ставропольского края И.В. Крючков и Н.Д. Крюкова). Чехословацкие события стали хорошим поводом для того, чтобы наполнить конкретным содержанием привычные пропагандистские штампы о перманентной империалистической угрозе.

Наиболее распространенным доводом, применявшимся пропагандой для обоснования права СССР на силовое вмешательство, являлся факт решающего участия советских войск в освобождении Чехословакии в 1945 г. В связи с московскими переговорами конца августа, на которых чехословацкой стороной были приняты на себя унизительные обязательства, утверждалось, в частности, что та роль, которую сыграли советские воины в 1944–1945 гг., понесенные ими жертвы дают СССР право требовать от правительства ЧССР проведения мер, которые рекомендует ЦК КПСС. Чехословакия, собственно говоря, и не рассматривалась в этом дискурсе как в полной мере суверенное государство. Еще до формирования так называемой доктрины Брежнева, изложенной в ряде установочных статей «Правды» осенью 1968 г., она подавалась как часть социалистического лагеря («Завоевание социализма в Чехословакии – это не только внутреннее дело Чехословакии, это – интересы всего соцлагеря») и воспринималась в этом качестве значительной частью массового сознания.

При всей массивности пропагандистского наступления ни о какой полноте информирования не могло быть и речи, а значит не могло быть полного доверия читателей к прессе. Отсюда неудобные вопросы на собраниях – где был Дубчек в первые дни после ввода войск, не предпринимал ли он попыток выезда на Запад (появление таких вопросов особенно понятно с учетом того, что советская пропаганда еще задолго до акции 21 августа создавала негативный образ первого секретаря ЦК КПЧ). На материале Ставропольского края отчетливо видно, что проведение на периферии акций, так или иначе связанных с Чехословакией (собраний трудящихся и т.д.), было целиком и полностью регламентировано центром, самостоятельных действий здесь быть не могло. Особую обеспокоенность партийного руководства вызывали контакты советских граждан с гражданами Чехословакии на курортах Кавказских Минеральных Вод. Даже в партийном аппарате усилилась подозрительность. По некоторым воспоминаниям, в этот период участились обвинения коммунистов в нарушении субординации, малейшие отклонения от фиксированных правил поведения рассматривались как проявления вольнодумства, вызванные чехословацкими веяниями. В документах местных архивов (отчетах, адресованных в Москву) находят отражение также принятые меры по приведению в полную мобилизационную готовность личного состава органов милиции. Был переведен на казарменное положение офицерский состав частей Северо-Кавказского военного округа – ждали переброски к западным границам СССР. В 1968 г. не

только старшее, но и среднее поколения помнили тяготы Великой Отечественной войны, что способствовало возникновению беспокойства в связи с возможными перебоями в снабжении. Сформировавшаяся у многих людей в силу жизненного опыта склонность всегда готовиться к худшему заставляла запасаться провизией и предметами первой необходимости на «черный день» (как показал в своем выступлении В.В. Волобуев, аналогичные настроения наблюдались и в Польше).

Не только материалы РГАНИ (на их обзоре сосредоточился зам. директора архива М.Ю. Прозуменщиков), но и документы местных архивов свидетельствуют о том, что в советском обществе доминировали настроения в поддержку проводимых мероприятий по решению «чехословацкого вопроса». Более того, они отражают недовольство партактива медленными темпами «нормализации» в Чехословакии. На партсобраниях нередко звучали призывы к ужесточению, поиску виновных в среде интеллигенции, снятию с должностей и наказанию руководителей КПЧ как не оправдавших доверия. Критика действий Политбюро ЦК КПСС сводилась главным образом к призывам к усилению бдительности, принятию более действенных мер, оппозиционные проявления не получили широкого распространения в массах. Как показывает ставропольский материал, в выступлениях на низовых собраниях было больше разнообразия, чем в безликих, казенных фразах, звучавших на пленумах крайкома, однако подавляющее большинство из них все же укладывалось в рамки советского официального дискурса. Сформированная тоталитарной системой модель сознания, отдававшая предпочтение фактору силы, оставалась доминирующей.

Советские солдаты, вступившие 21 августа в Чехословакию, также в подавляющем большинстве своем воспринимали происходящее в этой стране сквозь призму стереотипов официальной пропаганды. Об этом говорил вятский историк Ю.М. Кузьмин, в 1968 г. в качестве рядового бойца участвовавший в военной акции. Согласно его воспоминаниям, весь личный состав частей, дислоцированных летом 1968 г. в Венгрии, подвергался массивной пропагандистской обработке. Военная акция ни для кого не была неожиданной, политработники морально готовили солдат к участию в ней уже в середине июля. Прозвучавшая в ряде мемуаров версия о том, что советские солдаты, войдя 21 августа в Чехословакию, зачастую даже не знали, в какой стране они находятся, не выдерживает серьезной критики.

Сомнений в правоте официальной позиции у личного состава Советской армии было мало: одной из характерных черт в умонастроениях солдат и офицеров было недовольство чехословацким правительством, «не способным» без помощи извне навести порядок в собственной стране. Играла также свою роль полная уверенность советских граждан в том, что именно СССР несет на себе главное бремя экономических забот в соцсодружестве, оказывая бескорыстную помощь другим странам. Из этого логически вытекало, что любые попытки дистанцироваться от СССР следовало воспринимать не иначе как проявления неблагодарности. Дискутируя с мнением Л.И. Шинкарева о том, что солдаты Советской армии пережили в Чехословакии психологический надлом [6. С. 410], Ю.М. Кузьмин полагает, что в их сознании, напротив, доминировало чувство успешно выполненного долга – независимо от того, как многие из них оценивают советскую политику сегодня, в 40-летней исторической ретроспективе.

В свою очередь Л.И. Шинкарев на основании архивных материалов (стеннограмм пленума Иркутского обкома КПСС за август 1968 г.) показал, что в

российской глубинке проживало немало юношей призывного возраста, которые не могли быть призваны в армию по причине их полной неграмотности. Областное начальство, в своих донесениях в Москву приукрашивавшее истинное положение дел, признавало, что призывной возраст зачастую не удавалось обеспечить положенным семилетним образованием, и это надо учитывать при анализе особенностей восприятия многотысячной армейской массой происходившего в соседней стране. Главное же, что у солдат, вошедших в 1968 г. в Чехословакию, не было выстраданных, осознанных стимулов, какие были у людей поколения их отцов, освобождавшего Европу в 1945 г. (ведь тогда у многих в буквальном смысле «враги сожгли родную хату», а что ужасного, возбуждающего ненависть к врагу сделали призывнику из российской глубинки чешские и словацкие «ревизионисты» 1968 года?). Солдатам вопреки усилиям политработников трудно было понять смысл происходившего.

При всей распространенности в обществе конформистских настроений, архивные материалы (столичные и провинциальные) дают немало свидетельств вольнодумства и оппозиционных настроений. По всей стране фиксируются случаи распространения листовок, осуждающих оккупацию. В отчетах, адресованных в центр из Ставропольского края, говорилось о том, что на собраниях звучали отдельные высказывания «о наличии якобы неустранимых противоречий в лагере социализма, слабости социалистической системы в целом, о нашем вмешательстве во внутренние дела другого государства». Некоторые выступавшие приходили к выводу о падении авторитета СССР и провале его внешней политики: диктуя свою волю другим странам, потеряли в качестве союзников Югославию, Китай, Албанию, фактически также Румынию, теперь теряем Чехословакию. Иногда в связи с чехословацкими событиями возникали сомнения относительно прочности социализма советского типа, более того, предсказывались внутренние брожения в СССР.

Чехословацкие события четче обозначили ранее наметившиеся существенные расхождения между линией ЦК КПСС на откат от идеалов XX съезда и настроениями интеллектуальной элиты (о роли интеллигенции в формировании внутрисистемной оппозиции неосталинизму говорили Г.П. Мурашко и др.). Среди чешских и советских интеллектуалов параллельно назревало понимание того, что в условиях вызовов, продиктованных научно-технической революцией, именно интеллигенция должна стать главной производительной силой общества. Однако партийные идеологи в этом видели покушение на руководящую роль партии. Многими своими идеями перекликалась с программными выступлениями пражских реформаторов и завершенная в апреле 1968 г. работа А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», ставшая своего рода идейной альтернативой курсу апрельского пленума ЦК КПСС 1968 г. на идеологическое ужесточение, тем более что в самой этой работе говорилось о необходимости поддержать «смелую и очень ценную для судеб социализма инициативу», исходящую из Праги. Разница в ситуациях между двумя странами заключалась в том, что если в Чехословакии реформаторские поиски интеллектуалов были поддержаны немалой частью партийной элиты, то в СССР (как свидетельствуют среди прочих источников мемуары Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина) подобные настроения с определенным сочувствием были встречены лишь наиболее продвинутой частью партократии, не относившейся к самым верхним этажам номенклатуры. В.М. Кривошеев, много сделавший для освещения экономической составляющей реформ в Чехословакии и отозванный из этой страны с

обвинением в неправильном отражении сути происходившего, подтверждает, что акция, предпринятая 21 августа, была воспринята как неоправданная или во всяком случае преждевременная многими сотрудниками международных отделов аппарата ЦК, МИДа, центральной прессы.

Л.И. Шинкарев, в 1960-е годы работавший корреспондентом «Известий» в Восточной Сибири и много общавшийся с населением, опроверг создающееся на основе многих публикаций впечатление, будто лишь очень узкий сегмент советского общества (прежде всего правозащитное движение в среде столичной интеллигенции) осуждал подавление чехословацких реформ, народ же привычно безмолвствовал. По его наблюдениям, значительная часть не только гуманитарно-творческой интеллигенции, но и производственной технократии на периферии России в силу скорее нравственных представлений, нежели идеологических понятий испытывала чувство неловкости за внешнеполитические действия властей и часто не скрывала этого. С точки зрения докладчика, потрясение от всего произошедшего, интенсивное его обсуждение с теми, кому доверяли, в течение последующих нескольких лет оставалось в центре умственной и эмоциональной жизни значительной части социума. Это усиливало разбалансированность существующего строя и стало одним из толчков к ожиданиям социально-политических перемен (уже отнюдь не обязательно в рамках коммунистической парадигмы), в полной мере проявившимся к концу 1980-х годов.

Некоторые споры вызвал тезис о том, корректно ли применительно к советской политике второй половины 1960-х годов, направленной на идеологическое ужесточение, говорить о попытках рестаилинизации. Равно как и версия, согласно которой именно реформаторски настроенные силы, имевшиеся в среде интеллектуальной (в том числе академической, технократической) элиты, позволили воспрепятствовать попыткам реабилитации Сталина, в частности на XXIII съезде КПСС в марте 1966 г. Записи заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1968 г., как и встреч советских лидеров с лидерами социалистических стран, свидетельствуют о сильном предубеждении Брежнева и его ближайших соратников против интеллигенции, в которой виделся потенциальный оппонент. Под знаком борьбы с интеллигентским инакомыслием прошел апрельский пленум ЦК КПСС. Вектор, направленный к полной рестаилинизации общества, был заблокирован совсем иным фактором: подавляющее большинство высокопоставленных партаппаратчиков помнило сталинские годы и не хотело возврата к сталинизму в чистом виде. Люди, принадлежащие к правящему слою, нуждались в гарантиях личной безопасности и неприкосновенности для себя и членов своих семей. Сталинизм этих гарантий не давал, их дал застойный брежневский социализм. Номенклатура желала спокойной жизни и гарантированного благополучия, а не нового Сталина, который мог все это в один момент отнять; крах политической карьеры амбициозного и жесткого А.Н. Шелепина – наилучшее подтверждение того, что аппарат явно боялся и не хотел далеко идущих мер по ужесточению. К тому же в условиях острейшей идеологической борьбы между КПСС и КПК полная реабилитация Сталина могла бы быть расценена во всем мире как идейная капитуляция Москвы перед Пекином. Нельзя, кстати, забывать и о том, что масштабы внутривнутриполитических репрессий при Н.С. Хрущеве были совсем не меньшими, чем после его отстранения.

По ходу рассмотрения не только советской политики, но и последствий чехословацкого кризиса для советского общества, участники конференции

не могли обойти персональной роли Л.И. Брежнева. Этот недальновидный в стратегическом плане, но очень сильный в подкованной аппаратно-кулуарной борьбе политик прекрасно понимал, что утрата Чехословакии как союзника СССР будет стоить ему по меньшей мере занимаемого поста, и это в решающей степени определяло его позицию. Вообще, как справедливо отмечалось на конференции, курс на далеко идущие системные реформы, провозглашенный в Праге после избрания А. Дубчека в январе 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ, был воспринят в Кремле негативно прежде всего из-за внутреннего опасения советской партийно-политической верхушки за свои собственные властные позиции в случае перспективы аналогичных реформ в СССР. Вместе с тем для Брежнева были характерны не только консерватизм, аллергия на все новое, органическое неприятие системных реформ, но и осторожность, отсутствие решительности, которое, порождая застойные явления, в то же время предохраняло иногда от скоропалительных ошибочных шагов. В сравнении со своим предшественником Хрущевым Брежнев отличался значительно большим политическим реализмом, в нем было куда меньше склонности к политическим авантюрам (решение о вмешательстве в Афганистан было принято по инициативе Андропова, Громыко и Устинова в условиях, когда больной Брежнев все меньше влиял на внешнеполитический курс). Кроме того, в отличие от Сталина или Мао Брежнев, по справедливому замечанию его многолетнего советника академика Г.А. Арбатова (см. его мемуары [7]), явно не был любителем «острых политических блюд» (показательных судебных процессов и т.д.), стремился решать внутрипартийные конфликты тихо и по возможности бескровно. Умеренность и осторожность заставляли его на протяжении нескольких месяцев искать компромисс с Дубчеком вопреки сильному давлению как лидеров ряда братских партий, так и более жестких соратников по Политбюро ЦК КПСС, не в последнюю очередь украинского лидера П. Шелеста, чья позиция нашла отражение не только в записях выступлений на заседаниях Политбюро, но также в его дневниках и мемуарах (см., например, [8]). Кроме того, эти качества Брежнева позволяли в ряде случаев амортизировать давление к силовым методам, что предотвращало дополнительные неприятности, которые, по справедливому замечанию Г. Арбатова, легко могли произойти, учитывая интеллектуальный уровень и политические настроения тогдашних лидеров. Вышесказанное подтверждается зафиксированными высказываниями Брежнева о необходимости открытия западных границ Чехословакии (пусть все «контрреволюционеры» убегают, иначе окажемся в затруднительном положении: не будем знать, что с ними делать – проблема, никогда не существовавшая для Сталина [9. С. 225]). Показательно и свидетельство тогдашнего члена Политбюро К.Т. Мазурова, командированного в те дни в Прагу, о выступлении Брежнева 20 августа на Политбюро: туда должен выехать один из нас, «а то военные натворят такое» (записи бесед с Мазуровым см. [6]). К этому можно добавить, что немалая часть внутрипартийного общественного мнения поддерживала бы жесткие меры: приведенный на конференции материал из местных архивов показывает, что на собраниях партактива нередко звучали призывы не либеральничать, расправляться с «контрреволюцией» «по-ленински», решить заодно с чехословацкой проблемой и «проблему Румынии».

Таким образом, как это ни парадоксально, пагубное решение по Чехословакии продиктовала отнюдь не склонность к авантюрам, а, напротив, не в последнюю очередь именно чувство политического реализма, подсказывавшее Брежневу, что Запад не вмешается в ход событий. При этом советский лидер

резонно исходил из представлений о прочности ялтинско-потсдамской системы, возникшей в результате взаимной договоренности держав-победительниц по итогам Второй мировой войны. Как вспоминает З. Млынарж, на известной встрече советских и чехословацких лидеров в конце августа, завершившейся подписанием так называемых Московских протоколов, «Брежнев давал нам, коммунистам-реформаторам, поистине полезный урок: мы, фантазеры, рассуждаем о какой-то модели социализма, которая подошла бы для Европы, в том числе и Западной. Он, реалист, знает, что это вот уже 50 лет не имеет никакого смысла. Почему? Да потому, что граница социализма, т.е. граница СССР пока проходит по Эльбе. И американский президент согласился с этим, так что еще лет пятьдесят все останется без изменений. А какой-то там тов. Берлингуэр... Вы надеетесь на коммунистическое движение в Западной Европе? Но оно вот уже пятьдесят лет не имеет никакого значения» [10]. Неготовность Москвы защищать свою сферу влияния могла создать во всем мире впечатлительные слабости ее позиций. «Если упустим Чехословакию, соблазн великий для других», – заметил 19 июля на заседании партийного руководства А. Громыко [9. С. 179].

В этой связи участники конференции затронули вопрос именно о взаимной заинтересованности великих держав в сохранении в условиях острого международного кризиса *status quo*, сложившегося в 1945 г. Т. Краус (Венгрия) поставил чехословацкие события в контекст социальных потрясений 1968 г. на Западе. Согласно его версии, западная молодежь бунтовала не только против консервативного мировоззрения родителей, патерналистского государства, но в первую очередь против основанного на соглашении сверхдержав биполярного мирового порядка, начавшего, по ее мнению, сдерживать поступательное развитие мировой цивилизации (отсюда и симпатии части политически активной молодежи не только на Западе, но и на Востоке Европы к маоизму именно как к своего рода антисистемной силе). Суть происходящего на Западе хорошо осознавалась за «железным занавесом». Советское руководство явно не было заинтересовано (тем более в условиях чехословацких событий) в том, чтобы в СССР перекинулись протестные настроения западной молодежи, поскольку они в одинаковой мере могли противостоять и демократии западного типа, и государственному социализму советского образца.

Властными структурами СССР любые стремления где бы то ни было к свободе воспринимались прежде всего как потенциальная угроза дестабилизации собственного режима, а потому им были поставлены преграды. Но левые протестные движения на Западе не были поддержаны Советским Союзом и в качестве инструмента ослабления противоположного лагеря. Интересы советского и западного политического истеблишмента объективно совпадали. Как де Голль во Франции, так и Брежнев вопреки всем нормам международного права в союзнической Чехословакии своими силовыми акциями поддержали *status quo* послевоенного мирового порядка. Это отвечало и интересам США, чьи лидеры, как уже отмечалось, не предприняли никаких серьезных шагов для противодействия военной акции стран-участниц ОВД. Таким образом, обеим сверхдержавам (СССР и США) было гораздо важнее сохранить существующую систему международных отношений, нежели оказать поддержку антисистемным, бунтарским движениям в противоположном стане. Подъем протестных движений снизу подтолкнул правительства больших держав к тому, чтобы добиваться стабилизации мирового порядка сверху, причем из этого процесса не исключался и Советский Союз. Речь идет о факторе, способс-

твовавшем быстрейшему налаживанию отношений между СССР и Западом в первой половине 1970-х годов, что нашло выражение в подписании договора об ОСВ, но прежде всего в проведении в 1975 г. в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Что же касается поощрения Западом независимой внешней политики Чаушеску, то оно имело свои пределы – усиление полицентризма в Европе считалось нежелательным как признак дестабилизации и угроза хаоса в международных отношениях.

При выявлении последствий чехословацкого кризиса для СССР в ходе дискуссий отмечалось, что сделанный силовой выбор привел к резкому усилению консервативного духа в советском партаппарате, не желавшем принимать во внимание реформаторские настроения значительной части интеллигенции (в том числе занятой в некоторых партийно-государственных структурах). В более узком плане опыт общения с А. Дубчеком, Ч. Цисаржем, З. Млынаржем и др. усилил недоверие Брежнева и его окружения к новой генерации партократии, что препятствовало омоложению советской номенклатуры, вливанию в нее свежих сил, способствовало застоным явлениям. Неготовность лидеров КПСС к диалогу с теми, кто не скрывал своих симпатий к Пражской весне, а тем более административные меры, нагляднее всего свидетельствовавшие о неререформируемости советской модели, вели к дальнейшему разочарованию мыслящей части общества в постулатах официальной идеологии. Разновекторность устремлений руководства КПСС и интеллигенции (особенно интеллектуальной элиты) после 1968 г. усиливалась. Часть внутрисистемной оппозиции в этих условиях совершила дрейф к диссидентству, но большинство оставалось пассивным. Соглашаясь с тем, что идеи «социализма с человеческим лицом», разработывавшиеся в Праге в 1968 г., нашли продолжение в ходе перестроечного процесса второй половины 1980-х годов в СССР (об этом говорил Б.С. Орлов), нельзя забывать и о том, что реформаторский потенциал, имевшийся в отечественной интеллектуальной среде, был после 1968 г. погашен, и с этим можно связывать одну из причин неудач горбачевской перестройки (на это справедливо указывали Г.П. Мурашко и др.).

Не столь однозначными, отмечалось на конференции, были внешнеполитические последствия чехословацкого кризиса для СССР. В самой кратковременной перспективе они были исключительно негативными – затормозилась ратификация Договора о нераспространении ядерного оружия, было отложено начало переговоров об ограничении стратегических вооружений, заморожены планы сокращения вооруженных сил в Западной Европе, произошло наращивание группировки НАТО в ФРГ, выросли военные бюджеты стран НАТО, и на некоторое время ослабели центробежные тенденции, в Западной Германии был нанесен довольно чувствительный удар по силам (главным образом в СДПГ), выступавшим за активизацию отношений с СССР и его союзниками. С другой стороны, на Западе исходили из хорошо осознанного стремления исключить повторение аналогичного, довольно серьезного кризиса в международных отношениях, сделавшего возможным продвижение Советской армии в западном направлении на расстояние около 1000 км. Речь шла не просто о закреплении послевоенного status quo, но о совершенствовании ялтинско-потсдамской системы международных отношений. Все это подтолкнуло возобновление переговорного процесса между СССР и США, заключение соглашения по Западному Берлину, договоров ФРГ с ГДР, Польшей и Чехословакией, а затем и так называемый «общеевропейский процесс», направленный на снижение конфронтации, установление отношений доверия и сотрудничества между

странами, относящимися к разным полюсам. Уже упоминавшаяся связь между Прагой-1968 и Хельсинки-1975 может быть, таким образом, понята отнюдь не только в контексте взаимной (охранительской по духу) заинтересованности в нейтрализации антисистемных движений, способных подорвать выгодный элитам мировой порядок, но и в более конструктивном плане – с точки зрения безопасности в Европе.

Но справедливо и другое: безнаказанность действий официальной Москвы в Чехословакии повлияла на последующую советскую политику: в дальнейшем было проще поддаваться новым соблазнам решать сложные международные проблемы силовым путем. В этом смысле (как справедливо отметил К.В. Никифоров в своем вступительном слове) без Чехословакии-1968 могло бы не быть Афганистана-1979. Все-таки советским лидерам хватило здравого смысла воздержаться от применения войск в Польше в 1980–1981 гг., они предоставили В. Ярузельскому возможность «навести порядок» собственными силами. Ю.В. Андропов, который вследствие своего «венгерского синдрома», сформировавшегося на основе опыта работы послом в Будапеште в 1956 г. (см. [11]), занимал очень жесткую позицию в связи с чехословацкими событиями, в 1981 г. в условиях кризиса в Польше говорил уже о том, что «лимит военных решений» в европейских социалистических странах исчерпан: необходимо искать политические средства разрешения польского кризиса (свидетельство В.Л. Мусатова, долгое время работавшего в аппарате ЦК КПСС). Война в Афганистане уже шла, не предвещающая скорого и успешного исхода. Развязанный одновременно вооруженный конфликт в Польше, учитывая численность и боеспособность Войска польского и общественные настроения в этой стране, мог иметь самые роковые (скорее в плане внутренней политики) последствия для СССР, и в Москве это поняли.

Наиболее негативные последствия чехословацкая августовская кампания имела не для непосредственного состояния отношений СССР с Западом, а для судеб социалистической идеи в мире и мирового коммунистического движения (что в конечном итоге сказалось на перспективах дальнейшего существования всей советской империи). Правда, и после 1968 г. с учетом опыта Пражской весны продолжались поиски путей симбиоза социализма и демократии. Крупный чешский писатель М. Кундера еще до своего отъезда в эмиграцию отмечал мировое значение предпринятых в Праге попыток, выйдя из порочного круга «бюрократического социализма», противопоставить ему принципиально иную модель, способную придать новые импульсы цивилизационному развитию (духовную преемственность между наследием Пражской весны и идеологией дистанцирующегося от советской модели еврокоммунизма выявила Э.Г. Задорожнюк). Однако полемизировавший с ним В. Гавел предостерегал от поисков «той свободы, которой мир еще не знал» и от «провинциального» подчеркивания собственной значимости, замечая, что большинство программных требований пражских реформаторов сводилось к установлению (применительно к Чехословакии с ее давними демократическими традициями точнее сказать: восстановлению) тех свобод, которые реализуются на практике в любом «нормальном» социуме. В сознании интеллигенции не только Чехословакии, но и других стран Восточной Европы доминировали крушение надежд и разочарование в марксизме. Решив довольно краткосрочную по эффекту задачу сохранения своих геополитических преимуществ в Чехословакии, правительство СССР в исторической перспективе утратило несравнимо большее – веру миллионов людей во всем мире в возможность реформирования социализма,

придания ему человеческого лица (об этом говорилось в выступлении К.В. Никифорова и др.). Именно август 1968 г. значительно ускорил те необратимые процессы в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые в конце концов привели к полному их отказу от социалистической идеи. Стремление наиболее влиятельных западных компартий отмежеваться от «империалистических» тенденций в политике СССР породило в 1970-е годы еврокоммунистическую альтернативу, которая, впрочем, утратила жизнеспособность к началу 1990-х годов.

При всей привязанности программы пражских реформаторов 1968 г. к конкретно-историческому моменту, события 40-летней давности способны представить интерес не только для профессионалов-историков. Ведь, как отмечалось в ходе дискуссии в чешской прессе, требование создания общества «с более человеческим лицом» с полным правом может быть адресовано и политикам новых генераций – как в Чехии, так и в других странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гавел В.* Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. М., 1991.
2. *Бовин А.* XX век как жизнь. М., 2003.
3. *Майоров А.* Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998.
4. *Prosumenschikov M.* Die Entscheidung im Politburo der KPdSU // *Karner S., Tomilina N., Tschubarjan A. u.a.* Prager Frühling: Das internationale Krisenjahr 1968. Beiträge. Köln; Weimar; Wien, 2008.
5. *Семенов Н.П.* Тревожная Прага. Воспоминания советского вице-консула в Чехословакии (1968–1972). М., 2004.
6. *Шинкарев Л.И.* «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.
7. *Арбатов Г.* Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне исторических событий. М., 2008.
8. *Шелест П.Е.* «Да не судимы будете...» Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.
9. *Латыши М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
10. *Млынарж З.* Тот август шестьдесят восьмого // Юность. 1990. № 1.
11. *Стыкалин А.С.* Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю.В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008.

ПОЛЬСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА НАЧАЛА XXI ВЕКА О ЛИТЕРАТУРЕ ПНР (1945–1989)

После устранения коммунистического режима в Польше (1989 г.) в 90-е годы XX в. польские литературоведы предприняли попытки создать новую, более объективную, чем во времена засилья коммунистической идеологии и цензуры, картину литературного развития в Польше после Второй мировой войны. Тогда появилось несколько обобщающих исследований литературного процесса в ПНР.

Первой была книга известного критика Рышарда Матушевского «Польская литература 1939–1991» (1992), автора многократно издававшихся в ПНР учебников по польской литературе XX в. По его словам, новая книга – это «свидетельство автора, который в первый раз писал, чувствуя себя свободным от необходимости компромиссов» [1. S. 8]. Матушевский впервые попытался представить литературу польской эмиграции – дал монографические очерки о некоторых писателях-эмигрантах (В. Гомбрович, Ч. Милош, Я. Лехонь, К. Вежиньский, Г. Херлинг-Грудзиньский), рассказал о конфликтах писателей с властями, о нелегальных изданиях литературы в стране.

Предложенная Матушевским периодизация развития послевоенной польской литературы (1945–1948, 1949–1956, 1957–1970, 1971–1981, 1982–1991) была слишком дробной. По мнению Збигнева Ярославского, автора книги «Литература 1945–1975 гг.» (1996), «годы соцреализма между 1949 и 1956 гг. несомненно были отдельным примечательным явлением», но события 1956 г. способствовали возвращению литературы к ее прерванному соцреализмом развитию. Последующие четыре десятилетия вряд ли нуждаются во внутреннем членении, несмотря на все значительные изменения, происходившие в литературе. «Подлинная цензура в современной польской литературе относится к середине 70-х годов», – считал Ярославский [2. S. 7], доведя свой рассказ о послевоенной польской литературе именно до этого рубежа. Как в этой своей книге, так и в монографии «Соцреализм над Вислой» (1999) Ярославский выступил против попыток ряда критиков объявить литературу ПНР, особенно соцреалистического периода, «советской», созданной по заказу советской империи. «Нравится нам это или нет, соцреалистический эпизод относится к истории польской литературы XX в., ее произведения – к ее библиотеке» [3. S. 7].

«50 лет польской литературы. 1939–1989. Введение» (1996) – так озаглавил свою книгу Мариан Стемпень. Во вступительном слове автор отметил невозможность охватить в скромной по объему книге «все богатство современной польской литературы» и в изложении материала придерживался программы по литературе

Хорев Виктор Александрович – профессор, д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

для средней школы с тем, чтобы «прежде всего заинтересовать ее учеников и учителей. Это не означает, что и другие не могут обратиться к книге с определенной, надеюсь, пользой для себя» [4. S. 6]. Стемпень предложил свою периодизацию литературного процесса: 1939–1945, 1945–1948, 1949–1955, 1956–1970, 1970–1981, 1981–1989, не менее дробную, чем у Матушевского. Его книга отличается объективным изложением фактов, взвешенностью суждений, стремлением – наряду с успехами и просчетами литературы в стране – показать достижения писателей, творивших в эмиграции.

Глубокое исследование творческих судеб в первые послевоенные годы ведущих польских писателей в стране и эмиграции (Ю. Мацкевича, Г. Херлинг-Грудзиньского, А. Бобковского, В. Гомбровича, А. Янты, М. Ваньковича, К. Прушиньского, В. Броневского, К.И. Галчиньского, Т. Боровского, Ю. Тувима, Я. Лехоня, К. Вежиньского, А. Слонимского, Я. Ивашкевича, Е. Анджеевского, Ч. Милоша, З. Коссака-Щуцкой, М. Домбровской, З. Налковской, А. Вата, Ю. Стрыйковского, критиков К. Выки и Я. Котта) предпринял М. Стемпень в книге «“Как в греческой трагедии”». Польские писатели в ситуации выбора. 1944–1948» (2005). В ее названии использованы слова Ч. Милоша, который сравнивал дилеммы, возникшие перед польскими писателями после окончания Второй мировой войны с переживаниями героев античной трагедии. М. Стемпень стремился дать «возможно более полное описание тогдашнего сознания писателей» [5. S. 6], опуская их более поздние размышления, признания, воспоминания.

Мечислав Домбровский, автор книги «Польская литература 1945–1995. Главные явления» (1997) оговаривался, что его книга – «не классическая история литературы» [6. S. 7], поскольку для целостного осмысления литературного процесса слишком мала необходимая историческая дистанция. Задачей книги является показать основные явления в развитии литературы на примере избранных авторов и текстов. Домбровский решительно выступил против разделения польской литературы на созданную в стране и эмиграционную.

Тадеуш Древновский опубликовал цикл лекций «Польская литература 1944–1989» под названием «Попытка соединения. Круги обращения. Образцы. Стили» (1997) [7]. Упор в книге сделан на попытке связать воедино разные сферы польской литературы, разные «круги ее обращения»: литература в стране и в эмиграции, «самиздат», которые часто рассматривались критиками в изоляции друг от друга.

Как «личную и часто субъективную» определил свою книгу «Двадцать лет с литературой. 1977–1996» (1998) критик Ян Томковский. Автор, по его словам, старался дать в ней «описание важнейших явлений, а не коллекцию имен и названий» [8. S. 6]. Его книгу отличает раскованный, эссеистский стиль повествования, повышающий читательский интерес.

В 2004 г. Томковский издал сборник своих эссе «Поселиться в библиотеке». В нем автор, в частности, рассмотрел процесс глобализации культуры в XX в., который специфическим образом отразился в литературе. «Кто знает, – иронически заметил Томковский, – не появится ли вскоре образцовый учебник европейской литературы, в котором не будет места для Библии, отцов церкви и религиозных писателей (а также Достоевского!). Возможно, после многолетних препирательств возникнет общий европейский канон, но я боюсь, что в итоге идеология будет доминировать над эстетикой» [9. S. 189].

Вопрос о том, в какой мере отстаивание национального своеобразия, поиски собственной идентичности в литературе совместимы с процессом глобализации в культуре, которая нивелирует национальную самобытность, волнует многих ис-

следователей. В конце XX в. в литературном творчестве происходят радикальные изменения. На первый план выходят явления «массовой» литературы, на периферию отодвигается «высокая» традиция, утрачивающая контакт с читателем. По словам известного писателя и футуролога Станислава Лема, массовая культура, в том числе литература, «засоряет мозг, выхолащивает воображение, искажает чувство вкуса. Пусть бы она существовала где-то на периферии, но нет – массовое месиво выдавливает настоящее искусство, которое становится все более элитарным, пока наконец, – если ничего не изменится, – не растворится в этом месиве» [10. S. 18].

Работа литературоведов и критиков по созданию целостной картины развития польской литературы после 1945 г. была продолжена в начале XXI в. Наиболее полно эта литература освещена в исследовании Станислава Буркота «Польская литература в 1939–1999 гг.» (2003), которое дополнило и обогатило ранее изданные автором книги «Польская литература в 1939–1989 гг.» (1993), «Польская литература в 1986–1995 гг.» (1996, 1997). Буркот подчеркивает преемственность в развитии литературы: «То, что мы имеем, своими корнями уходит в прошлое, от которого нельзя отказаться, которое нельзя отбросить» [11. S. 8].

Более популярный характер имеет книга Анджея Завады «Литературные полвека 1939–1989» (2001) [12]. Автор много внимания уделяет литературной жизни, историко-культурным процессам. Литературное творчество он рассматривает в проблемно-тематическом плане, не претендуя на глубокий анализ отдельных произведений.

Станислав Стабро в книге «Очерк польской литературы 1944–2000 гг.» (2002) попытался «взглянуть на историко-литературный процесс с точки зрения исторических, общественных и социологических факторов». «Моей целью, – пишет автор, – было скорее упорядочение фактов и синтетическое описание конкретного историко-литературного процесса в обозначенных мною хронологических рамках и стремление к объективности» [13. S. 7]. Предлагаемая Стабро хронология литературного процесса: 1944–1948, 1949–1956, 1956 – конец 1960-х годов, начало 70-х годов – 1989; начальная дата последнего периода – 1990 г. – совпадает с вступлением в литературу нового поколения. Критик, известный также как поэт поколения «новой волны» и один из создателей поэтической группы «Тераз», наибольшее внимание уделяет в своей книге поэтическому творчеству, особенно в 1980–1990-е годы, скороговоркой отмечая некоторые важные явления в прозе и драматургии.

Центральным в книге Мариана Киселя «Поколения и переломы. Очерки о польской литературе второй половины XX века» (2004) является вопрос о соотношении литературы в стране и в эмиграции. Рассмотрению последней посвящено более половины очерков. Автор находит общее между двумя ветвями литературы: сильную политизацию литературной жизни и художественного творчества, которая определила две противоположные литературные программы. «Литература в стране, – пишет М. Кисель, – тяготеет к реализму, литература эмиграции – к идеализму» [14. S. 14]. Несмотря на идейные и идеологические расхождения, эти две ветви литературы объединяют аналогичные эстетические поиски.

Учебное пособие «Польская литература XX века» (2005) Б. Каневской, А. Лежежиньской, П. Сливиньского [15] интересно тем, что построено по новому принципу: вместо описания процесса в нем даны портреты отдельных писателей и интерпретация некоторых их произведений, сгруппированных вокруг проблем «Какая Польша?», «Остается в памяти», «По отношению ко злу», «Искусство и экзистенция». Избранная авторами композиция выглядит довольно хаотичной и убедительной.

В большинстве названных выше «Историй» литературы решается вопрос о периодизации литературного процесса после 1945 г., который, как правило, связывается с политическими событиями. Не анализируя аргументы каждого из авторов (для этого нужна другая статья), замечу, что ритм литературного процесса в стране действительно совпадал с ритмом политических событий, и это определяет периодизацию послевоенной польской литературы. Но следует ввести, на мой взгляд, дополнительные критерии: необходимо учитывать и смену литературных поколений, и изменения в самом художественном творчестве. Это позволяет вместе с переоценкой весомости тех или иных политических событий для судеб литературы – при сохранении основных вех истории жизни польского общества – укрупнить выделяемые периоды, что я попытался сделать в своей книге «Польская литература XX века. 1890–1990» (2009). В ней выделены периоды 1945–1956, 1956–1968, 1968–1989 гг., 90-е годы, с подразделами внутри периодов.

Разумеется, в рамках данной статьи невозможно подробно остановиться на каждом из названных трудов. Остановлюсь лишь на некоторых проблемах, общих для многих авторов. Одной из них является вопрос о соотношении литературы в стране и эмиграции. В 1990-е годы многие критики утверждали, что подлинная литература создавалась в эмиграции и противопоставляли ее «пээнеровской», восхваляя часто весьма посредственные произведения. Ныне предлагаются разные решения: за Т. Древновским, попытавшимся объединить эти ветви литературы в плане создания писателями этических ценностей, идет С. Стабро, практически не разграничивающий литературы страны и эмиграции; компромиссную позицию занимает С. Буркот; наиболее значимые явления литературы эмиграции включает в свой обзор С. Завада. М. Кисель приходит к выводу, что эмигрантская литература все еще недостаточно присутствует в сознании польских исследователей. И не только исследователей, но и читателей, как считает поэт и критик Юлиан Корнхаузер. По его, верному, на мой взгляд, мнению, в читательском сознании и в культурном обращении по-прежнему функционируют прежде всего произведения писателей, созданные в Польше – Е. Анджеевского, Т. Боровского, С. Дыгата, Я. Ивашкевича, Я. Бохеньского, Т. Брезы, М. Бялошевского, Л. Бучковского, Т. Парницкого, Х. Малевской, М. Домбровской, Р. Капуциньского, Т. Конвицкого, Х. Кралль, А. Кусьневича, М. Кунцевич, С. Лема, В. Мысливского, М. Новаковского, А. Рудницкого, Я.М. Рымкевича, К. Кшиштоня, Т. Новака, Ю. Стрыйковского, Э. Стахуры, В. Терлецкого, Я.Ю. Щепаньского, А. Щиперского, а также более молодых – П. Хюлле и «целой плеяды» подающих большие надежды новых писателей и писательниц.

«Оказывается, – пишет Корнхаузер, – что эти две литературы разделяет абсолютно все. Они создавались в двух разных действительностях, хотя и на глазах одних и тех же свидетелей. Разным был прежде всего опыт, разными были отношение к историческим событиям, система ценностей» [16. S. 84]. По мнению критика, можно говорить только о трех писателях эмиграции, величие которых было воспринято в стране и во всем мире: Ч. Милош, В. Гомбрович и С. Мрожек. И еще Г. Херлинг-Грудзиньский как автор «Иного мира». «Оказалось, что проза, созданная в Польше в малокомфортной ситуации вовсе не должна стыдиться перед прозой эмиграции» [16. S. 87].

Нельзя не отметить и стремления авторов обобщающих исследований к созданию полной и объективной картины литературного развития – при всех субъективных предпочтениях, переоценках творчества ряда писателей, изменениях в иерархии созданных ими произведений. В этих работах отсутствует тот напор многих критиков и публицистов, с которым они отстаивали, особенно в начале

1990-х годов, тезис о «культурной пустыне» ПНР, о «черной дыре», в которую провалилась литература ПНР, разоблачали «сервизм» таких первостепенных писателей, как Я. Ивашкевич, В. Шимборская, Ю. Тувим, З. Налковская, В. Броневский и др. Ян Вальц писал, например, об «эстетизации тоталитаризма» Ивашкевичем, о том, что «эстетствующий и вместе с тем совершенно бесцветный Ивашкевич, не затрагивающий в своем творчестве никаких тем, которые могли бы быть небезопасными для власти, которые могли бы возбуждать какие-то споры, беспокоить “несоответствующим подходом”, оказался для коммунистов необыкновенно ценным приобретением» [17. S. 83].

Двумя изданиями (в 1995 и 1998 гг.) вышла книга Богдана Урбанковского «Красная месса или усмешка Сталина» – своего рода памфлет на всю литературу ПНР, которая, по мнению автора, подверглась тотальной советизации. «Строительство советской культуры в Польше началось не в 1949 г., как хотели бы считать некоторые “историки”, а десятью годами раньше. И оно не окончилось около 1955 г.: борьба за эту культуру продолжалась до конца ПНР, хотя велась различными методами [...] Советизм в Польше строился не из отдельных стихотворений временно заблудившихся молодых людей. Он был сознательно запланирован как одна из Великих строек коммунизма наподобие Беломорканала – и осуществлялся подобными методами. Только вместо рабов на этой стройке трудились добровольцы – разумеется, на должностях надсмотрщиков, пропагандистов либо шутов. Сталинизм не был “ошибкой”, он был образом жизни поэтов, прозаиков, людей театра, которые уверовали в прочность этой системы. Если даже некоторыми из них руководил страх – то они предпочитали бояться вместе с палачами, а не жертвами; видя преступление – они годами выступали на стороне палачей, обвиняли преследуемых. Если даже, повторяю, некоторыми руководил страх, то боялись они в шикарных виллах, которые получили от властей, как Тувим или Броневский, боялись – получая щедрые вознаграждения» [18. S. 23–24].

По мнению Веслава Павла Шиманьского, автора книги «Чары двора» (1993, последующие издания 1994, 1997), «нищета польской литературы последнего полувека (только ли?) заключается в том, что почти все, кто ее создавал (создает) хотели – более или менее осознанно – оказаться придворными авторами» [19. S. 9]. Рассматривая, например, творчество лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской, Шиманьский писал: «Никто сегодня не желает признать того очевидного факта, что партийно-коммунистическое рвение способствовало ее быстрому и фальшивому успеху. Молниеносному. И если этот коммунистический трамплин однажды кого-то подбросил высоко вверх, то эта высота остается на всю жизнь. До сего дня» [19. S. 131–132].

Высказывания подобного плана можно встретить и в более поздних текстах. В 2001 г. публицист и критик националистической ориентации Вальдемар Лысяк писал: «Милош и Конвицкий работали на красный режим. Мрожек призывал писателей к “бдительности”, Капуциньский выражал единственное желание: “Я хотел бы всем своим существом как член партии служить бессмертному делу Сталина”, Шимборская оплевывала религию, рекламируя Ленина как “Адама нового человечества”, а Лем оплевывал западную систему “управления террором”, объясняя, что “совсем иначе обстоит дело в обществе, строящем социализм” и т.д.» (цит. по [20. S. 19]).

В ряде случаев отрицание достижений предшественников связано с выходом на литературную арену нового поколения. Талантливый его представитель, прозаик и фельетонист Ежи Пильх пишет о Ежи Анджеевском: «Я абсолютно убежден в том, что проза Анджеевского не выдерживает испытания временем. На наших

глазах эта проза уходит в небытие, она уже ушла в небытие [...] Речь не идет о пресловутом “Пепле и алмазе”. К этому роману бесповоротно приклеилось клеймо фальшивого и сервильного произведения, угодливо состряпанного по заказу по вкусу власти [...] Но и “европейские” достижения Анджеевского – где они? Может быть, кого-то еще убеждают метафорические расчеты со сталинизмом во “Мраке, покрывающем землю”, залихватское видение нравов в искусстве в “Идет, скачет по горам” или потрясающий формальный эффект, заключающийся в том, что все “Врата рая” – это, представьте себе, всего лишь одна фраза. Может, кого-то это еще интересует. Я убежден в том, что никого» [21].

Наряду с обобщающими трудами, в которых последовательно освещается литературный процесс после 1945 г., и в 1990-е годы, и в начале XXI в. появился ряд исследований, важных для понимания этого процесса. Остановлюсь на некоторых из них, опубликованных после 2000 г. (хотя дата эта чисто условна и не связана с началом какого-либо нового этапа или периода).

Оригинальная «История польской литературы в разговорах. XX–XXI век» (2002) Станислава Береса [22] представляет собой собрание интервью, проведенных автором с современными писателями. К сожалению, выбор писателей в книге субъективен, в ней отсутствуют, например, такие значительные имена, как Т. Конвицкий, В. Мысливский, Э. Редлинский, и потому она не вполне соответствует своему названию, хотя и является источником важных сведений о творчестве многих других писателей.

Большое внимание исследователи уделяют проблеме метода социалистического реализма, который активно насаждался в польской литературе в 1949–1955 гг. В последние годы вышел ряд книг, где глубоко проанализировано понимание соцреализма как суммы норм и требований, предъявляемых художнику коммунистической идеологией, показана телеологическая направленность произведений социалистического реализма, их устремленность к цели утверждения коммунистической идеологии, развитие в одном, заранее известном направлении, несмотря на разные варианты и оттенки [23–27].

Прослеживая судьбы теории социалистического реализма (не только в Советском Союзе и Польше, но и в Болгарии, ГДР, Чехословакии и других странах), Эдвард Можейко исходит из того, что на основе марксистской философии родились три литературные концепции: пролетарская литература, литература соцреализма и социалистическая литература. «Если социалистический реализм был неудачной попыткой заменить политически невыгодную и даже опасную для советских руководителей пролетарскую литературу (против нее выступал Ленин, а Сталин ее придушил), то концепция социалистической литературы (в Польше во второй половине пятидесятых годов ее отстаивал Стефан Жулкевский, за границей можно назвать имена Б. Брехта, Р. Гароди и югославские концепции социалистической литературы) имела целью отказаться от догм, жестких рамок и правил социалистического реализма» [24. С. 11].

В ряде работ прослеживается «жизнь социалистического реализма после смерти». Основываясь на анализе польского «производственного романа» 1960–1970-х годов, Кшиштоф Красуский предлагает перенести дату «смерти» соцреализма с середины 1950-х годов на начало 1980-х [28. С. 226]. Такого рода наблюдения продолжают и развивают высказанные ранее соображения Михала Гловиньского («Ритуал и демагогия», 1992) [29] и Войчеха Томасика («Слово о соцреализме», 1993) [30] о том, что соцреализм оказался ключевой традицией для поколения польских писателей, дебютировавших в 1955–1958 гг. Однако новое поколение писателей объединяла не попытка оживить старые схемы, а прежде всего «не-

готивное сознание»: их самоопределение совершалось в актах протеста против принципов и результатов социалистического реализма. Против объяснения стилистического богатства литературы после 1956 г. реакцией на соцреализм выступает Яцек Лукасевич, который полагает, что «такая редукция не только обедняет картину, но и приводит к ошибочному синтезу» [27. S. 65].

Божена Витош, Мария Войтак, Эва Славкова, Альдона Скуджыкова – авторы новаторской книги «Стили литературы (после 1956 года)» (2003). На многочисленных примерах из поэзии, прозы и драмы они доказывают, что во всех родах польской литературы в 1955–1959 гг. совершился эстетический перелом, имевший значительные последствия для последующего развития литературы.

«Стилистику литературы, – пишут авторы во Введении, – как периода перелома, так и последующих десятилетий, начала формировать **эстетика разнообразности**, которая вытеснила обязательное ранее подчинение эстетики единому творческому методу. Эстетические перемены, которые произошли в литературе после октября 1956 г., положили начало сложному и разносторонне мотивированному процессу **существования**, взаимодействия, иногда конкуренции **многих** мировоззренческих и художественных **тенденций**. Интеллектуальный “фермент” тех лет, вызванный диалогом между влиятельными тогда течениями современной философии: марксизмом, экзистенциализмом, феноменологией и персонализмом, принес плоды в литературе: изменение форм художественной артикуляции, расширение тематики за счет сферы культурных и литературных традиций, творческие проблемы (формы художественного воспроизведения, всегда деформирующие действительность, язык как “экран”, заслоняющий мир, и т.п.) а также – что сильнее всего сказалось в литературном творчестве – проблематику конкретного человека, его психики и языка» [31. S. 8].

Обилием архивного материала, других документов и источников (стенограммы, записки, воспоминания) привлекает внимание книга Анджея Краевского «Между сотрудничеством и сопротивлением. Отношение деятелей культуры к политической системе ПНР. 1975–1980» (2004). Автор освещает в ней взаимоотношения между деятелями культуры, в первую очередь писателями, и коммунистическими властями в период 1975–1980 гг.

А. Краевский резонно полагает, что «именно с конца 1975 г. и споров об изменениях в конституции ПНР началась цепь событий, действий и конфликтов, как со стороны власти, так и творцов культуры, которые привели в результате после августа 1980 г. к всеобщему неподчинению художников режиму» [32. S. 14].

Действительно, 1975–1976 гг. являются важной вехой в польской культурной и литературной жизни. В конце 1975 г. многие представители мира науки и культуры включились в кампанию протеста против поправок в Конституцию ПНР, согласно которым утверждались «руководящая роль ПОРП» и «вечный союз с СССР». Протест подписали 59 писателей, артистов и ученых (так называемый «Манифест 59»), после чего его авторы были подвергнуты разного рода репрессиям, в том числе лишены права публиковать свои произведения (К. Брандыс, Я. Бохеньский, А. Дравич, М. Новаковский, К. Орлось, В. Ворошильский и др.). В 1976 г. зарождается так называемый второй круг обращения литературы, т.е. создание нелегальных издательств и журналов, сломавших государственную монополию в области культуры.

А. Краевский убедительно показывает, что как ни старались власти и партийные литературные критики поучать писателей, возврата к прошлому в литературе уже не могло быть. В ней нарастает сопротивление тоталитарному социализму и

идеологическому диктату. Репрессии властей лишь способствовали оформлению интеллигентской оппозиции тоталитарно-бюрократическому режиму.

Сходные проблемы – влияние политиков на писателей и эволюция отношения писателей к политике коммунистов, правивших в стране, в более широких хронологических рамках рассматриваются в книге Анны Биконт и Иоанны Шченской «Лавина и камни. Отношения писателей с коммунизмом» (2006) [33]. Авторы анализируют механизм, приведший писателей, особенно в первое послевоенное десятилетие, к подчинению доктринерским установкам партийного руководства: распространенная в обществе иллюзия скорого светлого будущего, увлечение, пусть поверхностное, историческим материализмом, стремление найти свое место в новой действительности, незнание многих фактов преступной деятельности госбезопасности, монополия государственных издательств, террор, принуждение, цензура, страх, наконец, глупость молодости и желание извлечь из сотрудничества с властями материальные выгоды. Показан в книге и позднейший путь многих писателей в лагерь демократической оппозиции.

Книга вызвала оживленную дискуссию в печати. По словам А. Биконт, это книга «о том, что может сделать идеология, как она может изменять язык. И в этом смысле книга оптимистична. “Прыщавые” (так называли в критике группу молодых писателей – соцреалистов первой половины 50-х годов. – В.Х.), которые хотели вышвырнуть из седла старых писателей и быть еще большими сталинистами, потом превратились, во всяком случае некоторые из них, в чудесных писателей, в выдающихся людей» [34. S. 19]. Защищая позицию авторов от упреков в реабилитации сервиллизма писателей, критик Лидия Бурская подчеркнула, что «наши пути к демократии и суверенности были разными. И память об этих путях будет разной, но это не повод, чтобы одна память исключала другую, чтобы люди, защищающие чье-то доброе имя, исключали доброе имя других» [34. S. 18].

По убеждению многих исследователей, литературу ПНР нельзя рассматривать в изоляции от предшествующего и последующего этапов развития польской культуры – межвоенного двадцатилетия и последних пятнадцати–двадцати лет. Об этом свидетельствует, например, книга Ежи Яжембского «Проза двадцатилетия» (2005), посвященная прозе межвоенного периода. Акцент в ней сделан на творчестве С. Жеромского, В. Гомбровича, Виткация, Б. Шульца, М. Домбровской, З. Налковской. Некоторые из этих авторов продолжали свою творческую деятельность и в послевоенные годы, которая также рассмотрена в книге. Но наиболее важным в ней представляется попытка нового взгляда на прозу межвоенного двадцатилетия, как на «описание эпохи, которая была прологом нашей современности, в которой сформировались важнейшие идеи, определяющие мышление и чувство поляков в XX веке» [35. S. 5].

По мнению Яжембского, зародившиеся тогда различные идеи – общественные, политические, художественные – были «заморожены» коммунизмом, а после его крушения оттаяли и вновь являются актуальными. «Я хотел бы отойти от традиционной модели, отделить общие информации об эпохе от представления авторов и произведений, а само это представление дать не столько в линейном и историческом порядке, сколько в концентрическом, сосредоточиться на нескольких наиболее интересных писателях и произведениях, чтобы в связи с ними показать более широкую перспективу родственных явлений – в Польше и в мире. Эта более широкая европейская и мировая перспектива представляется чрезвычайно важной» [35. S. 6].

Тереза Валас в книге «Понять свое время. Польская культура после коммунизма. Разуживание» (2003) [36] задается вопросом, что дало культуре освобождение от

коммунизма после 1989 г.? Ответ не утешителен: свободу слова, которое стало товаром на рынке идей. Потерян страх, но потеряно чувство важности своего труда. Нет видения общности культуры, понимания ее исторического смысла, национальной идеи. Винаваты в этом и сами творцы культуры, вступившие в альянс с маркетингом.

С книгой «Вместо конца истории. Понимание и представление исторического процесса в польской прозе XX и XXI веков о современности» (2005) выступила Ханна Госк. Она исследует образы ПНР, складывающиеся в польской прозе после 1989 г., прежде всего у молодых авторов, которые создают свои версии прошлого, подчеркивая в нем – в зависимости от своих целей – абсурд или идиллию. В книге проводится мысль о том, что вместо ожидаемого освещения «конца истории» в прозе происходит «рост интереса к повседневным проявлениям исторического и к историзму того, что повседневно и обыденно» [37. S. 228]. Происходит отход от понимания истории целостной, «декоративной», политической, которую замещает история конкретного места, семьи, история в частной версии.

В 2008 г. под редакцией Х. Госк вышел сборник статей «(Не)интересная эпоха? Литература и ПНР». Авторы статей исходят из того, что, хотя ПНР – это безвозвратное прошлое, ее литература и культура сказались на формировании образа мышления и национальной памяти поляков послевоенного пятидесятилетия и нуждаются в тщательном анализе и осмыслении. Редактор тома приводит во вступительной статье высказывание Ф.Р. Анкерсмита: «Как рыба не знает, что она плавает в воде, так самое характерное для данного периода остается для него неизвестным. Пока эпоха длится, ее черты скрыты. Сполна запах эпохи можно смаковать лишь тогда, когда она кончилась». В книге анализируются процессы, проблемы, личности, произведения, имеющие значение для понимания «характера эпохи», в ней показано, что 1945–1989 гг. – это эпоха зависимости литературы от политической конъюнктуры и разделения литературы на создаваемую в стране и эмиграционную, но это и время «формирования контр-дискурса», «выработки адекватных применительно к обстоятельствам способов общения с читателем» и «немного гротескное и шальное время модернистского безумства» [38. S. 10].

Интересен замысел книги Кинги Дуниной «Читая Польшу. Польская литература после 1989 г. в отношении к дилеммам современности» (2004). Это «рассказ о современной Польше», построенный на повествованиях о ней после 1989 г. Конструктивная ось книги – Вторая мировая война и падение коммунизма. С позицией Х. Госк автора сближает новое понимание истории в литературе. «Вторая мировая война, – пишет К. Дунина, – ассоциируется уже не только с немецкой жестокостью или с началом тоталитарной неволи и зависимости от Советского Союза. Знание этого, разумеется, существует, оно вплетено в повествование, но это уже другая история – история конца старого мира, который давал чувство безопасности, и начала нового, смысл которого нужно создавать заново [...] Воплощаемая в литературе современная коллективная память не является общенациональной или государственной идеологией, а чем-то многоформенным, без очевидного группового ярлыка. Это память не народа, а различных групп и сред. У нее есть общие элементы, но ее форму определяют атрибуты из более узкой сферы, нежели традиционно понимаемая нация: поколенческие, географические, связанные со специфическим опытом» [39. S. 151]. Автор приходит к выводу о том, что новейшая польская проза не утратила контакта с действительностью, сама являясь ее продуктом.

Большое внимание уделяют польские исследователи «парабеллетристическим жанрам» – мемуарам, дневникам, эссеистике, автобиографиям, письмам. Ведь,

как считает известный историк и эссеист Януш Тазбир, «подобно тому, как XIX век войдет в историю литературы под знаком расцвета романа, так наш век (двадцатый. – *В.Х.*) останется эпохой дневников, воспоминаний, мемуаров или, как это иначе можно назвать, рассказов о жизни их авторов, которым фантазия часто восполняет провалы в памяти. Спрос на так называемую литературу факта наверняка будет продолжаться и в XXI веке» [40. S. 10].

Хотя наиболее сенсационные писательские дневники и воспоминания были изданы в основном в 1980-е и особенно в 1990-е годы (Е. Анджеевского, К. Брандыса, М. Брандыса, В. Гомбровича, М. Домбровской, Т. Конвицкого, С. Киселевского, Я. Котта, Ч. Милоша, К. Ментрака, З. Налковской, А. Слонимского, Г. Херлинг-Грудзиньского и многих других), в начале XXI в. также появилось немало произведений такого рода, созданных писателями и критиками (назову лишь несколько, вышедших после 2000 г.: *Żeromska M. Piąty tom wspomnień* (2000); *Jastrun M. Dziennik. 1955–1981* (2002), *Pamięć i milczenie* (2006); *Hen J. Nie boję się bezsennych nocy... T. 1–2.* (2004); *Chwin S. Kartki z dziennika* (2004); *Matuszewski R. Zapiski świadka epoki* (2004), *Alfabet. Wybór z pamięci 90–latka* (2004); *Giedroyc J. Autobiografia na cztery ręce* (2006); *Iwaszkiewicz J. Dzienniki 1911–1955* (2007); *Śliwonik R. Portrety chwil albo układanie życia* (2004).

Примером современного дневника, предназначенного для печати, может быть книга Стефана Хвина «Страницы из дневника» (2004). Представитель поколения, вошедшего в литературу в 1980-е годы, автор получившего самую высокую оценку критики и читателей романа «Ханеман», С. Хвин искусно сплетает в своем дневнике факты своей биографии с размышлениями литературного и философского характера. Большое место в книге занимают признания о значении для формирования духовного мира писателя польского романтизма и русской литературы, в первую очередь Достоевского. «Достоевский, – пишет Хвин, – сыграл важную роль в моей жизни» [41. S. 150]. Постановка Достоевским «на острие ножа» важнейших проблем – борьбы между добром и злом, драмы раздвоенного сознания, падения и воскресения, жертвенности, грандиозных поражений и надежд, безумных мечтаний – созвучна, по мнению Хвина, романтической природе польской культуры, в духовной атмосфере которой воспитывался автор дневника, и потому Достоевский многое значил в духовном самоопределении писателя.

Величие Достоевского, считает Хвин, в том, что его герои «додумывают до конца», будь то Иван Карамазов, допускающий существование абсолютной свободы и ее избыточность для людей, или студент Раскольников, железную логику которого сегодня разделяют миллионы людей. В Латинской Америке, например, «где царит голод и целые семьи живут как грязные животные в картонных коробках, взгляды студента разделяют даже некоторые католические священники, сторонники “теологии освобождения” [...] Богом, что никак не удивило бы Достоевского, является Христос с карабином, Бог, благословляющий идеалы революционной справедливости, Христос, друг Че Гевары и даже самого Фиделя Кастро...» [41. S. 385].

Литература должна бороться со злом, пишет Хвин, но для того, чтобы исполнять эту свою функцию, она должна знать, что есть добро и что есть зло, поэтому ему «ближе та литература, которая спрашивает о том, что такое добро и зло» [41. S. 364].

Другой пример – яркая книга критика, поэта, прозаика, эссеиста и университетского профессора Эдварда Бальцежана «Дерзость самосознания» (2005). Это своего рода интеллектуальная биография, примечательная бескомпромиссностью многих суждений, прежде всего о польской поэзии XX в. Бальцежан полемизиру-

ет с Ч. Милошем как автором «Истории польской литературы до 1939 г.», который, по его мнению, преуменьшает роль в польской поэзии Ю. Тувима и замалчивает творчество Ю. Пшибося. Он высмеивает глашатаев постмодернизма, который – по аналогии с марксизмом – называет Новой Доктриной, иронически замечая: «В пантеон патронов нашей постмодернистской эпохи все громче стучится капитан Лебядкин» (со своим стихотворением «Таракан». – В.Х.) [42. S. 271].

Многочисленным изданиям литературы «человеческого документа» или «эго-литературы» (термины польской критики) сопутствует теоретическая рефлексия. Важной структурной особенностью этой литературы, создаваемой сегодня, является, по наблюдению Малгожаты Черминьской (в ее книге «Автобиографический треугольник. Свидетельство, исповедь и вызов», 2000), подчеркнутая обращенность к адресату, к читателю. А также поставленная писателями задача «разыгрывания» в тексте подлинных или вымышленных фактов своей биографии и воспоминаний о них. М. Черминьская справедливо считает, что поворот польской мемуаристики от ранее присущих ей форм «свидетельства» и «интроспекции» к игре с читателем, к вызову, брошенному читателю, впервые осуществлен в «Дневнике» В. Гомбровича. «Вызов», по мнению М. Черминьской, отличается от «свидетельства» и «интроспекции» прежде всего тем, что вместо соотношения «я – мир» или «я – я» ставит на первом плане соотношение «я – ты» [43. S. 40].

Разумеется, мысль об адресате всегда присутствовала в «человеческом документе»: нередко в нем появлялось и прямое обращение к адресату. Однако Гомбрович был первым писателем в польской литературе, который принципиально ввел адресат в структуру текста, и его стратегия оказала влияние на многих польских авторов.

Автобиографии как художественному тексту посвящено несколько исследований последнего времени: сборник статей под редакцией Х. Госк и А. Зеневича «Автобиографизм – изменения, формы, значения» (2001) [44], монография Ирены Фурналь «Спектакли памяти. О польской автобиографической прозе первой половины XX в.» (2005) [45], где рассматриваются проблемы памяти, психологии личности, влияния стереотипов и доказывается тезис о фиктивности мемуарной прозы, в которой автобиографизм смешивается с вымыслом.

Соотношение вымысла и правды в биографических произведениях XX в. рассматривает в своей монографии «Прочтение следов. В автобиографическом круге XX века» (2005) Барбара Гутковская [46], приходя к выводу, что часто «фикция становится частью биографии, а биография растворяется в фикции». Ценность интимного дневника, с точки зрения автора, преувеличена, часто это «подушка лентяя», которая освобождает от последовательного рассмотрения темы. Дневник Е. Анджеевского «Игра с тенью» Гутковская расценивает как «исповедь ментора, отпускающего грехи своему прошлому и настоящему, который все время говорит о себе много и хорошо, но не выходит из сферы трюизмов и общих мест. Из биографии, которая могла бы быть сенсационной автобиографией художника XX в., которую с нетерпением ожидала литературная среда, получилось собрание афористических банальностей» [46. S. 158].

Ценным подспорьем для исследователей польской литературы XX в. являются публикации документальных материалов, лексиконы и словари по литературе XX в. В первую очередь здесь следует назвать десяти томный биобиблиографический словарь «Современные польские писатели и исследователи литературы» (1994–2007) [47], подготовленный в Институте литературных исследований Польской академии наук. Из других изданий этого института, посвященных послевоенной польской литературе, отмечу серию сборников статей «Спорные фи-

гуры современной польской литературы», вышедших в 1994, 1995, 1996, 2003 гг., сборник «Спорные вопросы современной польской литературы» (1998), а также ряд монографий, посвященных отдельным писателям.

Отмечу также двухтомную энциклопедию «Польская литература XX века. Энциклопедический путеводитель» (2000) [48] под редакцией Артура Хутникевича и Анджея Ляма и ряд более популярных лексиконов и словарей, рассчитанных прежде всего на учащихся старших классов, студентов и преподавателей [49].

Пшемислав Чаплиньский, Мачей Лечиньский, Элиза Шыбович, Блажей Варкоцкий издали «Календарь литературной жизни 1976–2000» (2003). Его целью является показать, что «в культуре ничто не пропадает и не рождается вдруг, поэтому литературная жизнь последней четверти XX в. – это в равной степени история перемен и история преемственности». Свою задачу авторы видят в том, чтобы «читатель мог самостоятельно познакомиться с институтами и личностями, поколениями, литературными группами и профессиональными союзами, формами меценатства и способами распространения книг, стилями чтения и стоящими за ними общественными группами» [50. S. VII–VIII].

Разумеется, представленный обзор исследований польской литературы второй половины XX в. далеко не полон и во многом субъективен. Я не упомянул о многих сборниках статей, посвященных литературе XX в., в том числе и литературе ПНР (но не только ей), об исследованиях новейшей польской литературы (после 1989 г.), о книгах эссеистского характера, о монографических работах, о творчестве отдельных авторов. Но и данный обзор, на мой взгляд, красноречиво свидетельствует о том, что коллективные усилия польских литературоведов и критиков создают новую яркую, многоплановую картину польской литературы второй половины XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Matuszewski R.* Literatura polska 1939–1991. Warszawa, 1992.
2. *Jarosiński Z.* Literatura lat 1945–1975. Warszawa, 1996.
3. *Jarosiński Z.* Nadwiślański socrealizm. Warszawa, 1999.
4. *Stepień M.* 50 lat literatury polskiej. 1939–1989. Wprowadzenie. Kraków, 1996.
5. *Stepień M.* «Jak grecka tragedia». Pisarz polski w sytuacji wyboru (1944–1948). Kraków, 2005.
6. *Dąbrowski M.* Literatura polska. 1945–1995. Główne zjawiska. Warszawa, 1997.
7. *Drewnowski T.* Próba scalenia. Obiegi. Wzorce. Style. Warszawa, 1997.
8. *Tomkowski J.* Dwadzieścia lat z literaturą. 1977–1996. Warszawa, 1998.
9. *Tomkowski J.* Zamieszkać w bibliotece. Ossa, 2004.
10. *Lem S.* Wszystko ma swój koniec. Rozmowa ze Stanisławem Lemem // Przegląd. 2001. № 43.
11. *Burkot S.* Literatura polska w latach 1939–1999. Warszawa, 2003.
12. *Zawada A.* Literackie półwiecze 1939–1989. Wrocław, 2001.
13. *Stabro S.* Literatura polska 1944–2000 w zarysie. Kraków, 2002.
14. *Kisiel M.* Pokolenia i przełomy. Szkice o literaturze polskiej drugiej połowy XX wieku. Katowice, 2004.
15. *Kaniewska B., Legeżyńska A., Sliwiński P.* Literatura polska XX wieku. Poznań, 2005.
16. *Kornhauser J.* Postscriptum. Notatnik krytyczny. Kraków, 1999.
17. *Walc J.* Wielka choroba. Warszawa, 1992.
18. *Urbankowski B.* Czerwona msza czyli uśmiech Stalina. Warszawa, 1998. T. 1.
19. *Szymański W.P.* Uroki dworu. Kraków, 1997.
20. Głos. Tygodnik Katolicko-Narodowy. 2001. 24 luty. № 8.
21. *Pilch J.* Niebezpieczna sprawa // Polityka. 2002. № 18.
22. *Bereś S.* Historia literatury polskiej w rozmowach. XX–XXI wiek. Warszawa, 2002.
23. *Tomasik W.* Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie «propagandy monumentalnej». Wrocław, 1999.
24. *Możejko E.* Realizm socjalistyczny. Teoria. Rozwój. Upadek. Kraków, 2001.
25. Realizm socjalistyczny w Polsce z perspektywy 50 lat. Katowice, 2001.

26. Słownik realizmu socjalistycznego / Red. Z. Łapiński, W. Tomasiak. Kraków, 2004.
27. *Łukasiewicz J.* Jeden dzień w socrealizmie i inne szkice. Katowice, 2006.
28. *Krasuski K.* Powieść dyrektorska jako gatunkowa odmiana literatury socrealizmu // Realizm socjalistyczny w Polsce z perspektywy 50 lat. Katowice, 2001.
29. *Głowiński M.* Rytuał i demagogia. Warszawa, 1992.
30. *Tomasik W.* Słowo o socrealizmie. Bydgoszcz, 1993.
31. *Witosz B., Wojtak M., Sławkowa E., Skudrzykowa A.* Style literatury (po roku 1956). Katowice, 2003.
32. *Krajewski A.* Między współpracą a oporem. Twórcy kultury wobec systemu politycznego PRL. 1975–1980. Warszawa, 2004.
33. *Bikont A., Szczęsna J.* Lawina i kamienie. Pisarze wobec komunizmu. Warszawa, 2006.
34. Cebuła, święci i posiadacze prawdy. Dyskusja o książce «Lawina i kamienie»// Gazeta Wyborcza. 2006. 25–26 listopada.
35. *Jarzębski J.* Proza dwudziestolecia. Kraków, 2005.
36. *Walas T.* Zrozumieć swój czas. Kultura polska po komunizmie. Rekonesans. Kraków, 2003.
37. *Gosk H.* Zamiast końca historii. Rozumienie oraz prezentacja procesu historycznego w polskiej prozie XX i XXI wieku podejmującej tematy współczesne. Warszawa, 2005.
38. (Nie)ciekawa epoka? Literatura i PRL / Redakcja naukowa i wstęp. H. Gosk. Warszawa, 2008.
39. *Dunin K.* Czytając Polskę. Literatura polska po roku 1989 wobec dylematów nowoczesności. Warszawa, 2004.
40. Nowe książki. 2001. № 2.
41. *Chwin S.* Kartki z dziennika. Gdańsk, 2004.
42. *Balcerzan E.* Zuchwałstwa samoświadomości. Lublin, 2005.
43. *Czerwińska M.* Autobiograficzny trójkąt. Świadection, wyznanie i wyzwanie. Kraków, 2000.
44. Autobiografizm – przemiany, formy, znaczenia. Warszawa, 2001.
45. *Furnał I.* Spektakle pamięci. O polskiej prozie autobiograficznej pierwszej połowy XX w. Kielce, 2005.
46. *Gutkowska B.* Odczytywanie śladów. W kręgu dwudziestowiecznego autobiografizmu. Katowice, 2005.
47. Współcześni polscy pisarze i badacze literatury. Słownik biobibliograficzny. Warszawa, 1994–2007. T. I–X.
48. Literatura polska XX wieku. Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa, 2000.
49. Leksykon dzieł polskiej literatury współczesnej / Red. Krz. Krasucki. Kraków, 2000; Słownik literatury polskiej XX wieku / Pod red. M. Pytasza. Katowice, 2001; Leksykon współczesnych pisarzy polskich przełomu XX i XXI wieku. Toruń, 2004.
50. *Czapliński P., Leciński M., Szybowicz E., Warkocki B.* Kalendarium życia literackiego 1976–2000. Kraków, 2003.

© 2010 г. О.Ю. МИХАЛЕВ

В ПОИСКЕ НОВОЙ МОДЕЛИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ 1980-х ГОДОВ

В начале осени 1989 г. социалистический лагерь еще казался достаточно прочной конструкцией. Продолжавшиеся в Советском Союзе процессы перестройки уже привели к возникновению оппозиционных сил, крупнейшей из которых стала оформившаяся на I Съезде народных депутатов СССР Межрегиональная депутатская группа. Но оппозиция еще не могла пошатнуть позиций коммунистического руководства страны, которое держало курс на осторожные реформы в рамках модели обновленного социализма. В большинстве стран Восточной Европы перемены и вовсе мало что могло предвещать. ГДР готовилась торжественно отметить 40-летие существования первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле. В Чехословакии общество пребывало в состоянии апатичности и инертности, продолжая находиться под впечатлением подавления Пражской весны и растянувшейся на годы политики «нормализации». В Болгарии протестные группы только начали возникать, но они еще не оформились в самостоятельную политическую силу и, более того, выступали не против социализма как такового, а против режима Т. Живкова. Румынская коммунистическая партия собиралась в конце ноября провести свой XIV съезд, который получил название в СМИ «Съезда великих побед, торжества социализма, полного проявления независимости и суверенитета Румынии». И только в Венгрии многомесячный диалог между коммунистами и оппозицией близился к своему логическому завершению. Его результатом должна была стать радикальная политическая реформа, вводившая многопартийность и ликвидировавшая монополию коммунистов на власть.

В Польше же 19 августа 1989 г. президент В. Ярузельский впервые в истории социалистического лагеря поручил сформировать правительство одному из лидеров оппозиционного движения «Солидарность» Тадеушу Мазовецкому. Это был по-настоящему революционный шаг: для Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) возникла реальная угроза быть отстраненной от власти. До этого, тянувшиеся уже почти год переговоры с оппозицией имели совершенно иную перспективу. И до «круглого стола», и во время его проведения (февраль – апрель 1989 г.) речь шла, как вспоминает Мазовецкий, даже не столько о разделении власти и ответственности между коммунистами и «Солидарностью», сколько о «всасывании» оппозиции, «освоении» ее правящей партией [1. S. 21]. ПОРП надеялась, что сможет заручиться поддержкой «Солидарности» для проведения неотложных реформ, способных предотвратить крах экономики страны, и с ее помощью избежать повторения массовых волнений образца 1980–1981 гг. В свою очередь самые смелые мечты оппозиции долгое время не шли дальше

Михалев Олег Юрьевич – канд. ист. наук, доцент Воронежского государственного университета.

легализации «Солидарности» и возвращения ее в политическую жизнь страны. Поэтому соглашения «круглого стола» фактически обеспечивали сохранение основных рычагов власти у ПОРП: ей доставался вновь вводимый пост президента, она резервировала за собой и своими союзниками две трети мест в сейме, что автоматически гарантировало право создания правительства. Лишь сокрушительное поражение на выборах в сейм, переход союзников на сторону оппозиции и неудачная попытка формирования правительства генералом Ч. Кищаком поставили в повестку дня вопрос о пересмотре соглашений «круглого стола» и образовании некоммунистического правительства.

Кабинет Мазовецкого, впрочем, не был чисто оппозиционным. В его состав вошли представители «Солидарности», Объединенной крестьянской партии, ПОРП и независимые деятели. Это наложило свой отпечаток на деятельность правительства. Если в экономической сфере оно пошло на проведение решительных рыночных реформ по знаменитому плану «шоковой терапии» Л. Бальцеровича, то на радикальную декоммунизацию государственного аппарата не отважилось, что Мазовецкому до сих пор ставят в вину польские правые. Но наиболее осторожно правительство Мазовецкого действовало во внешнеполитической сфере, поскольку должно было принимать в расчет союзнические обязательства Польши по Варшавскому договору и помнить, что слишком решительные шаги могут взорвать всю систему сложившегося в Европе баланса сил и привести к непредсказуемым последствиям. На пост министра иностранных дел была назначена компромиссная фигура Кшиштофа Скубишевского, профессора права из Познани, известного умеренностью своих взглядов, всеми уважаемого и до того момента абсолютно аполитичного.

Первые контуры политики на международной арене еще только формируемого кабинета были обозначены в выступлении Мазовецкого в сейме 24 августа 1990 г., сразу после его назначения на должность премьера. Обращает на себя внимание его подчеркнутое стремление «сохранять добрососедские и дружественные отношения с Советским Союзом» и уважать обязательства, вытекающие из Варшавского договора. В выступлении ясно давалось понять, что будущее правительство не будет резко рвать с традиционной внешнеполитической линией и намеревается лишь внести в нее определенные коррективы: покончить с монополией коммунистов на контакты с СССР и строить отношения между странами на «дружбе и сотрудничестве обществ», а также активно включиться в политическую, экономическую и культурную жизнь Европы, что, впрочем, скорее ставилось условием улучшения экономической ситуации внутри страны [2. 26–28 VIII].

Схожим образом Мазовецкий расставил акценты в международном разделе своей правительственной программы (*exposé*), оглашенной в сейме 12 сентября. Он подтвердил готовность сохранять и развивать союз с СССР на основе «ратификации его обществом». Но принципы союзнических отношений должны быть изменены в пользу равноправия и взаимного уважения суверенитета. Мазовецкий вновь заверил, что его политика «возвращения в Европу» не означает отказа от союзнических обязательств Польши, причем такая позиция – это не «успокаивающий тактический ход», а убеждение, вытекающее из «понимания польского государственного интереса и анализа международной ситуации». Однако, заглядывая в будущее, он предупредил, что «если настанет день, когда европейская безопасность не будет опираться на военные союзы, распрощаемся с ними без сожаления. Мы верим, что такой день придет» [2. 14 IX].

Несмотря на утверждения главы польского правительства о верности союзническим обязательствам, утрата коммунистами власти не могла не беспокоить

ближайших соседей Польши, поскольку ставила под сомнение единство социалистического лагеря. Наиболее радикальный вариант решения проблемы предложил руководитель Румынии Н. Чаушеску, затронувший вопрос о возможном использовании войск Организации Варшавского договора (ОВД) для восстановления status quo в Польше. Правда, советское правительство не только проигнорировало этот призыв, но и отказало первому секретарю ЦК ПОРП М. Раковскому во встрече с Горбачевым накануне вступления Мазовецкого в должность премьера под предлогом, что это будет расценено как вмешательство во внутренние дела Польши. Этим еще раз подтверждались сделанные ранее заявления об отказе СССР от концепции «ограниченного суверенитета», известной как «доктрина Брежнева», и о том, что происходящие в Восточной Европе процессы являются внутренним делом стран региона. Фактически команда Горбачева сознательно подталкивала руководство компартий к проведению реформ, надеясь на сохранение союзнических отношений с обновленными социалистическими государствами. М. Раковский вспоминал, что у него в те дни сложилось впечатление, что «в сущности, советским товарищам безразлично, кто правит в Польше, лишь бы были соблюдены принятые обязательства» [3. С. 53–54].

Безусловно, обиженный Раковский преувеличивал. Советскому Союзу было далеко не безразлично, что творится у одного из его ключевых союзников. Подтверждением тому является представленная ниже записка, подготовленная к заседанию Политбюро ЦК КПСС 28 сентября 1989 г. за подписями Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева, Д.Т. Язова и В.А. Крючкова. В ней содержится глубокий и во многом оправдавшийся впоследствии анализ внутривнутриполитической ситуации, сложившейся к этому времени в Польше, даны прогнозы ее развития на ближайшее будущее, а также перспективы изменений во внешней политике страны и возможности Советского Союза по воздействию на эволюцию советско-польских отношений. Обращает на себя внимание, насколько верно подмечены тенденции, которые предопределяли перемены в Польше в последующие несколько месяцев: дальнейшее ослабление роли ПОРП и вытеснение ее с политической сцены, ликвидация коммунистического наследия в государственном устройстве, кадровая революция в административном аппарате, выделение различных политических сил внутри «Солидарности», экономическая реформа, сопровождающаяся приватизацией государственной собственности и развитием частного предпринимательства, сопряженное с реформами ухудшение материального положения населения и рост общественного недовольства, начало переориентации внешнеполитических и внешнеэкономических связей на Запад. Пожалуй, единственное, что недооценили авторы записки – это глубина преобразований в сфере экономики, предполагая, что польские реформаторы намерены построить модель общества, синтезирующую завоевания социализма и преимущества свободного рынка. Но в то время и в самом польском правительстве мало кто мог предсказать истинные последствия реализации плана Бальцеровича. Мазовецкий считал, что целью его правительства является создание «общественной рыночной экономики», и говорил, что если бы ему пришлось дольше работать с Бальцеровичем, их пути бы разошлись [1. С. 21].

В принципе, записка верно представила и взгляды нового польского правительства на развитие контактов с СССР. Наряду с предположением о появлении трудностей, вызванных стремлением польской стороны к переоценке сложившихся отношений, в ней в то же время утверждалось, что сохранение дружественных связей отвечает интересам обеих стран. Авторы записки исходили из упомянутой выше концепции, согласно которой Советский Союз не станет вме-

шиваться во внутренние дела восточноевропейских государств, но вместе с тем будет стремиться сохранить структуры социалистического лагеря, разумеется, в обновленном варианте. Соответственно руководству СССР рекомендовалось занять такую позицию по отношению к происходящим в Польше процессам, которая учитывала бы изменившиеся реалии. Вопреки мнению Раковского, не предполагалось полностью отказаться от поддержки ПОРП, но с учетом потери ее роли правящей партии было необходимо значительно расширить круг польских партнеров, включив в него различные политические силы, светские и католические общественные организации, профсоюзы и т.д. Характерно, что межгосударственные отношения планировалось сделать более равноправными, предусматривался отказ от навязывания своей политической линии, выражалась готовность идти на более тесное сотрудничество по линии министерств иностранных дел, обсуждать самые сложные вопросы советско-польских отношений. Политбюро ЦК КПСС согласилось с изложенными в записке соображениями и утвердило на заседании 28 сентября 1989 г. развернутый план действий, который был рассчитан на сохранение партнерских отношений с Польшей, несмотря на отстранение от власти коммунистов.

И предпринятый в записке анализ ситуации, и разработанные согласно нему меры можно было бы считать совершенно справедливыми, если бы события в Восточной Европе продолжали развиваться эволюционным путем. Авторы считали, что перемены в Польше заставят ускорить процесс реформирования структур социалистического лагеря – ОВД и СЭВ, и не возражали против этого, но они не ставили под сомнение продолжение существования этих организаций. Между тем уже через месяц началось обвальное крушение коммунистических режимов по всему региону, вследствие которого сами принципы советской политики в отношении союзников, на которых основывалась записка, утратили свою актуальность. В 1990 г. уже с трудом можно было говорить о сохранении социалистического лагеря, пусть даже в обновленном виде, поскольку правительства Венгрии и Чехословакии с самого начала заняли в этом вопросе значительно более решительную позицию, чем Польша, и поставили вопрос о немедленном выводе советских войск, после чего неминуемо должен был последовать выход этих стран из ОВД. Под влиянием революций в соседних государствах стали радикализироваться настроения и в Польше. Хотя правительство продолжало занимать довольно осторожную позицию, нуждаясь в помощи СССР для благоприятного урегулирования германской проблемы, со стороны деятелей «Солидарности» начали раздаваться все более громкие требования о выводе войск, признании Советским Союзом вины за катынскую трагедию и пр. В такой ситуации поле для маневров у советского руководства значительно сокращалось, тем более что с углублением экономического кризиса внутри страны рычаги для его влияния на происходящие процессы все более слабели.

Новой политической линии в отношении восточноевропейских союзников СССР не успел найти, да, пожалуй, уже и не пытался. Экономические трудности заставили поспешить с переходом на расчеты с союзниками в конвертируемой валюте, что почти автоматически вело к ликвидации СЭВ, а надежда на улучшение отношений с Западом побудила распустить ОВД. Позже страны Восточной Европы и вовсе оказались на обочине внешнеполитических интересов России. Изложенные в представленном документе планы оказались, по существу, невыполненными, хотя, кто знает, может быть при других обстоятельствах они могли бы привести к складыванию совершенно иной геополитической ситуации на востоке Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Z grubsza normalny kraj. Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim // Polityka. 2008. 3 VI.
2. Gazeta wyborcza. 1989.
3. Dudek A. Historia polityczna Polski. 1989–2005. Kraków, 2007.

ОБ ОБСТАНОВКЕ В ПОЛЬШЕ, ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТАХ ЕЕ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Секретно

ЦК КПСС

Многолетний кризис в Польше вступил в новую фазу. Сделав ставку на достижение национального согласия путем сотрудничества с оппозицией, ПОРП не удержала развитие событий под контролем. Сложилась беспрецедентная для социалистической страны ситуация – правящая коммунистическая партия не сумела убедительно выиграть парламентские выборы и вынуждена была уступить право на формирование правительства оппозиции¹.

Поступающая информация позволяет считать, что сейчас усилия «Солидарности» будут направлены прежде всего на укрепление авторитета правительства национальной ответственности и одновременно на подрыв позиций ПОРП. Пойдя по тактическим соображениям, в особенности с учетом международных факторов, на избрание В. Ярузельского Президентом Польши и включение представителей ПОРП в правительство, лидеры «Солидарности» при благоприятном стечении обстоятельств в будущем, вероятно, постараются взять назад обе эти уступки².

Ближайшая политическая цель «Солидарности» – досрочное проведение выборов в местные органы власти. Считается, что она сможет на гребне новой популярности одержать на них внушительную победу и установить контроль над всей структурой государственных органов³. Ставится задача значительно изменить аппарат государственной и хозяйственной администрации, избавиться от лояльных ПОРП работников, что только на первых порах затронет около 15 тыс. человек.

«Солидарность» добивается упразднения организаций ПОРП в министерствах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях и воинских частях, ограничения источников финансирования деятельности ПОРП и сокращения дотаций на содержание связанных с ней общественных организаций.

К 1991 году, когда исполняется 200 лет первой польской конституции, можно ожидать принятия нового основного закона ПНР⁴, который затвердит** изменения в политической жизни Польши и станет фундаментом для дальнейших преобразований.

Следует, по-видимому, исходить из того, что Польша втягивается в длительный, чреватый серьезными социальными и политическими потрясениями период, характеризующийся борьбой за выбор дальнейшего пути развития страны.

В самой «Солидарности» присутствует широкий спектр политических взглядов – от социал-демократических до буржуазно-консервативных, и на данный момент сложно сказать, какие из них возобладают. Однако в нынешних условиях представители целого ряда социальных групп, включая и некоторую часть членов ПОРП, связывают надежды по выводу страны из кризиса с разработкой

* Публикация осуществлена при участии А.С. Стыкалина.

** Так в тексте.

ваемой в «Солидарности» концепцией эволюционного переустройства Польши примерно по шведскому образцу с использованием социал-демократических положений католической социальной доктрины. Такая эволюция подразумевает, видимо, также изменения в базисе, включая денационализацию государственной собственности и всемерное поощрение частного предпринимательства.

ПОРП находится сейчас в исключительно трудном положении. Доверие масс к ней основательно подорвано. Члены партии деморализованы, многие осуждают политику, приведшую к добровольной сдаче власти, усилился выход из рядов ПОРП, возникла угроза ее раскола.

Руководство партии во главе с М. Раковским реально оценивает обстановку, ориентируется на серьезную политическую борьбу. Но чтобы восстановить боеготовность ПОРП, вернуть утраченные позиции, понадобятся огромные усилия и немалое время. Многое здесь будет зависеть от решений предстоящего XI съезда партии⁵.

Свою роль сыграет и тот факт, что в конкретно-политическом плане руководство ПОРП ставит сейчас на первое место общегосударственные интересы, выражая готовность своим взаимодействием с правительством Т. Мазовецкого способствовать его успеху.

Правительство «большой коалиции» стоит перед трудной задачей – как в условиях ухудшающегося экономического положения и роста недовольства трудящихся вывести страну из глубокого социально-экономического кризиса, добиться поддержки трудящимися неизбежно жестких мер по стабилизации экономики. Предстоит преодолеть тенденцию к сокращению промышленного производства, оздоровить расстроенную финансовую систему, справиться с достигшей угрожающих размеров инфляцией, затормозить начавшийся распад внутреннего рынка. Если в ближайшие месяцы не удастся добиться ощутимых шагов в этом отношении, новый социальный взрыв неизбежен. Как показали последние забастовки⁶, «Солидарность» не может рассчитывать на какую-то свою особую способность удерживать социальный мир на предприятиях.

Внешнеполитические аспекты в целом благоприятствуют правительству Т. Мазовецкого. Хотя крупной финансовой поддержки с Запада пока не вырисовывается⁷, ведущие западноевропейские страны и США, которые рассматривают «польский эксперимент» прежде всего сквозь призму своих политических интересов в Восточной Европе, прорабатывают варианты предоставления Польше продовольственной помощи.

Вместе с тем правительство Т. Мазовецкого заинтересовано в сохранении экономических связей с СССР, поскольку без советских топливно-энергетических и сырьевых ресурсов в обозримом будущем не обойтись. Таким образом, на внешнеполитическом курсе нового польского правительства будут сказываться оба полюса притяжения – и Запад, и Восток. Как в этих условиях будет конкретно реализовываться стратегический замысел лидеров «Солидарности», направленный на переориентацию экономических связей Польши на мировой капиталистический рынок, а политических – на достижение нейтралитета⁸ – это крупная проблема, затрагивающая интересы не только Польши и политических сил польского общества, но и союзников ПНР, соседних с ней стран.

Условия проведения нашей политики в отношении ПНР, естественно, осложняются. Но и в новой ситуации у нас есть возможности сохранить с Польшей дружественные, добрососедские связи. Этому способствует целый ряд факторов: геополитическое положение Польши в Европе, традиционные связи двух славянских народов, немецкий синдром у поляков, зависимость польской экономики

от нашего сырья и энергоносителей. Несомненное воздействие на развитие общества в Польше, на формирование советско-польских отношений будет оказывать ход социалистических преобразований в нашей стране, в первую очередь реализация планов в области перестройки экономики и внешнеэкономических связей.

В настоящее время глава нового польского правительства и политические лидеры «Солидарности» подчеркивают свою заинтересованность в прочных польско-советских отношениях. Время покажет, насколько искренни эти заявления. Хотя правительству Т. Мазовецкого нужно иметь хорошие отношения с нами, в то же время несомненно, что в руководстве «Солидарности» и правительстве будет идти борьба за внешнеполитическую и внешнеэкономическую ориентацию с 3-х этих сторон. В этих условиях важно не упускать из вида, что нашим интересам отвечает преодоление затяжного кризиса, нормализация политической обстановки в Польше. В этом смысле нам полезно поддерживать соответствующие усилия нового коалиционного польского правительства. На этой базе возможно достижение делового взаимопонимания с ним, не противоречащего задачам нашей поддержки ПОРП. Успехи межгосударственного характера наших двусторонних отношений с Польшей должны совместиться с совершенствованием межпартийных связей КПСС с ПОРП и с выходом на другие политические силы в стране.

На межгосударственном уровне по ряду внешнеполитических проблем могут теперь возникать существенные различия в оценках и позициях. Вопросы, связанные с пребыванием наших войск на территории Польши⁹, «белыми пятнами», особенно Катынью, и другими сложными проблемами советско-польских отношений, будут, очевидно, ставиться новым правительством более остро, чем это делало ранее руководство ПОРП¹⁰.

В настоящее время в нашем подходе к советско-польским отношениям в политической области необходимо исходить из создавшихся в ПНР реальностей. Мы должны быть готовыми к развитию сотрудничества с новым польским правительством, политическими партиями и силами, представленными в парламенте.

С учетом изменений в руководстве МИД ПНР требуется интенсифицировать контакты по линии министерств иностранных дел других стран, используя их не только для оказания воздействия на формирование внешнеполитического курса, но и для обсуждения прочих вопросов советско-польских отношений, которые перед нами будет, видимо, все чаще выдвигать польская сторона. Представляется целесообразным, возможно, уже до конца текущего года принять в Москве с визитом нового министра иностранных дел ПНР¹¹. В соответствии со сложившейся практикой предусмотреть также проведение с его участием встречи министров иностранных дел государств – членов Варшавского Договора во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Особое значение приобретает индивидуальная работа с деятелями сейма и сената, руководителями Объединенной крестьянской партии и Демократической партии, организаций светских католиков, влиятельными общественными деятелями и представителями интеллигенции. Важно расширить также сотрудничество со Всепольским объединением профсоюзов, другими польскими общественными организациями (молодежными, Обществом польско-советской дружбы и другими).

Учитывая важную роль католической церкви в общественно-политической жизни Польши, представляется целесообразным поддержать с руководством епископата политический диалог, не ограничивать сферу контактов только рам-

ками Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Польская тематика, несомненно, займет важное место во время предстоящего визита т. Горбачева М.С. в Италию и встречи с римским папой¹².

В этом контексте принципиально новые возможности может открыть дальнейшая активизация советско-ватиканских контактов, особенно установление дипломатических отношений. Такая наша позиция, несомненно, создала бы во многом более благоприятную обстановку и для работы ПОРП среди верующих католиков, а также с руководством польской католической церкви.

В торгово-экономическом сотрудничестве назрела необходимость перевода наших двусторонних отношений на взаимовыгодную коммерческую основу, на расчеты в свободно конвертируемой валюте и [с учетом] текущих мировых цен¹³. Полезно заранее подготовить позицию на случай обращения польского правительства с просьбой об отсрочке или частичном списании долга ПНР Советскому Союзу.

Ход событий в Польше оказывает негативное влияние на европейские социалистические страны, усилил беспокойство за судьбы социализма, приводит иногда к превратным выводам об ошибочности перестроечных процессов. Это обстоятельство важно учесть при изложении наших позиций на Совещании секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий по международным вопросам в Варне.

Позиция нового правительства ПНР по проблемам многостороннего сотрудничества социалистических стран пока окончательно не определилась.

Вместе с тем уже сейчас очевидно, что приход к власти «Солидарности» создаст проблемы для деятельности Варшавского Договора. Хотя ее лидеры заявляют пока о верности союзу, в будущем нельзя исключать поворотов в их подходах¹⁴.

Новая польская ситуация может потребовать внесения коррективов в сложившуюся практику многостороннего политического и военного взаимодействия. Вместе с тем необходимо искать такие подходы в контактах с представителями нынешнего польского руководства, которые бы не вызвали у них подозрений в недоверии с нашей стороны и тем самым не вели к снижению уровня сотрудничества союзных государств. Это особенно важно при проведении встреч в рамках Политического консультативного комитета и Комитета министров иностранных дел, заседаний Комитета министров и Военного совета, в Штабе ОВС, в спецкомиссии по вопросам разоружения, где рассматриваются вопросы, затрагивающие жизненные интересы союзных стран, и согласовываются совместные позиции. В частности, необходимо строго придерживаться отношений равного партнерства при формировании коллективных переговорных позиций союзных государств по разоруженческой проблематике, особенно по обычным вооружениям. Нам следует отказаться от практики «информированности» или навязывания союзникам своей собственной точки зрения при разработке и согласовании общей линии по тем или другим вопросам, – внимательно учитывать мнение наших партнеров.

В целом можно ожидать, что деятельность союза будет осуществляться строго по межгосударственной линии. Учитывая требования руководителей «Солидарности» резко понизить военные расходы, нельзя исключать, что Польша станет игнорировать выполнение в полном объеме своих союзнических обязательств. Возможно, что участие в Варшавском Договоре приобретет формальный характер.

Более сложные проблемы могли бы возникнуть в том случае, если польское руководство поставит в будущем вопрос о выходе из военной организации либо вообще из союза. Однако вряд ли можно ожидать, что такой шаг может быть предпринят в ближайшее время.

Видимо, было бы целесообразно обсудить складывающееся положение прежде всего с руководством ПОРП, а также на двусторонней основе с нашими союзниками, тем более, что многие из них уже высказали на рабочем уровне такое пожелание.

Возникает также необходимость пересмотра некоторых прорабатываемых сейчас в рамках союза предложений по совершенствованию механизма политического и военного взаимодействия (П143/10 от 2 декабря 1988 г. и П160/9 от 26 мая 1989 г.) и активизации работы на этом направлении. Представляется, что особую актуальность в нынешних условиях приобретает вопрос о создании постоянного политического рабочего органа.

С учетом декларируемых руководством «Солидарности» кардинальных перемен в польской экономике важно подготовиться к возможному изменению подходов польской стороны к вопросам двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества. Следует ожидать, что новое правительство может встать на путь пересмотра стратегии сотрудничества в рамках СЭВ и отношений ПНР с этой организацией. Скорее всего оно будет добиваться более радикальной перестройки механизма многостороннего экономического взаимодействия на рыночной основе и ослабления интеграционных процессов. Вероятен отказ ПНР от сотрудничества на преференциальной основе с менее развитыми в экономическом отношении членами СЭВ – СРВ, Республикой Куба, МНР. Нельзя также исключать постановки вопроса о сокращении финансовой доли ПНР в СЭВ, штатного состава польской части его Секретариата. Радикализация позиции ПНР в СЭВ еще более усложнит отношения между странами-участницами, а также поиск компромисса в решении ключевых проблем экономического сотрудничества. Это может повлечь за собой нарастание конфронтационных моментов в реализации программы перестройки деятельности СЭВ, политизацию работы Сессии, Исполкома, комитетов¹⁵.

Серьезные трудности могут возникнуть в работе таких органов СЭВ, как Постоянная комиссия по вопросам военного сотрудничества европейских стран – членов СЭВ, Комитет по внешнеэкономическим связям и некоторых других.

Все это требует от нас выработки по многим вопросам принципиально новых подходов к развитию отношений с Польшей. В этой связи представляется необходимым уже в ближайшее время осуществить ряд практических мер¹⁶.

Э. Шеварднадзе, А. Яковлев, Д. Язов, В. Крючков
20 сентября 1989 г. № 803/ОС
РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 33. Л. 6–15.

КОММЕНТАРИИ

¹ 4 июня 1989 г. в соответствии с решениями «круглого стола» в Польше были проведены первые частично свободные выборы, к участию в которых допускались представители оппозиционных сил, прежде всего «Солидарности». Хотя правящая Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) зарезервировала за собой и своими союзниками (Объединенной крестьянской партией и Демократической партией) 65% мест в Сейме, выборы принесли ей сокрушительное поражение – ни одного из «свободных» мандатов она завоевать не смогла. Это не позволило ПОРП сохранить за собой всю

полноту власти, поскольку ее союзники переметнулись на сторону победившей «Солидарности», предоставив той возможность поставить вопрос об образовании некоммунистического правительства. В результате длительных переговоров ПОРП и «Солидарность» сумели договориться о разделе власти: президентом страны (как это и предусматривали соглашения «круглого стола») стал В. Ярузельский, а право сформировать кабинет было поручено одному из лидеров «Солидарности» Т. Мазовецкому. В состав нового правительства вошли представители не только оппозиции, но и ПОРП, которым, в том числе, достались посты министров обороны и внутренних дел.

² Действительно, разделение власти между ПОРП и «Солидарностью» сохранялось менее года. В июле 1990 г. по предложению Т. Мазовецкого сейм отозвал Ф. Сивицкого и Ч. Кишкака с постов министров обороны и внутренних дел, а несколькими днями позже В. Ярузельский под сильным давлением «Солидарности» согласился на сокращение сроков своей президентуры и проведение досрочных выборов в конце 1990 г.

³ Решение о проведении досрочных выборов в местные органы власти правительство Мазовецкого приняло в январе 1990 г., хотя срок полномочий действовавших истекал только в 1992 г. Однако, во-первых, считалось, что без смены административного аппарата на местах не удастся осуществить по-настоящему радикальные перемены и побудить местную общественность к большей активности, а во-вторых, «Солидарность» опасалась утраты доверия избирателей, разочарованных трудностями экономических реформ. В самом деле, прошедшие в мае 1990 г. выборы, хотя и показали, что «Солидарность» остается лидирующей политической силой в Польше (она получила 47% голосов), вместе с тем ясно продемонстрировали падение доверия к реформаторам и недовольство ухудшающимися условиями жизни. Это, в частности, проявилось в неожиданно низкой явке, которая составила чуть более 42%.

⁴ Имеется в виду конституция 3 мая 1791 г. (первая не только в Польше, но и в Европе конституция), в которой была предпринята попытка изменить основы государственного устройства страны в сторону его централизации. Несмотря на свою несомненную прогрессивность, конституция 3 мая не смогла предотвратить разделов Польши и исчезновения ее как государства с политической карты Европы. Хотя к 200-летию конституции 3 мая, действительно, намечалось принять новый основной закон страны взамен действующей конституции 1952 г. (в нее на протяжении 1989 г. было внесено несколько изменений), но в марте 1991 г. сейм принял решение о самороспуске. Только в октябре 1992 г. удалось утвердить так называемую малую конституцию, регулирующую отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти, тогда как полноценная новая конституция страны была одобрена референдумом 25 мая 1997 г.

⁵ ПОРП так и не смогла преодолеть кризис, вызванный утратой власти. Во второй половине 1989 г. она стремительно теряла своих членов и распалась на группы различной идейной ориентации. XI съезд ПОРП состоялся в январе 1990 г. Он оказался последним. Партия приняла решение о самороспуске, а ее преемницей стала Социал-демократия Республики Польша, апеллирующая к ценностям европейского социалистического движения. Новую партию возглавил 36-летний А. Квасьневский, символизирующий смену поколений и отмежевание от авторитарных методов борьбы за власть.

⁶ Правительство Мазовецкого начало работу в чрезвычайно трудных экономических условиях, характеризующихся прежде всего высоким уровнем инфляции (в августе 1989 г. ее уровень составил 39,5%, в сентябре – 34,4%, в октябре – 54,8%). Это вызывало широкую волну общественных протестов: только в августе 1989 г. различного рода протестных акций произошло больше, чем за весь предыдущий год. Но сила доверия к новому кабинету была так велика, что после начала его работы количество забастовок резко пошло на убыль. Новая волна общественного недовольства поднялась уже в 1990 г., после того как выяснилось, что радикальные рыночные реформы, проводимые в соответствии с планом «шоковой терапии» Л. Бальцеровича ведут к резкому падению издельного уровня основной массы населения.

⁷ Одной из главнейших задач правительства Мазовецкого был поиск поддержки, в том числе финансовой, проводимым в Польше реформам на Западе. В конце 1989 г. МВФ при поддержке правительств крупнейших стран Западу учредил специальный стабилизационный фонд в 1 млрд. долл. с главной целью стабилизации курса золотого. Примерно такие же суммы согласились предоставить в качестве кредитов США и ЕЭС. А в феврале 1990 г. Парижский клуб выразил согласие на отсрочку уплаты польского внешнего долга.

⁸ Переориентация экономических связей Польши на Запад была связана не столько со стратегическим расчетом лидеров «Солидарности», сколько с неспособностью СССР, переживающего острый экономический кризис, поддерживать торговлю с Польшей на прежнем уровне. Уже в 1990 г. началось снижение поставок энергоносителей (одной только нефти на 2 млн. тонн) и сокращение заказов на покупку польских машин, экскаваторов, самолетов и прочих технических изделий, что грозило промышленности Польши настоящей катастрофой. Возможность достижения нейтралите-

та на рубеже 1980–1990-х годов не рассматривалась польской политической мыслью как реальная. Скорее польское правительство ориентировалось на создание в будущем новой системы общеевропейской безопасности на базе модернизированного СБСЕ. В частности, горячим поборником этой идеи длительное время являлся министр иностранных дел Польши К. Скубишевский.

⁹ К середине 1990 г. на польской территории дислоцировалось свыше 58 тыс. советских солдат и офицеров, размещенных в 35 гарнизонах. В их распоряжении находилось 70 тыс. гектар земли, 13 аэродромов, четыре полигона, более 1000 жилых зданий и т.д. До осени 1990 г. правительство Мазовецкого не решалось официально поднимать вопрос о сроках вывода столь внушительных сил, однако деятели «Солидарности» во главе с Л. Валенсой все настойчивее требовали если не ускорения этого процесса, то хотя бы изменения условий их пребывания.

¹⁰ В подтверждение этого прогноза имеется весьма любопытный документ. В записке от 29 мая 1990 г. за подписями А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе, адресованной ЦК КПСС, говорится о претензиях, выдвинутых польским МИДом Советскому Союзу. В октябре 1989 г. К. Скубишевский поставил вопрос о возмещении материального ущерба полякам, пострадавшим от сталинских репрессий, на сумму 5–7 млрд. рублей. В апреле 1990 г. польские сейм и сенат приняли резолюцию, в которой советскому правительству предлагалось решить проблему с компенсациями семьям погибших в Катыни. Тогда же Польша потребовала возвращения культурных ценностей, вывезенных на территорию России в XVIII–XX вв. ЦК предлагалось отвергнуть эти требования как бесосновательные, способные «лишь накалить обстановку, не давая никаких осязаемых экономических результатов», и аргументировано разъяснить советскую позицию польской стороне. В случае неготовности той идти на уступки могли быть выдвинуты встречные претензии: о культурных ценностях украинского, белорусского и русского народов, вывезенных в Польшу, о затратах на операции по освобождению Польши от фашистских захватчиков, об ущербе, нанесенном Польшей во время войны 1920 г. и т.д. (*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 74. Л. 4–6*).

¹¹ Визит К. Скубишевского в Москву в 1989 г. не состоялся, зато в конце октября в Варшаву приехал советский министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, который, удостоверившись, что правительство Мазовецкого не ставит вопрос о выходе из ОВД, заявил: «То, что происходит в Польше, не вызывает у нас аллергии», добавив, что СССР разделяет стремление польского правительства к развитию отношений с Западом, поскольку сам поступает точно так же. А в конце ноября Москву посетил Т. Мазовецкий, встретившийся не только с М.С. Горбачевым, но также с А.Д. Сахаровым, представителями польской диаспоры и деятелями культуры. Помимо экономических проблем (реструктуризация польского долга, обязательства по поставкам), в ходе визита были подняты такие острые вопросы, как ответственность СССР за убийство польских офицеров в Катыни, возвращение памятников культуры, плата за пребывание советских войск на польской территории. Факт встречи Мазовецкого с Горбачевым имел важное политическое значение, поскольку означал ликвидацию монополии ПОРП на официальные контакты с Москвой.

¹² Разговор М.С. Горбачева с римским папой Иоанном Павлом II (Каролом Войтылой, поляком по происхождению) в Ватикане состоялся 2 декабря 1989 г. Между СССР и Ватиканом после длительного перерыва были восстановлены дипломатические отношения. Среди главных вопросов в беседе фигурировали и перемены, произошедшие в Европе.

¹³ Считая, что прежние формы экономического взаимодействия не соответствуют реформаторским устремлениям обеих стран, Польша согласилась в порядке эксперимента в 1990 г. 10–15% товарооборота перевести на расчеты в валюте. В первой половине 1990 г. вопрос о порядке расчетов неоднократно поднимался на заседаниях СЭВ, причем СССР настаивал на переходе на новую форму оплаты всей торговли уже с 1 января 1991 г. Не добившись согласия союзников, Горбачев 1 июля подписал указ о переходе на расчеты в валюте по мировым ценам в одностороннем порядке. В Польше этот шаг восприняли как стремление Москвы окончательно освободиться от «балласта» – своих недавних союзников и за их счет решить свои экономические проблемы. Такая политика советского правительства способствовала переориентации хозяйственных связей Польши на Запад.

¹⁴ Правительство Мазовецкого заняло в вопросе о сохранении структур социалистического лагеря крайне осторожную позицию, руководствуясь не только стремлением «не злить» Советский Союз, но и более тонкими расчетами. Скубишевский сознавал, что советские войска – условие равновесия сил в Европе, которое еще не уступило место какой-либо иной системе безопасности и резкий слом которого повредит интересам Польши. Поэтому на протяжении 1990 г. не подвергалось сомнению участие Польши в Варшавском договоре, хотя, что было новым элементом, провозглашалось право страны пересмотреть вопрос о своем членстве в союзе в зависимости от создания эффективной системы общеевропейской безопасности. Лишь после распада ОВД в середине 1991 г. польское правительство активизировало поиск новых путей обеспечения безопасности страны, в том числе посредством установления более тесных контактов с НАТО.

¹⁵ Польша в феврале 1990 г. первой из входящих в СЭВ стран представила концепцию его реформирования, хотя уже тогда на фоне революций в странах Восточной Европы начали раздаваться призывы к ликвидации этой структуры. Согласно польским предложениям, СЭВ подлежал трансформации в координирующий орган, не обладающий сколько-нибудь весомыми полномочиями. Централизованное планирование заменялось свободной торговлей между отдельными предприятиями, взаиморасчеты постепенно переводились в конвертируемую валюту, большинство комитетов и комиссий СЭВ упразднялось, странам-членам предоставлялась полная свобода деятельности внутри и вне структур организации. Особо акцентировалась мысль, что будущий СЭВ не должен препятствовать интеграции его членов с другими международными экономическими институтами, вследствие чего при обсуждении проекта Польша решительно воспротивилась преобразованию СЭВ в общий рынок стран Восточной Европы, по подобию ЕЭС, полагая, что в этом случае будет затруднено «интегрирование отдельных стран с Западной Европой». До конца 1990 г. правительство Мазовецкого считало, что до момента создания общеевропейской интеграционной структуры СЭВ может играть роль переходного механизма, при условии обретения им менее обязательного, консультативного статуса.

¹⁶ На основе приведенной записки Политбюро ЦК КПСС на заседании 28 сентября 1989 г. приняло резолюцию «Об обстановке в Польше, возможных вариантах ее развития, перспективах советско-польских отношений» (*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 33. Л. 1–5*). Хотя по-прежнему предполагалось рассматривать межпартийные связи КПСС и ПОРП в качестве ключевого элемента отношений между СССР и Польшей, признавалась необходимость сотрудничества «со всеми конструктивными политическими силами в ПНР, выступающими за развитие советско-польских связей и соблюдение союзнических обязательств Польши в рамках Варшавского договора». Поэтому наряду с мерами по оказанию «помощи друзьям в организационном и идейном укреплении партии, восстановлении ее боевитости и авторитета», проведением встреч с М. Раковским и В. Ярузельским, планировалось налаживание контактов с «Солидарностью», в том числе приглашение в СССР Л. Валенсы, Т. Мазовецкого и К. Скубишевского. Предусматривалась также активизация контактов по линии различных министерств и ведомств, профсоюзов, общества польско-советской дружбы и т.д. Кроме того, МИД СССР, Минобороны СССР, Международному отделу ЦК поручалось разработать меры по совершенствованию механизма политического и военного сотрудничества в рамках Варшавского договора, экономического сотрудничества в рамках СЭВ с учетом возможных изменений в подходе Польши к деятельности этих организаций.

Р.П. ГРИШИНА. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусцой по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах». М., 2008. 256 с.

За период с 2002 по 2007 г. опубликованы четыре сборника серии «Человек на Балканах».

В данном выпуске рассматриваются главные аспекты модернизационного процесса на примере одной балканской страны – Болгарии.

Исследование состоит из Предисловия, четырех разделов: I. С точки зрения теории; II. Между традицией и модерном, содержащим пять глав («Модернизация по-балкански: диктует матрица», «Этатизм в действии», «Рождение нового сельского типа», «К проблеме нации и национализма», «Болгарская историография последних лет о нации и национализме»); III. Grimасы политической модернизации в Болгарии. Этап 1879–1918 годов (главы: «Установление конституционной монархии в стране», «Трудности “приживания” института монархии», «Сан-Стефано? Да, Сан-Стефано!», «Война или модернизация?», «Мобилизационное единение народа»); IV. Феномен Болгарской православной церкви и Приложения, содержащего оригинальную дискуссионную, совершенно не типичную для болгарской историографии статью болгарского историка Ивана Илчева «Миф о Сан-Стефанской Болгарии как “священной корове” болгарского патриотизма».

Согласимся, что и подзаголовки книги, и названия многих глав звучат интригующе. Но, ознакомившись с книгой, понимаешь,

что автор не «красного словца ради» дал такие заголовки. Они очень точно и тонко передают суть исследуемых проблем.

Из заглавий разделов и глав видно, какие темы поднимает автор: Что ученые подразумевают под буржуазной модернизацией? Масштабную индустриализацию или/и преобразование «экологического человека» в «человека экономического»? Какое значение они придадут в этом процессе складыванию гражданского общества? Каково качество предусловий в стране, 80% населения которой составляло крестьянство? Эти и другие вопросы модернизации автор рассматривает на примере Болгарии конца XIX – начала XX в., проанализировав большое количество болгарской и российской исторической, социологической и политологической литературы (с. 1). В частности, как указывает сама Р.П. Гришина, значительное место уделено анализу деталей политической модернизации Княжества Болгария (установление конституционной монархии, формирование парламента и политических партий, введение широкого избирательного права). В книге показано, что «скоростной метод» строительства государственного-политических структур по западноевропейской модели сопровождался появлением нелегитимных органов и организаций, обладавших немалым политическим влиянием и действовавших наряду с законными органами (с. 5).

Книга полемична уже с первых страниц. Так автор утверждает, что в Болгарии отсутствовала «государственная национальная идея, ее ясное формулирование» (с. 6). На мой сугубо субъективный взгляд, Болгария обладала такой «государственной национальной идеей», что ее четкости позавидовали бы другие страны и народы. Сан-Стефанская или Великая Болгария! Что это, как не национально-государственная идея? Тем более что далее (с. 25–26) автор признает: балканские страны «избрали в качестве первоочередных, приоритетных [целей] внешнеполитические: национальная идея получила здесь выражение в виде борьбы за целостное объединение народа».

Также полемична дилемма, вставшая, по мнению автора, перед балканскими государствами (с. 26): «Как и в вопросе о роли человеческой воли в ситуации, когда история на рубеже XIX–XX вв. поставила Болгарию и другие балканские государства перед выбором: война или модернизация [...] Балканские войны 1912–1913 гг. оборвали линию экономического и социокультурного восхождения Болгарии, добытого трудами ее населения за 30 лет после Освобождения». Правда, автор оговаривается «Была ли эта война неизбежной?» На мой опять-таки субъективный взгляд была не только неизбежной, но и необходимой. Другое дело, что «пустые котелки» из верхов болгарского военно- и политического класса вольно или невольно сделали все, чтобы похоронить достижения Первой Балканской войны!

В разделе I автор обосновывает важность для современных ученых-балканистов обращения к теории модернизации, «получившей в 50–60-е годы XX в. признание обществоведов многих стран» (с. 8).

Трудно не согласиться с Р.П. Гришиной, что «как всякая теория, концепт модернизации является некоей умозрительной условностью и не может служить прописью для конкретных действий». Не менее важными представляются дальнейшие выводы автора по этой весьма дискуссионной теме: «Но возникший на основе практического опыта ряда “продвинутых”

европейских государств, создавший своего рода идеал западноевропейской цивилизации, он позволяет выявить некоторые тактические приемы для достижения цивилизационного успеха, определить его составляющие. И в то же время осознать всю проблематичность самих модернизационных процессов, их соотношение с «прогрессом человечества», человеческое измерение цены, которую приходится платить за них» (с. 8).

Далее Р.П. Гришина поясняет, что она понимает под процессом модернизации. «С точки зрения общего направления движения процесс модернизации общества понимается как переход от состояния традиционности и архаичности к цивилизации западноевропейского уровня. Но было бы неправильно видеть в нем простое линейно-поступательное движение [...], поскольку сам процесс носит волнообразный характер, претерпевает свои отливы и приливы, чередование реформ и контрреформ» (с. 8).

Автор констатирует: «К сожалению, в историографии существует известный пробел в изучении жизни балканских народов XVI–XVII вв. Это не позволяет составить ясной картины подготовительного этапа в развитии экономических, политических и других структур, создавших основу для перехода на Балканах от традиционного общества к буржуазному, внутренних источников этого процесса». Одно ясно: «К началу буржуазной модернизации “человек на Балканах” пришел с архаичным социально-психическим багажом. Региональная “матрица традиционализма” не слишком охотно впитывала в себя изменения» (с. 13).

Р.П. Гришина ставит очень интересный, снова полемичный вопрос: «Был ли институциональной революцией прерывание самостоятельного, естественного развития балканских государств и строительства ими собственной государственности». Правда, она тут же признает, что об этом, «сейчас можно только размышлять» (с. 15).

Вновь затрагивая спорный вопрос о модернизации, автор резонно отмечает: «Часть социологов, раздвигая привычные “экономические” рамки дихотомии: мо-

дернизация – индустриализация, делает “заход” с другого угла и видит результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, сколько гражданского общества» (с. 22). Однако не будем вдаваться в дебри дискуссий о том, что есть такое «гражданское общество», ибо порой создается впечатление, что современные политологи, умело манипулирующие этим понятием, сами толком не понимают, о чем говорят.

Р.П. Гришина выделяет особую роль армии и школы в модернизирующемся обществе: «Будучи обязательными, а значит в той или иной степени принудительными, оба этих института оказывают дисциплинирующее воздействие на общество» (с. 23).

В главе первой раздела II автор «для лучшего понимания процесса модернизации в Болгарии» объясняет его предысторию, останавливаясь только на наиболее важных для выбранной темы аспектах вопроса (с. 32). Она знакомит читателя трактовкой периода османского владычества в Болгарии российскими и болгарскими учеными.

Обращаясь к Тырновской конституции 1879 г., Р.П. Гришина отмечает, что провозглашенная буржуазная демократия «пришлась по вкусу политически неискушенной руководящей болгарской элите» (с. 41). Она так объясняет принятие сверхлиберальной конституции: «По мере освобождения в XIX в. из-под власти османов новые государственно-политические системы благодаря свойствам родной матрицы стали выстраиваться, как правило, по самым передовым в то время в Западной Европе моделям. Заимствование слепо переносилось на мало подготовленную почву. Преобладающий в балканском политическом мире идеализм позволял местной руководящей элите надеяться, что именно современные европейские политические институты и доктрины способны как создать нужный климат в стране для социальных и экономических изменений, так и непосредственно вызвать их. Амбиций же было получить доступ в семью европейских государств» (с. 41).

Автор подчеркивает: «Некоторые успешно перенятые демократические по-

литические нормы (иногда даже более широкие, чем в самих странах Запада) таили в себе непосредственную опасность для стратегии модернизации, о которой современные балканские авторы нередко пишут, как о сознательно избранной политикой XIX в. Опасность крылась, на мой взгляд, в предоставлении всеобщего избирательного права мужчинам, достигшим совершеннолетия» (с. 42).

Вместе с тем, «ностальгия по романтической возрожденческой поре, когда важные вопросы управления решались в значительной мере на местном уровне, эмоционально подпитывала в народе сознание первостепенной важности общинных корней. Это чувство было свойственно [...] и действующим политикам, многократно обращавшимся в своей практике к вопросам местного самоуправления и идее его расширения. Такая идея присутствовала в программах почти всех политических партий периода их становления» (с. 47).

В главе второй автор ставит ряд вопросов, касающихся взаимоотношения государства и крестьянства. В частности, вопрос *о роли и месте государства в организации процесса модернизации или «Защищало ли государство крестьян?»* Но прежде отметим, что Р.П. Гришина уточняет, что она понимает под этатизмом: «Речь идет не только об этатизме как вмешательстве государства в хозяйственные процессы [...] Здесь же следует иметь в виду другой важный аспект, а именно строительство самого молодого государства, его структур, аппарата, становление политической системы [...], то есть всего политического сегмента системы [...] Оба главных объекта этой политики – и государственно-политические структуры, и индустриальные заведения – концентрируются в городе, который тем самым приобретает в глазах крестьян образ голодного спрута. В итоге противостояние города и села как административно-социальных структур получает дополнительную подпитку, что вряд ли может быть оценено как плюс для процесса модернизации» (с. 55).

Автор отмечает, что в Болгарии «линия защиты крестьянства стала складывать-

ся в первые годы после Освобождения» (с. 59) и подробно рассматривает соответствующие программные положения партий и заявления политиков.

К сожалению, за неимением места придется оставить без комментария сентенцию болгарской исследовательницы Е. Ивановой, приведенную автором: «В случае “Сербия”, например, изначально доминирует “воля к государству”, в случае “Болгария” – воля к культуре». И как пишет Р.П. Гришина, «в целом такое понимание соответствовало действительности» (с. 64).

Р.П. Гришина подробно рассматривает поощрительные меры государства с целью оказать поддержку промышленным заведениям. Формирование патерналистской практики в княжестве в более широком масштабе подстегнул опыт Стамболова, отмечает автор (с. 64). В этой связи нельзя не отметить другого ее наблюдения: «Должно признать, что в Болгарии именно в авторитарные периоды правления, в годы сильной государственной власти удавалось достичь тех или иных модернизационных успехов» (с. 67).

В главе «Рождение нового сельского типа» автор отмечает, что толчком к изменениям в традиционном сознании крестьянина послужило развитие рыночных отношений еще в недрах Османской империи. «Главным для болгарского сельского жителя являлось не столько создание Нового Государства в 1879 г., сколько преобразование его земельного участка в полную собственность и ее гарантирование законом» (с. 71). Р.П. Гришина рассматривает новые явления в жизни болгарского крестьянина: сопротивляясь новому, он вынужден был приспособливаться к меняющимся условиям. «В поисках выхода оно (крестьянство. – М.Я.) обратилось в сфере экономической к интенсивному развитию кооперации» (с. 84). Автор подробно останавливается на особенностях болгарской кооперации. Она указывает: «Если до Освобождения забота о просвещении ложилась на общины, ремесленные объединения и на частных лиц, то с приходом новой жизни в 1878–1879 гг. дело образования перешло в основном в руки государства» (с. 93).

В главе «К проблеме нации и национализма» Р.П. Гришина обращается к идеям нации, государства – нации, как непосредственно связанным с проблемами модернизации. Как она указывает: «Специалистами установлено – становление и развитие любого государства, обретшего независимость, обычно сопровождается взрывом национальных чувств» (с. 98). Автор вскользь касается различных теорий наций и национализма, и возвращается к Болгарии. Затрагивает такой болезненный для Болгарии вопрос, как вопрос беженцев. Рассматривает проблему «нация – язык», подробно касается проектов Великой Сербии, Великой Греции, конечно, Великой «Сан-Стефанской» Болгарии, македонского вопроса на государственном и партийном уровне.

Р.П. Гришина отмечает, что «проблема формирования болгарской нации неотрывно связана с особенностями складывавшегося на болгарских землях слоя интеллигенции» (с. 107). Она же уточняет, что вернее было бы называть ее пред-интеллигенцией, и дает объяснение такому толкованию (с. 107–108). Автор отмечает, что в Болгарии (как и в Сербии) «довольно быстро произошло сращивание интеллектуальной элиты с политической, люди с высшим образованием уходили в политику» (с. 110). Она уделяет довольно значительное место рассмотрению феномену болгарской интеллигенции.

Раздел III открывается главой «Установление конституционной монархии в стране». Р.П. Гришина отмечает: «Устои нового государства – Княжества Болгарии определялись введением Конституции 1879 г. как основного закона и таких новых органов власти, как парламент и институт монархии. К конституции население привыкло постепенно» (с. 127).

Как отмечает сама автор, она очень подробно останавливается на рассмотрении института монархии в Болгарии. И благодарному читателю было бы интереснее ознакомиться с текстом этой главы, нежели читать рецензию на основательное исследование этого политического института в Болгарии. Слишком много вопросов затронуты Р.П. Гришиной, слишком они объемны... Здесь идет речь о поисках

будущего монарха, рассматривается противоречивая роль России во всей этой коллизии.

В главе третьей основное внимание уделено деятельности различных македонских организаций от ВМОРО до ВМОК, и отношении к ним болгарских правительств. Автор показывает как македонские «революционеры» влияли на деятельность правительства, внедрялись в правительственные структуры и т.п. Речь идет и о том, сколько проблем ими было создано и для правительства, и для самой Болгарии.

Четвертая глава, как уже упоминалось, называется «Война или модернизация?» Не слишком ли безапелляционно поставлен вопрос, выдвинута дилемма? В начале главы автор отмечает: «С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали в Болгарии появляться все чаще [...] Князь/царь Фердинанд, давно настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал проявлять особую заботу об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль, сделать своей опорой». Офицеры должны были стать и становились самыми рьяными носителями национальной идеи (с. 177).

«Проповедь “великих” идей постепенно распространялась на все общество, [...] набор [...] идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить власти массовую поддержку, – пишет автор. – А, в конечном счете, обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно ни активно бороться за осуществление “национального идеала”, ни проводить реформы, если они все еще стояли в повестке дня и не были вытеснены первым компонентом на обочину жизни. Безусловно, оба этих компонента имели непосредственное отношение к процессу модернизации, являлись его составляющими, но как правильно соотносить их на практике? Как расставить ударения?» (с. 177–178). Такие вопросы ставит автор. Она приводит точки зрения на эту всео-

бъемлющую тему болгарских авторов, и легче вступить с ними в обширную дискуссию, нежели написать несколько строк рецензии.

Автор справедливо отмечает: «Лишь постепенно лозунг автономии Македонии и Одринской Фракии, официально провозглашенный ВМОРО как шаг к осуществлению Сан-Стефано, все более начинал идейно связывать политический класс Болгарии, князя Фердинанда и болгаро-македонских революционеров-террористов» (с. 179). Автор рассматривает меры, предпринимаемые государством по укреплению и усовершенствованию армии. Она отмечает, что накануне Балканских войн Болгария считалась самой милитаризованной страной на полуострове (с. 181), но указывает и на недостатки болгарской армии (Фердинанд не обладал полководческим талантом, в мирное время избегал руководить маневрами). «В результате в Болгарии при приближении войны не оказалось заранее определенного человека, в чьих руках сосредоточилось бы командование действующей армией» (с. 182).

В главе значительное место уделено позиции лидера БЗНС А. Стамболийского по вопросу войны, по македонскому вопросу и т.п. Автор рассматривает и позиции других партий, в том числе расколовшейся ВМОРО, по вопросам войны и мира.

«Объявление мобилизации и начало Балканской войны 1912 г. описывается и в Болгарии, и в Сербии как грандиозное общенациональное событие, потрясшее каждую из стран», такими словами начинается последняя глава раздела III книги Р.П. Гришиной. Однако, по ее словам, сербский и болгарский народы «пришел к Балканской войне 1912 г. и связанными с ее началом состоянием эйфорического энтузиазма разными путями» (с. 195). Ссылаясь на дипломатические донесения, автор утверждает, что болгарский народ войны не хотел (с. 196). Не хотело ее якобы и правительство, составленное из интеллигентов чуть ли не высшей пробы. А вот некоторые партии повели активную милитаристскую кампанию (с. 198).

Затем деятели ВМОРО осуществили ряд терактов в Македонии, последовала

турецкая резня македонских болгар, и массовое возмущение, даже «ярость» в самой Болгарии. После этих событий, пишет автор, «общественное мнение» зашевелилось, [...] газеты запестрели воинственными заголовками [...] Кампания не была стихийной». На встрече редакторов газет и журналов в казино в центре Софии было решено, что позиция прессы должна быть «патриотической» (с. 199–200). Уже в августе 1912 г. указанный автором дипломатический источник доносил, что настроение народа склонилось в пользу войны.

Автор приходит к следующему основательному выводу: «Фактом становится, что Болгарию подняли на дыбы, главным образом, вызывающие, противозаконные, провоцирующие действия “македонствующих”» (с. 201).

В конце концов, автор заключает: «Так, всеми правдами и неправдами, было достигнуто мобилизационное единение народа» (с. 205).

Р.П. Гришина приходит к неутешительному для Болгарии выводу: «В результате взбалмошная болгарская политическая “элита”, обаявшись идеей “Великой Болгарии”, не рассчитала сил и потерпела

поражение масштаба “национальной катастрофы”. При этом не успокоилась, а передала будущему поколению политиков “битую карту” Сан-Стефанской Болгарии: ревизия, а затем и реванш стали главным содержанием не только международных отношений, но и всей внутренней жизни Болгарии межвоенного периода. Модернизационные возможности страны из-за военных поражений, территориальных потерь, необходимости платить высокие репарации оказались серьезно подорванными» (с. 215).

В разделе IV автор приходит к неутешительному выводу: «Веротерпимость, легкость перехода из одной конфессии в другую, отсутствие благоговейного отношения к собственному убогому в основном священству – все эти черты свидетельствовали о значительном размывании религиозного сознания болгар, о приверженности болгарской паствы, главным образом к традиционной обрядовой стороне православия. Что и составило, пожалуй, одну из характерных черт ментальности болгарского народа» (с. 242).

© 2010 г. М.Л. Ямбаев

Славяноведение, № 3

Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и на европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. М., 2007. 1032 с.

Сборник документов, выпущенных издательством РОССПЭН, раскрывает еще одну страницу истории Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, страницу, которую долго и стыдливо замалчивали. Это – еврейские погромы на Украине, в Белоруссии и в европейской части России в 1918–1922 гг. Ответственный редактор сборника Л.Б. Милякова. Она же один из составителей, автор содержательного введения (с. III–XXXII) и обширнейших комментариев к документам. Составителями от Государственного архива Российской Федерации выступи-

ли И.А. Зюзина, от белорусского Брестского университета – Е.С. Розенблат и И.Э. Еленская.

В книге, вышедшей под грифом Российской академии наук, Института славяноведения и Государственного архива Российской Федерации более тысячи страниц. Она снабжена именным и географическим указателями, списком сокращений, а также историко-географической справкой и археографическим предисловием. В сборнике имеются репродукции фотоматериалов и карты. Во введении представлена весьма исчерпывающая ис-

ториография вопроса; делается попытка выяснить связь погромов с идеологией, а также представлены списки имеющейся литературы. Сгруппированы публикуемые документы по политико-географическому принципу, т.е. по государственной принадлежности к независимым в тот период – Украине, Белоруссии и РСФСР. Такая группировка выявляет значительное своеобразие интенсивности, характера и причин погромов, о чем подробнее скажем далее.

В сборник включены разнообразные по характеру и значимости 364 документа – от материалов правительственных органов, Красного Креста, до разного ранга и государственной принадлежности еврейских организаций и листов опросов жертв погромов. «Включение в издание материалов фондов СНК, ВЦИК, Наркомнаца и Полномочной комиссии ВЦИК (по борьбе с бандитизмом на западном фронте. – *В.П.*) дало возможность проследить разработку и осуществление политики большевиков по вопросу [...] предотвращения погромов в России» (с. XXXIV).

Составители пишут, что они хотели представить психосоциальный климат Гражданской войны, понять истоки погромного насилия 1918–1922 гг., уточнить географию погромов, их особенности в отдельных регионах, определить степень вовлеченности и мотивы участия в погромах различных военно-политических и общественных сил и слоев: армии Петлюры, польских войск, Красной армии, а конкретно казаков Первой конной, Белой армии (частей Мамонтова и Шкуро), формирований Махно, Григорьева, атаманских отрядов, украинских и белорусских крестьян, российских городских низов, банд Булак-Булаховича; охарактеризовать этапы государственной политики большевиков в вопросе о погромах.

Составители представили также материалы одного из первых в исторической науке устно-исторических проектов: массовых опросов населения – свидетелей и жертв погромов, максимально приближенных ко времени событий – иногда не недель и месяцев, а часов после событий.

Документы отражают и сотрудничество органов РСФСР с международными

еврейскими харитативными организациями по оказанию помощи евреям (Джойнт) вплоть до выезда их за границу. Достаточно обширно представлена пресса тех лет, преимущественно еврейская. Привлечение ее не всегда оправданно. Газеты не очень достоверный источник, а в рассматриваемые годы подавно. Они печатали слухи (составители сами показали как могли толковаться события – док. № 138, 139, 302 и др.) или автоматически рассматривали («по-старому») РСФСР равной Российской империи и приписывали России события, происходившие в уже независимой Финляндии (док. 301).

206 документов касаются Украины, на территории которой произошло наибольшее число погромов, носивших к тому же «автохтонный» характер: ими была охвачена значительная территория, в основном сельская, в погромах участвовали толпы крестьянства (с. IX). Один из собирателей «архивов погромов» Н. Гергель считал, что 39,9% от общего числа погромов приходилось на войска Директории, 24,8% – на различные партизанские отряды и банды, 17,2% – на воинские соединения Белой армии, на Красную армию – 8,6% погромов, на отряды атамана Григорьева – 4,2%, на Польскую армию – 2,6 %, на прочих участников – 2,7% (с. XIV). По подсчетам демографа Я. Лацинского, всего убито было 150 тыс. чел., из них на Украине – 128 тыс., в Белоруссии – 25 тыс. (с. XIII). В сборнике приводятся данные и по другим источникам, но в любом случае – это большой процент жертв Гражданской войны. В тылу и на фронтах в 1918–1922 гг. погибло в результате боевых действий, террора и эпидемий восемь млн чел., из них жертвы оружия и насилия – 4,6 млн, естественно всех национальностей (учитывается в границах 1917 г.).

По Белоруссии 93 документа свидетельствуют, что еврейские погромы организовывали польские оккупационные войска, а после – приходившие из Польши банды Булак-Булаховича, а также дезертиры из Красной армии, сбившиеся в банды. Уже в первые месяцы образования польско-советского фронта погромы достигли такого размаха и жестокости, что западные покровители Польши за-

беспокоились: подобные деяния получили негативный отклик в английской и американской печати. В Белоруссию и на Украину были посланы комиссии для расследования реального положения евреев в Польше и на оккупированных ею территориях. Комиссию из США возглавил сенатор Г. Моргентгау (июль–сентябрь 1919 г.), британскую сэра Стюарт Сэмюэль (сентябрь–декабрь 1919 г.). Доклад последней был переведен для советской делегации на мирных переговорах в Риге (док. № 211). Комиссия Г. Моргентгау, пишут комментаторы, пыталась свести погромы к ряду разрозненных инцидентов, спровоцированных условиями военного времени.

Аналогичное Белоруссии положение было и в России (52 документа). Временами возникали вспышки антисемитизма в городах, скорее на почве голода, неприятия советской власти и части ее руководителей (евреев по национальности) (с. 781). Но антисемитизм и погромы пресекались «жесткой антипогромной позицией большевиков». Редкие погромы устраивали отдельные части Белой армии (казачи Мамонтова, Шкуро) в районах, которые им удалось достичь в 1919 г., их поддерживали городские низы.

Горячие головы от Объединенной еврейской социалистической партии и фракции левых эсеров требовали от ВЦИК IV созыва, чтобы СНК высказал свой протест по поводу погромов не только в России, но и в Галиции, Румынии, Австрии (док. 302). Но составители показывают, что Россия не могла по международным каналам оказать помощь даже Украине (с. 913).

Рецензируемый сборник документов имеет политическую направленность. И как таковой ориентирован на широкий круг читателей. Представляется однако, что составители не учли некоторые психологические аспекты. Тысячу страниц описаний жестокости и насилия трудно

одолеть, восприятие притупляется. Если бы второстепенные и повторяющиеся документы (со всей статистикой) были использованы в хронике событий, книга бы более динамично, «зримее» представила ход событий.

Ценнейшей частью книги являются примечания. В них вложен колоссальный труд. Почти девяносто страниц петита, 634 миниисторические статьи. В тоже время не использованы публикации государственных и дипломатических документов, хотя бы «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (т. II–III) или публикации Ключникова Ю.В. и Сабанина А.В. Тогда бы договор Пилсудского с Петлюрой от апреля 1920 г. не имел нескольких вариантов заглавия (с. 38, 46, 84), а соответственно и рангов соглашения, а договор о нацменьшинствах не ограничивался бы сноской на малоизвестную в Москве белорусскую работу (с. 325).

Не соблюден принцип точного наименования военных чинов ни у белых, ни у красных, не повезло и гражданским лицам (есть, например, «президент Лондонского эмигрантского правительства» – с. 352) или искажены даты жизни отнюдь не последних лиц в своих государствах (о маршале Рыдз-Смиглом указано, что он умер в 1943 г., вместо 1941 г.). Не всегда выдержан принцип указания подлинных фамилий и псевдонимов (например, М.М. Литвинова) (с. 616) или сведений о деятелях эпохи (Петлюра и Винниченко – крупные государственные деятели, Керенский – юрист, политический деятель) (с. 27, 28, 98).

В целом получился любопытный сборник, характеризующий психосоциальный климат Гражданской войны, сработанный добросовестно и с исследовательским азартом.

© 2010 г. В.С. Парсаданова

И. ЖЕЙНОВ. Документи от Архива на външната политика на Руската империя (1865–1877 г.) / Издирил, подготвил, составил и бележки: Иво Жейнов. Русе, 2009. 270 с.

И. ЖЕЙНОВ. Документы из Архива внешней политики Российской империи (1865–1877 г.) / сост., коммент. И. Жейнов. Русе, 2009. 270 с.

Давно прошло то время, когда отечественные ученые играли лидирующую роль в издании документов, связанных с русско-болгарской историей XIX в. Сейчас и болгаристов ubyло, и интерес угас. Приоритет отдается индивидуальным монографиям, а заниматься публикаторской деятельностью, связанной с кропотливым трудом в архивах, охотников больше нет. Да и издано уже немало.

Другое дело, когда речь заходит о наших болгарских коллегах, активно работающих в этой сфере и регулярно выпускающих сборники документов. Например, в Софии в 2008 г. издан при самом активном участии российской стороны построенный в основном на материалах из РГВИА сборник документов «Россия и восстановление болгарской государственности (1878–1885)».

Российские архивы хранят еще немало материалов, связанных с деятельностью России в Болгарии и русским покровительством. И наши болгарские коллеги, да и не только они, плодотворно работают в области выявления новых материалов и введения их в научный оборот, в том числе через издание документальных сборников. При этом замечу, работают не только в коллективе, но и индивидуально, что особенно поражает: знаю по себе, как тяжел и неблагодарен труд публикатора.

Последним по времени издания трудом стал рецензируемый документальный сборник консульских донесений из Русе, полностью подготовленный историком, журналистом, замечательным человеком И. Жейновым. Большую роль в появлении этой книги сыграло наше Генеральное консульство в Русе, городская общи-

на, оказавшая финансовую поддержку и другие организации, хотя, в основном, на издание были потрачены средства самого публикатора. Сейчас, во времена сокращения государственных расходов на историю, такой выход из положения стал практиковаться. Иными словами: сам напишешь, сам и напечатаешь, сам и разда-ришь.

Живущий в дунайском городе Русе, И. Жейнов многое сделал для сохранения русско-болгарской памяти, которая должна жить не только в истории, но и в умах и сердцах людей, при этом ни в каком случае не становиться объектом политики и акций некоторых политиков, время от времени возлагающих мертвые цветы к подножию монументов нашим героям и читающих по бумажке высокие слова.

Собранный И. Жейновым за время коротких поездок в Москву материал и послужил основой для настоящей книги, в которой содержится сотня с единицей (101) разнообразных документов, большинство из которых подписано такими русскими консулами в Русе, как А.Н. Мошнин и В.Т. Кожевников.

Здесь исследователь может найти и довольно обширные донесения, связанные с торговлей, русской помощью пострадавшим от турецких зверств, о национальном освободительном движении, о болгаро-греческой церковной распри и материалы с другими сюжетами. Конечно, скептик может сказать, что все это или почти все можно встретить на страницах других документальных сборников, и он будет прав, но только отчасти. Дело в том, что представленная в книге информация из Русе и его окрестностей

позволяет дать развернутое и в то же время, сконцентрированное представление о жизни тамошнего болгарского населения, политики турецких властей, деятельности русского консульства именно «одного места», что сразу увеличивает ценность сборника. Важность труда, проделанного И. Жейновым, определяется не только документами из стратегического региона, но и самим временем, которое и является «главным героем» сборника документов, позволяющих не оставаться равнодушным к памяти предков, к стране, за освобождение которой было пролито так много русской и болгарской крови.

Возвращаясь «к прозе» отмечу, что, прежде всего, вызывает некоторое удив-

ление то, что верхняя хронологическая граница обозначена 1877 г., хотя в книге есть документы 1879 г.

Книга снабжена иллюстрациями, некоторые из которых относятся к числу редких, как например, портрет Александра Никаноровича Мошнина.

Полагаю, что документы сборника могут и будут использованы не только «чистыми» отечественными болгаристами, но и балканистами, историками дипломатии, культурологами и исследователями болгарского хозяйства, болгарского города, а также интересующимися биографическими реалиями русских дипломатов.

© 2010 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 3

А. БОБРАКОВ-ТИМОШКИН. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. 130 с.

История настолько многогранна, что интерпретировать ее можно бесконечно. Действительно, и государство, и общество, и отдельную видную личность на различных этапах исторического развития можно оценивать по-разному, смотря с какой «кочки» зрения и с какой целью подходить. Можно, например, отметить только положительные стороны, и создать, соответственно, исключительно позитивный образ. Можно, и наоборот, выдвигая на первый план негатив, нарисовать абсолютно черную картину. Примеров тому множество. Как правило, тема «табуированная», политизированная, недостаточно или предвзято освещенная в один период развития общества, на другом его этапе может привлечь всеобщее внимание, причем перегибы в оценках тут неизбежны: ранее черное становится белым, негатив сменяется позитивом, минус на плюс. Сначала за дело берутся публицисты. Историки (серьезные) подключаются позднее: им нужно больше

времени и материалов (весомых аргументов), чтобы создать новую убедительную картину. Переходные периоды в развитии общества, а именно таковыми для России и стран бывшего «советского лагеря» стали 90-е годы XX ст., отмечены резкой сменой историографических взглядов. Теперь, думается, наступает время взвешенного подхода к освещению «щекотливых» тем и оценке известных исторических деятелей.

Попытка такого подхода содержится в небольшой по объему книге (7 п. л.), посвященной истории Первой Чехословацкой республики (1918–1938). Автор А. Бобраков-Тимошкин рассматривает историю этого, образовавшегося в 1918 г. и просуществовавшего два десятилетия по сути многонационального, государства с точки зрения конфликта характерных для него и противоборствующих идеологий. Интригующим является уже само название книги, где используются термин «проект» и кавычки в наименовании Чехословакия.

Фамилия автора российским историкам-чехословакистам мало что говорит. Кто он? Что за исследователь, попытавшийся в определенном им ключе взглянуть на историю Чехословакии межвоенного периода? Кое-какие сведения можно получить в Интернете: Александр Евгеньевич Бобраков-Тимошкин – филолог-богемист, переводчик, докторант (на 2007 г.) Института чешской литературы и теории литературы философского факультета Карлова Университета в Праге. Книга, написанная на стыке истории, философии и политологии, несомненно, привлечет внимание читателей неординарностью взгляда на проблемы Первой Чехословацкой республики, ее внутреннюю политику и столкновение идеологий. Специфика авторского подхода состоит в акцентировании внутренних причин (при наличии внешней доминанты – агрессии гитлеровской Германии), приведших к гибели Первой ЧСР.

В 2007 г. автор монографии опубликовал обширную рецензию на книгу родившегося в Чехословакии немецкого историка Йоганна Вольфганга Брюгеля «Чехи и немцы. 1918–1938» [1]. Вышедшая в Мюнхене еще в 1967 г., она была переведена на чешский язык и в 2006 г. вышла в издательстве «Академия» в Праге [2]. Книга, опирающаяся на большой массив архивных документов и написанная как полемическая, подчеркивается в опубликованной рецензии, представляет собой серьезное исследование, которое «может стать источником важной информации и импульсом для размышлений». Убежденный социал-демократ Брюгель, пишет Бобраков-Тимошкин, не мог принять распространенного в послевоенной Западной Германии представления о Чехословакии, как государстве, угнетавшем немцев, о справедливости требований Судетонемецкой партии Конрада Генлейна, которая изначально якобы не имела ничего общего с нацизмом, и о коллективной вине чешской нации за послевоенную депортацию судетских немцев. Исследование сыграло свою роль в формировании более взвешенной оценки немцами обществом событий в Чехословакии в 1938–1946 гг. Фундаментальный труд Брюгеля, по мне-

нию А. Бобракова-Тимошкина, опровергает многие мифы, касавшиеся внутренней истории первой ЧСР, положения немцев в стране, политики по отношению к ним чехословацких властей.

Несомненное влияние исследование Брюгеля оказало и на автора рецензируемой монографии, хотя самостоятельность исследования очевидна. Межвоенная Чехословакия представляется Бобраковым-Тимошкиным как идеологический «проект», а ее политическая история рассматривается сквозь призму конфликта идеологий – этнонационализма и идеи «политической нации», либерального гуманизма и тоталитарных учений. В результате, частный пример построения ЧСР предлагается читателю как идеальная модель для изучения процессов, которые происходят в молодых государствах, возникших на обломках империй. Автор монографии задается вопросом, была ли Первая Чехословацкая республика демократическим «бастионом» Европы или государством, основанном на национальном угнетении? Являлась ли она воплощением права наций на самоопределение или обреченным на гибель детищем Версальской системы? При всем при том книга не производит впечатление культурно-политического эссе, а демонстрирует глубокое знание автором истории, прежде всего, чешского народа, владение фактографией и умение анализировать представленный материал.

Оригинальность подхода исследователя обнаруживается уже с первых страниц труда: тексту предшествуют два предисловия. Первое – блиц-взгляд на историю возникновения и гибели межвоенной ЧСР. Кстати, здесь обнаружена ошибка: Э. Гаха был президентом не Чехословакии, а Второй республики Чехо-Словакия, возникшей после Мюнхена и просуществовавшей до 14–15 марта 1939 г. [1. С. 6]. Второе – постановка целей и задач труда. Тут стоит обратить внимание на утверждение: «Австро-Венгерская империя – не просто государство, а каркас, которым долгие годы была скреплена Центральная-Восточная Европа». «Нас интересует, – пишет автор, – история “чехословацкого проекта”, под которым мы имеем в виду

не только создание государства и его реализацию, но и конкретные идеалы его построения, которые пытались воплотить в жизнь его создатели, в первую очередь первый президент Масарик». Говоря о неотъемлемой составляющей «чехословацкого проекта», так называемом «чехословакизме», автор видит в нем идеологию «политического единства чехов и словаков на основании их этнического родства» (с. 8–9).

Примечательно и, думается, символично, название первой главы книги: «Сказка». Здесь повествуется о неожиданности появления идеи и рождения ЧСР, неочевидности государства, его «созданности», «искусственности»: «Государство и его границы возникли раньше в мысли нескольких людей, а только затем на картах [...] и в общественном сознании». Задаваясь вопросом, «кто субъект революции?», автор отмечает отсутствие «чехословацкой» программы «снизу»: «В реальности никакого массового, тем более *общечехословацкого* движения за независимость “снизу” не только не существовало, но и не могло существовать *практически*: эти два народа, наиболее близкие друг к другу по языку и по культуре среди западных славян, не составляли в начале XX века единой политической нации, которая могла бы формулировать какую-либо общую программу [...] Иными словами, антиавстрийская борьба велась по большей части *извне*, и роль внешних сил при создании государства была экстраординарной». Т.Г. Масарик стал истинным *создателем* государства, «начиная от идейной ориентации и заканчивая границами, которые он едва ли не произвольно чертил в своих меморандумах для политиков Антанты». В то же время подчеркивается, что до войны Масарик не был общепризнанным политическим лидером и представлял в Рейхстаге самую *маленькую чешскую партию*. Существовала ли, вопрошает автор, историческая логика в том, что в борьбе за независимость именно он сыграл главную роль? Много внимания в монографии уделяется мыслям Масарика об избранности чешского народа, чешской нации, ее встроенности в мировую цивилизацию, неотделимости от тенденций

развития мира и Европы, о смысле чешской истории, квинтэссенция которой формулируется так: «Не насилием, но миром, не мечом, но плугом, не кровью, а примирением, не смертью, но жизнью [...] – вот ответ чешского духа, вот смысл нашей истории и наследство великих предков» (с. 30).

Во второй главе «Идеалы» рассмотрены идейные основы Чехословакии, созданной Масариком, не раз повторявшим мысль о том, что государства поддерживаются теми идеями и силами, благодаря которым они возникли. Речь идет о понимании и толковании понятий демократия, нация (много места уделено термину «чехословакизм»), прогресс. Подробно говорится о мифах, возникших еще в первой ЧСР и сохранившихся в том или ином виде по сей день. Автор констатирует, что Масарик как политический лидер, само существование Чехословакии как государства и его основополагающие идеи пользовались поддержкой подавляющего большинства *чешского* населения страны. В рамках же «словацкой ветви чехословацкой нации» фактически с первых лет существования республики наметился раскол между «автономистами» и «чехословакистами». Укреплению единства государства должны были способствовать созданные мифы. *Миф* об Освободителе (культ Масарика) начал складываться практически сразу после образования ЧСР и поддерживался большим числом ритуалов («Сам Масарик был скромен в быту [...] и не был архитектором своего кulta. Но ценность президентского поста – и себя на этом посту – Масарик очень хорошо понимал и не отказывался от почестей») (с. 69). «Мифологизированный» Масарик был прежде всего символом, объединявшим людей внутри страны (включая и немцев), и одной из лучших «торговых марок» ЧСР за рубежом. *Миф* об освобождении. Роль поработителей тут досталась откровенно демонизируемым Австро-Венгрии, лично Габсбургам и, наконец, немцам (включая и чешских немцев). *Миф* о «Риме» (т.е. о католической церкви как извечном враге чешского народа, опоре трона Габсбургов) стал важным фактором жизни части чешского общества, затруднявшим взаи-

мопонимание, в частности, со словаками. *Миф* о легионерах, «детях» Освободителя, национальных героях, помогавших ему в борьбе за народное счастье. В большинстве своем легионеры были патриотами ЧСР и поддерживали Масарика, однако с моральной точки зрения далеко не все из них соответствовали созданному в мифе героическому образу. *Миф* о «любимцах Антанты» «формировал потребительскую психологию и вел к невозможности оценить истинное место и роль республики в Европе» (с. 73). Мюнхенские события стали шоком для общества еще и потому, что многие верили, что Франция никогда не бросит свое «любимое дитя» в беде, но само представление о «любимом дитяти» было основано более на легенде, чем на объективной реальности. *Миф* о чехословаках. Автор полагает, что большая часть чехов восприняла как должное доктрину «чехословакизма», интерпретировав ее примерно так: словаки – это некие «младшие братья» чехов, тот есть такие же по сути чехи, только говорящие на «исковерканном языке», менее развитые и порой капризные, которым необходимо помочь и не позволять шалить. «Если мы суммируем эти наиболее важные мифы, – пишет А. Бобраков-Тимошкин, – то получим обычную идеологию национального государства небольшого народа» (с. 69–75).

В третьей главе рассматривается вопрос о том, какова была чехословацкая демократия на практике, с какими сложностями столкнулись «строители» ЧСР. Трудным оказалось подтвердить справедливость установления суверенитета над населенными немцами пограничными чешскими областями, над Словакией (из-за политической пассивности населения и неопределенности ее границ). По решению Парижской мирной конференции в границах Чехословакии осталось более трех млн немцев. Южная граница Словакии, определенная на основе этнических ориентиров, была, в конце концов, проведена *южнее*, так что в пределах ЧСР оказалось около 700 тыс. венгров. Автор утверждает, что из-за необходимости обеспечить выход Чехословакии к Дунаю в ее состав был включен переименован-

ный в Братиславу немецко-венгерский город Прессбург, в котором словаки составляли всего 15% населения.

За присоединение к Чехословакии выступило и большинство русинских землячеств в США, что оказалось решающим для определения американской позиции по этому вопросу. Подкарпатская Русь и ее народ не были частью «чехословацкого проекта», русины не включались в состав «чехословацкой нации», хотя официально не являлись и «меньшинством». Сразу же вспыхнул конфликт с Польшей из-за Тешинской области, которая исторически принадлежала к Землям чешской короны, но была населена в большинстве этническими поляками.

В главе рассматриваются также внутренние проблемы строительства нового государства, характеризуются, в том числе и с критических позиций, парламент, партийная система, так называемая «пятерка», президент и «Град» и т.д. Автор приходит к выводу, что в Чехословакии сформировалась определенная традиция «сильного президента» в парламентской республике, «живая, по крайней мере, в Чехии, до сих пор». При «Президенте-Созидателе» (Э. Бенеше) право президента осуществлять стратегическое руководство, во всяком случае внешней политикой страны практически единолично, осталось в силе. В кризисной ситуации в сентябре 1938 г. эта модель дала сбой: в критический момент Бенеш остался один, парламентские органы и правительство фактически самоустранились от принятия решений (вернее, не могли действовать вопреки воле президента). Судьба демократического государства оказалась, по сути, в руках одного человека (с. 113).

В четвертой главе через призму «оппоненты или враги?» описываются дискуссии в «чехословацком лагере» и позиции ее участников: правых чешских националистов (К. Крамарж), интегральных националистов (А. Рашин), чехословацких фашистов (Р. Гайда), радикальных католиков (Я. Дурих), коммунистов (Б. Шмераль, К. Готвальд, интеллектуалы-коммунисты) (с. 120–150).

В пятой главе в ракурсе «соотечественники или враги?» рассматривается

проблема «Идеология ЧСР и национальные меньшинства». Здесь автор фиксирует внимание на положении в Словакии и развитии там политических движений «автономистов» и «чехословакистов». Значительное место отведено вопросу о немецком меньшинстве. «Немцы в Чехословакии, – пишет автор, – были не вполне обычным национальным меньшинством. Особенность его была не только в его количественной силе (треть населения Чехии и четверть населения всей республики), но и в истории: речь идет по сути об автохтонном населении Чешских земель», где немцы появились уже в XII–XIII ст. и в XX в. представляли собой фактически столь же «коренное население», что и чехи (с. 162–163). Раздел Австро-Венгрии и создание Чехословакии не были поддержаны ни одной политической силой чешских немцев, которые не только идеологически, но и психологически не могли стать частью «чехословацкого проекта». «Многие в чешском лагере, если не большинство общества, – пишет автор, – видели в чешских немцах прежде всего врагов, единоплеменников Габсбургов и потомков угнетателей, но не сограждан» (с. 169). Немецкому населению Чехословакии была отведена роль национального меньшинства, наделенного всеми демократическими правами, но отказано в принадлежности к «государствообразующей» нации. Формально немцам ничего не оставалось, как это государство признать. Однако вожди националистов недвусмысленно давали понять, что остаются к нему в оппозиции и будут делать все, чтобы оно в кратчайшее время рухнуло. Но, как пишет автор, антигосударственное «единство» чешских немцев «было не более чем мифом последующей нацистской пропаганды», что убедительно доказывает Й.В. Брюггель. Отторжение Судетонемецкой области от ЧСР и ее присоединение к Германии не были ни многолетней программой политической репрезентации чехословацких немцев в Первой республике, ни единственной альтернативой их развития. Чешские земли являлись естественной средой их расселения и их родиной, поэтому, несмотря на все противоречия и конфликты, нахождение

решения в рамках Чехословакии «было как минимум такой же исторической альтернативой, что и реализация права на самоопределение на чисто этнической основе» (с. 170). Однако четкого плана решения немецкой проблемы в Граде не было. «Чехословацкий проект» не предполагал создания политической нации на основании всех граждан республики. В немецком политическом лагере сложились две группировки («активисты» и «негативисты»), конфигурация которых на протяжении двух десятилетий неоднократно менялась. Первые предпочитали сотрудничество с правительством (и в правительстве) и имели некоторое время большее влияние на немецкого избирателя. Автор уделяет внимание истории создания и характеристике Судетонемецкой партии, указывает на первоначальную ее лояльность ЧСР и на изменения в идеологии. В частности, говорится, что еще осенью 1934 г. Генлейн торжественно заявил о верности Чехословакии и, отвергнув нацизм, подчеркнул незаинтересованность чехословацких немцев, демократов по натуре, в ревизии границ государства (с. 182). Вместе с тем указывается, что уже в 1933–1934 гг. Генлейн имел личные контакты с официальными лицами Германии. Сила этой партии, усиление ее влияния на немецкое население и рост авторитета в руководящих кругах западных держав, считает автор, крылись именно в том, что она вплоть до последних месяцев Первой ЧСР призывала к решению проблем немцев *в рамках Чехословацкой республики*. В действительности же партия Генлейна превратилась в «пятую колонну» нацистов в этой стране.

В заключении автор пытается обобщить основные критические замечания в адрес «чехословацкого проекта», выдвигаемые в настоящее время чешскими историками, философами и политиками. Главная претензия к «проекту» у его критиков, считает автор, «с одной стороны, идеалистичность, основанность на ложных предположениях, с другой – содержащиеся в нем внутренние противоречия» (с. 187). Ссылаясь на чешского историка А. Климека, автор пишет: «Масарик пытался строить государство на нескольких

обманнных краеугольных камнях: не существовало единой чехословацкой нации, по большей части католический чешский и тем более словацкий народ не имели своих исторических корней и идеалов в учении чешских братьев, и Табор не был их программой, а чехословацкое государство (с четвертью немецкого населения) не представляло собой вековечный и постоянный заслон на пути германства» [3. S. 23]. Помимо «объективных» ошибок, связанных с «подгонкой» реальности под идеологический проект, в нем существовали и внутренние противоречия, которые многие объясняют «непониманием» народом и обществом Масарика, наиболее же бескомпромиссные критики – двойственностью в позициях самого Масарика, бывшего, по их оценкам, одновременно чешским националистом и космополитическим гуманистом. Традиционным объектом не только словацкой, но и чешской критики является доктрина «чехословакизма». Одно из серьезных «обвинений» в адрес «проекта» состоит в том, что «в силу своего дуализма (построение национального государства – и в то же время реализация неких общечеловеческих идеалов) и соотносительности только с частью населения страны (“чехословацкой нацией”) он не смог дать Чехословакии единого идейного стержня». Наиболее радикальные оппоненты, пишет автор, отвергают саму идею создания Чехословакии как акт насилия, нарушивший естественное устройство Центральной Европы: «На рубеже веков австрийское государство представляло чешскому народу столько демократических свобод, что идея независимости практически не могла к ним ничего добавить», так что создание ЧСР вело «наконец к потере всякого государственного суверенитета вообще» (с. 192–193).

Объясняя свое намеренное предоставление слова скептикам «чехословацкого проекта» и отказывая в контраргументах его «сторонникам», по-прежнему более многочисленным, по крайней мере, в чешском историческом и общественном дискурсе, автор пишет: «Во-первых, их аргументы довольно очевидны (“остров, окруженный тоталитарными государс-

твами”, “попытка построения западной демократии”, “философ на троне”, “гражданское общество” – их очевидность *не означает, что они слабы*), во-вторых, цель нашей работы – *проблематизировать* некоторые аспекты “чехословацкого проекта”, а не списать все на злую волю Гитлера, судетских немцев и антидемократической оппозиции.

“Чехословацкий проект” был *чешским* проектом организации центральноевропейского государства на основе идеалов чешского политического мышления. Сила этнонационализма в Центральной Европе была такова, что после распада Австро-Венгрии какой-либо государственный проект, основанный на идее “политической нации”, состоящей из различных этнических групп, реализовать не было возможным. Двойственность “проекта” однако вела к тому, что чехословацкое государство стало не только орудием осуществления гегемонии чешской нации (как его хотели бы видеть чешские националисты), но и попыткой построения политической демократии поверх этнических барьеров» (с. 193–194).

Книга носит полемический характер: предоставляя слово оппонентам и явным противникам «чехословацкого проекта», автор в то же время нередко вступает с ними в спор и утверждает: «Вся история Первой республики, в конце концов, вписывается в широкий контекст чешской истории [...] Если рассматривать чешскую историю как цикличную [...] то “большая идея”, давшая жизнь Первой республике (и Чехословакии), которую мы обозначили как “чехословацкий проект”, была лучше многих идей, которые пытались реализовать не только в Чехословакии, но и в Центральной Европе в XX веке» (с. 195). Рецензируемая книга, безусловно, привлечет внимание российского читателя и, прежде всего специалистов, которые, очевидно, в чем-то согласятся с автором, а в чем-то возразят ему и критикам «чехословацкого проекта». Главное – она наталкивает на размышления.

Выступая на «Пражском Радио» 28 октября 2008 г. в передаче по случаю 90-летия образования Чехословакии (этот праздник остался в качестве государственного

и в Чешской республике) А. Бобраков-Тимошкин развил мысли, изложенные в рецензируемой книге. На вопрос интервьюера Я. Шимова, почему, несмотря на все позитивные черты чехословацкого «проекта», этот проект потерпел крушение дважды – в 30-е и в начале 90-х годов XX в., автор книги ответил так: «В 30-е годы важную роль сыграли внешнеполитические обстоятельства. Когда Версальская система дала трещину, выяснилось, что “проект” был выстроен на песке, Чехословакия оказалась в плохих отношениях не только с Германией, но и с другими своими соседями. Существовало множество проблем в межнациональных отношениях и в самой стране – между чехами и немцами, и не всегда власти Чехословакии достаточно деликатно подходили к их решению. Кроме того, стратегической ошибкой, заложенной прямо в основании государства, я считаю идею так называемого “чехословакизма”, единой чехословацкой нации. Она была хороша в 1918 г. для создания единого государства – чехов и словаков – но правящие круги упрямо цеплялись за нее и дальше, когда национальное самосознание словаков возросло и большая их часть стала отказываться

считать себя “младшими братьями чехов”». Рассуждая о том, можно ли было избежать повторного распада Чехословакии, А. Бобраков-Тимошкин, сказал: «Вопрос сложный, большинство как чехов, так и словаков высказались тогда за сохранение единого государства, но ряд факторов оказался сильнее: накопившиеся проблемы в отношениях между народами, центробежные силы, характерные тогда для всей Восточной Европы, наконец, амбиции политиков, принимавших решения». Но самое главное, по мнению автора рецензируемой книги, состояло в том, что «проект» имел «смысл в том виде, в каком его задумал Масарик, а после всех перипетий XX в. не мог не быть пересмотрен» [4]. Возможно, так действительно и было: «проект Чехословакия» изжил себя.

© 2010 г. В.В. Марьина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56); <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/ti25.html>
2. *Brügel J.W.* Češi a Němci. 1918–1938. Praha, 2006.
3. *Klímek A.* Voj o Hrad I. Praha, 1996.
4. <http://www.radio.cz/ru/statja/109762>

Славяноведение, № 3

Т.В. ВОЛОКИТИНА, Г.П. МУРАШКО, А.Ф. НОСКОВА. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. 807 с.

Новая книга является продолжением серии документальных публикаций и монографических исследований Научного центра истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН. Рецензируемая монография посвящена проблемам государственно-церковных отношений в странах Восточной Европы в 1944–1953 гг., на протяжении которых непродолжительный период существования коалиционной власти (этап народной демократии) сменился переходом к политическим режимам советского типа. Ав-

торы монографии поставили своей целью провести сравнительный анализ религиозной политики восточноевропейских государств в отношении наиболее влиятельных и многочисленных конфессий – православных, римо- и греко-католиков. Одной из основных задач исследования является определение степени влияния Советского Союза на государственную политику в отношении церкви в странах региона (с. 7).

Осуществление поставленных задач стало возможным благодаря привлечению

многочисленных и разноплановых документов из архивов Российской Федерации (Архив Президента РФ, Государственный архив РФ, Российский государственный архив социально-политической истории, Архив внешней политики РФ, Центральный архив Министерства обороны РФ), Болгарии (Централен държавен архив на Република България), Польши (Archiwum Akt Nowych) и Чехии (Národní archiv České Republiky). Авторы выявили значительный массив до сих пор не изученных документов правивших коммунистических и рабочих партий, государственных и правительственных органов стран Восточной Европы, на основе которого стал возможен глубокий анализ государственно-церковных отношений в регионе, вошедшем после Второй мировой войны в сферу влияния СССР.

Первый раздел монографии (автор – Т.В. Волокитина) посвящен исследованию отношений между государством и православной церковью в СССР и странах Восточной Европы. Поскольку в Восточной Европе на рубеже 1940–1950-х годов во взаимоотношениях государства и церкви утвердилась (с некоторыми особенностями) советская модель, то Т.В. Волокитина в первую очередь постаралась проследить эволюцию государственно-церковных отношений в СССР и выявить ее характерные черты. Автор считает, что «в процессе формирования советской модели государственной церковной политики в 20–30-е годы имело место сочетание и параллельное существование двух компонентов – либерально-буржуазного (прокламирование буржуазной свободы) и собственно “социалистического” в понимании идеологов партии (преимущественная ориентация на обеспечение прав атеизма как идеологии и сужение сферы действия и влияния религии и религиозных организаций в обществе)» (с. 41). Однако на практике, как справедливо подчеркивает Т.В. Волокитина, преобладало «в целом последовательное наступление на церковь и ее институты» (с. 41). Исследователь рассматривает разнообразные средства, которые использовала советская власть в борьбе с православной церковью, начиная от «деморализации попов» путем

создания разветвленной сети агентуры в церковной среде и поддержки обновленческого раскола, до прямого давления и репрессивных и карательных мер. Т.В. Волокитина отмечает, что «особенностью процесса формирования и проведения в жизнь церковной политики государства явилось активное участие в нем силовых ведомств» (с. 24). В результате действий властей в конце 1930-х годов возникла реальная угроза ликвидации Русской православной церкви на территории СССР (с. 59).

Первые признаки перемен в церковной политике ВКП(б) и советского государства отмечаются после присоединения к СССР осенью 1939 г. и летом 1940 г. Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины – территорий с высоким уровнем религиозности населения. В таких условиях была исключена открытая антицерковная кампания и, кроме того, возникла необходимость «привязки» православных приходов на присоединенных землях к РПЦ (с. 64). Перелом в отношении православной церкви в высших кругах советского руководства произошел с началом Великой Отечественной войны. «Рост с началом войны религиозных настроений в народе, высокопатриотическая деятельность РПЦ, – отмечает Т.В. Волокитина, – расценивались Сталиным как очевидные факты, которые нельзя было умалять и недальновидно было игнорировать» (с. 67). Автор указывает, что поворот в политике советского государства в отношении церкви определялся как внутривнутриполитическими факторами – осознанием, что РПЦ «становилась важным консолидирующим фактором общества» (с. 67), – так и рядом внешнеполитических факторов: стремлением Сталина «исправить» представление о себе в глазах мирового общественного мнения как о гонителе церкви и душителе православия, в частности» (с. 75); усилением дипломатической активности Ватикана (с. 76); расчетами использовать РПЦ «как инструмент для осуществления масштабных геополитических планов» (с. 78). В этой связи представляется неслучайным появление идеи о «московском Ватикане», т.е. о гегемонии

нии РПЦ в православном мире, и поощрение государством активной деятельности Московского патриархата по восстановлению внешних контактов: участие представителей автокефальных церквей в Поместном соборе РПЦ в январе 1945 г.; визиты представителей Московской патриархии в Югославию, Болгарию, Румынию; паломничество патриарха Алексия I в Святую Землю, во время которого он посетил патриархов Иерусалимского, Александрийского и Антиохийского; переговоры митрополита Николая (Ярушевича) с руководством Англиканской церкви и т.д. (с. 83–86).

Т.В. Волокитина выделила три основных направления международной деятельности РПЦ, вытекавших из внешнеполитических интересов Москвы. Во-первых, это была борьба против Ватикана. После неудачных попыток советского руководства наладить контакты с римской курией Ватикан был объявлен «защитником фашизма», Москва стремилась устранить влияние Рима в странах, вошедших в сферу советских интересов, и ограничить в послевоенном мире в целом. Главный удар предполагалось нанести по организационной структуре католической церкви, добившись разделения римско-католической церкви на национальные, независимые от Ватикана, и ликвидации униатской церкви в СССР и в соседних странах (с. 91). Вторым направлением стало для РПЦ экуменическое движение, которое предполагалось использовать в борьбе против Ватикана, а также с целью противостояния американскому влиянию (с. 92). Наконец, третье направление международной деятельности Московской патриархии заключалось в укреплении связей с Восточными патриархатами, что было в первую очередь обусловлено политическими интересами СССР в Средиземноморье и на Ближнем Востоке (с. 92–93).

Большое внимание в рецензируемой книге уделяется практической деятельности государственных органов СССР (в частности Совета по делам РПЦ), направленной на использование традиционных контактов Русской православной церкви с разными конфессиями для осуществления

внешнеполитических акций. В монографии подробно рассматриваются попытки созыва в Москве Всемирной конференции христианских (некатолических) церквей мира, которой отводилась важная роль «в деле изоляции Ватикана и снижения авторитета папы» и укрепления международных позиций РПЦ, «распространения советского влияния на огромную часть христианского мира» (с. 94–95). Создать совещание такого уровня не удалось, но в июле 1948 г. в Москве состоялось совещание глав православных церквей, которое, как подчеркивает Т.В. Волокитина, «решило задачу-минимум: фактически был создан регионально-ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ» (с. 103).

Корректировки в советской религиозной политике в конце 1940 – начале 1950-х годов и «охлаждение» государственно-церковных отношений Т.В. Волокитина объясняет прежде всего тем, что к концу 1948 г. в странах Восточной Европы у власти укрепились коммунистические партии, «реальностью стало наличие в регионе советского блока, для ускоренной консолидации которого Москва успешно использовала конфликт с Югославией». По мнению автора, «в этих условиях значение внешнеполитического потенциала РПЦ в глазах советского руководства неизбежно снижалось» (с. 110), хотя оно и поощряло активное участие РПЦ в движении сторонников мира, расширение контактов с инославными церквями, внимание Московской патриархии к деятельности Всемирного Совета церквей.

В монографии детально исследованы отношения между государственными органами и православными церквями в странах Восточной Европы в первое послевоенное десятилетие, отмечается специфика их развития в Болгарии, Румынии, Югославии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Албании. В тех странах, где православные церкви играли традиционно большую роль в жизни общества, удивившиеся в конце 1940-х годов у власти коммунистические партии, следуя советскому образцу, стремились ограничить их влияние и превратить в полностью под-

контрольный элемент государственного механизма. Причем конституционный статус церкви – была ли она отделена от государства (Болгария, Югославия) или нет (Румыния) – в данном случае не играл существенной роли. По образцу Совета по делам РПЦ в СССР в странах Восточной Европы были созданы соответствующие государственные органы – Дирекция вероисповеданий при МИДе Болгарии, Комиссия по вопросам веры в Югославии, Министерство култов в Румынии. Они контролировали деятельность церкви и разрабатывали соответствующую законодательную базу. Данные органы поддерживали тесные связи с Советом по делам РПЦ, которые, как отмечает Т.В. Волокитина, «оказывали заметное влияние на формирование и проведение конфессиональной политики в регионе» (с. 232). Вместе с тем, в монографии оспаривается мнение некоторых историков восточноевропейских стран, рассматривающих религиозную политику компартий как прямое исполнение директив Москвы. Многие из подобных утверждений либо не находят документального подкрепления, либо опровергаются архивными материалами (с. 237, 363 и др.).

Безусловно, авторы не снимают с советского руководства общей ответственности за последствия церковной политики коммунистических партий Восточной Европы. В монографии приводятся многочисленные свидетельства того, что советская модель государственно-церковных отношений была заимствована компартиями не без влияния Москвы, что советская сторона оказывала коммунистическим режимам разного рода помощь в разработке и осуществлении церковной политики. Т.В. Волокитина подчеркивает заинтересованность Москвы «в «правильном» решении «церковного вопроса» (с. 363) поскольку, во-первых, установление контроля над православной церковью рассматривалось в качестве одного из главных факторов обеспечения стабильности новых режимов; во-вторых, поощрение сотрудничества православных поместных церквей с РПЦ было рассчитано на укрепление советского блока (с. 232).

В монографии содержится ценный материал о православных церквях в государствах Восточной Европы, где сильные позиции традиционно занимал католицизм (Польша, Чехословакия, Венгрия) или ислам (Албания). Интерес коммунистических партий этих стран к православной церкви был обусловлен стремлением ослабить влияние традиционных конфессий, разрешить межнациональные противоречия, укрепить внутривнутриполитическую стабильность. Москва, в свою очередь, пыталась использовать православные церкви в Польше, Чехословакии, Венгрии и Албании для укрепления своего влияния в этих странах, а также с целью борьбы с влиянием Ватикана. Отсюда возникла заинтересованность в их организационном укреплении и развитии сотрудничества с Русской православной церковью.

Разделы II и III (авторы – Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова) посвящены соответственно политике коммунистических властей в отношении греко- и римско-католической церкви. По утверждению авторов, политика советского руководства и национальных правительств стран Восточной Европы в отношении греко-католической церкви определялась конкретно-политической ситуацией, сложившейся в регионе на заключительном этапе Второй мировой войны. Украинская греко-католическая церковь, сотрудничавшая в годы войны с нацистской Германией и национально-сепаратистскими движениями, в первую очередь с украинским, оказалась в сложной ситуации и вынуждена была пойти на переговоры с Москвой. Советское правительство пыталось привлечь руководство украинской греко-католической церкви к борьбе против вооруженного подполья ОУН–УПА. Однако когда эти попытки не увенчались успехом, был взят курс на упразднение униатской церкви (с. 390–394). Как показано в монографии, ликвидация структур греко-католической церкви на Западной Украине и в Польше фактически произошла в ходе подавления украинского националистического движения и урегулирования национально-территориальных проблем в советско-польском пограничье в результате переселения украинцев в СССР и операции

«Висла» – принудительной депортации населения из юго-восточных воеводств на вновь присоединенные западные территории Польши. В СССР упразднение униатской церкви было оформлено решениями Львовского собора 1946 г., отменившего Брестскую унию и заявившего о переходе греко-католиков в православие (с. 402).

Как подчеркивают авторы, «советский и польский опыт оказывали воздействие на правительства других стран региона, решавшие в процессе ликвидации униатской церкви различные национально-политические задачи» (с. 783). В Румынии борьба против греко-католической церкви тесно переплеталась, с одной стороны, с борьбой против оппозиционной национал-царанистской партии, поскольку униаты составляли основную ее базу в Трансильвании, а с другой – с необходимостью консолидации румынской нации в новых государственных границах в связи с возвращением Трансильвании. Перевод румын-униатов в православие, по замыслам Бухареста, должен был способствовать «консолидации государственно-образующей нации вокруг Румынской православной церкви, сотрудничавшей с правительством» (с. 440). Политическими мотивами в отношении греко-католической церкви руководствовались коммунистические власти Чехословакии. Разрыв Ужгородской унии и перевод униатов в православие Прага рассматривала «как возможный способ разрушения единого католического фронта и ослабления сопротивления католической иерархии» (с. 477). В этой связи власть стремилась форсировать данный процесс, используя сотрудничавшую с ней Чешскую православную церковь как инструмент в борьбе за ликвидацию греко-католической церкви (с. 466, 477). В монографии приводятся документальные свидетельства, что Москва, учитывая недостаточно прочные позиции православия в Чехословакии, пыталась убедить правительство страны приостановить административное принуждение униатов к воссоединению с православной церковью и предвидеть разрыв Ужгородской унии укреплением позиций Чехословацкой православной церкви (с. 465). Но вопреки советам из Москвы по инициативе чехос-

ловацкого правительства 28 апреля 1950 г. в Прешове был созван собор греко-католического духовенства, который принял манифест о ликвидации Ужгородской унии (с. 460–461).

Насильственное упразднение греко-католической церкви позволило достичь лишь формальных результатов. Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова подчеркивают: «Внешняя картина успеха возвращения греко-католиков в православие скрывала массовое сохранение униатами преданности своей вере, что делало положительные итоги призрачными и временными в исторической перспективе» (с. 471). Неоднозначный опыт осуществления антиуниатских акций заставил советское правительство осторожнее подойти к решению проблемы греко-католиков в Венгрии. Приходилось учитывать малочисленность православной церкви в Венгрии, насчитывавшей менее 40 тыс. верующих, объединенных в 53 прихода, принадлежавших к четырем разным юрисдикциям – Московской, Константинопольской, Сербской и Румынской, в то время как греко-католическая церковь насчитывала около 250 тыс. верующих. Планы усиления позиций православной церкви путем объединения всех православных приходов на территории Венгрии в одну епархию и подчинение ее Русской православной церкви оказались недостижимыми (с. 332–346, 473). «В таких условиях, – приходят к выводу авторы монографии, – применение силового метода ликвидации униатства было чревато обратным эффектом – укреплением католицизма и консолидацией верующих вокруг римско-католической церкви» (с. 475).

В первые послевоенные годы, когда в странах Восточной Европы развернулась активная межпартийная борьба за власть и выбор пути развития, рабочие и коммунистические партии стремились избегать острых конфликтов с римско-католической церковью и удерживать ее от превращения в открытую оппозицию, от прямого участия в политической борьбе на стороне своих противников. В то же время новая власть стремилась не допустить возрождения или возникновения политических партий и организаций,

связанных с католической церковью. Ослаблению позиций церкви в обществе способствовали введение института гражданского брака, ограничительные меры в преподавании религии в школе, изъятие церковной земельной собственности.

Напряженность в отношениях власти и католической церкви в Восточной Европе, как отмечается в монографии, стала нарастать на рубеже 40–50-х годов XX в. Причины этого Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова видят в расколе мира на два лагеря, в результате чего утвердившаяся в странах Восточной Европы коммунистическая власть, с одной стороны, и Ватикан, определявший политику католической церкви, – с другой, «теперь разделял не только идеолого-мировоззренческий барьер, но и принадлежность к двум противостоящим военно-политическим блокам» (с. 583). В условиях подавления оппозиции и обретения компартиями монопольной власти католическая церковь рассматривалась как единственная организованная сила, противостоявшая социалистическим преобразованиям. Эти опасения не были лишены оснований, поскольку, как отмечают авторы монографии, в условиях формирования нового строя «церкви, в том числе и католическая, не могли рассчитывать удержать свои прежние позиции крупных частных земельных собственников» (с. 584). Помимо этого, насаждение атеистической идеологии сопровождалось утратой «монопольных позиций католической церкви в сфере образования и воспитания молодого поколения» (с. 584).

В конце 1940-х годов в Чехословакии, Польше и Венгрии началось наступление на католическую церковь. Главная ставка делалась на создание национальных, не зависящих от Ватикана, католических церквей, которые признали бы новый общественный строй и пошли на сотрудничество с властью. С этой целью были предприняты попытки раскола католического духовенства и изоляции епископата. Правительство Чехословакии достигло таких успехов в изоляции епископата, что было вынуждено обратиться в Москву с

просьбой прислать «римско-католического епископа из Прибалтики, чтобы рукоположить в епископы двух-трех священников» (с. 684). Не добившись создания национальной католической церкви, чехословацкие власти перешли к использованию административных и силовых методов давления на епископат, вследствие которых, как отмечается в монографии, «в Чешских землях к началу 1953 г. епископат оказался отстраненным от руководства католической церковью» (с. 698).

В Венгрии и Польше, где «религиозность и приверженность населения римско-католическому вероисповеданию являлись важнейшим компонентом национального самосознания, а епископат пользовался непрерываемым авторитетом, олицетворяя саму церковь» (с. 650), власти не могли рассчитывать на поддержку значительной части населения, не урегулировав отношений с высшим духовенством. Поэтому правящие круги Польши и Венгрии вынуждены были пойти с ним на переговоры. 14 апреля 1950 г. в Польше и 30 августа 1950 г. в Венгрии были заключены соглашения между коммунистическими правительствами и римско-католическими епископатами без предварительного согласия Ватикана, что власти в Варшаве и Будапеште само по себе могли рассматривать как успех в своей политике. Правительствам удалось добиться признания епископатами существующего государственного строя и обязать их не допускать использования религиозных чувств верующих в антигосударственных целях. Со своей стороны коммунистические правительства Польши и Венгрии гарантировали свободу вероисповеданий и свободу деятельности католической церкви (с. 637–638, 658–660). Уступая властям в принципиальных для них вопросах, католические иерархи преследовали цель остановить наступление государства на общественные позиции церкви. Но оказалось, что достигнутые договоренности имели лишь временный характер. В начале 1950-х годов возобновилось давление на католическую церковь. Были созданы специальные государственные органы, контролировавшие повседневную деятельность церкви, проникавшие во все

церковные структуры. Данные органы ограничивали компетенцию епископата или даже подменяли его в решении важнейших внутрицерковных вопросов. Во главе католической церкви в Венгрии, Польше, Чехословакии и Югославии государству удалось поставить лиц, склонных к взаимодействию с коммунистическими властями. В Чехословакии, Югославии и Венгрии священнослужители были поставлены в прямую материальную зависимость от государства, получая от него денежное содержание. В результате католическая церковь в Восточной Европе оказалась принудительно включенной в систему государственных структур.

Подводя итоги исследования, авторы пришли к заключению, что «на рубеже 40–50-х годов XX в. в условиях общественных трансформаций в Восточной Европе сложилась модель государственно-церковных отношений, характерная для тоталитарных режимов. Она вобрала в себя прежде всего советский опыт, модифицированный применительно не только к политическим условиям той или иной страны, но и к конкретным конфессиям» (с. 785). Заслуживает внимания вывод авторов монографии о степени влияния Советского Союза на религиозную политику правительств восточноевропейских государств. Они утверждают, что «советская сторона руководствовалась политическим прагматизмом», и «решение внутрицерковных вопросов она, как правило, оставляла на усмотрение национального руководства, сохраняя за собой кураторство прежде всего во внешней сфере» (с. 785).

Рецензируемая монография – удачный пример сочетания глубокой научности с увлекательностью изложения. Церковная

политика государств Восточной Европы анализируется во взаимосвязи с происшедшими в них общественно-политическими переменами, и в то же время большое значение придается субъективному фактору – характеристике государственных деятелей, причастных к разработке и осуществлению этой политики. Широкое использование архивных материалов позволило авторам персонифицировать процесс принятия политических решений. Читателю предоставляется возможность как дополнить свое представление об известных политических деятелях, так и открыть новые имена. В книге содержатся выразительные характеристики церковных деятелей: предстоятелей поместных православных церквей – болгарского экзарха митрополита Стефана, румынских патриархов Никодима и Юстиниана, сербских патриархов Гавриила и Викентия, митрополитов Елевферия (ЧПЦ) и Дионисия (ППЦ), греко-католических митрополитов А. Шептицкого и Й. Слипого, епископов П. Гойдича, И. Сучу и М. Дудаша, римско-католических кардиналов Й. Миндсенти, А. Хлонда, С. Вышинского, архиепископов Й. Берана и А. Степинаца. Авторами удачно подобрана серия фотографий.

Монография Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой является первым фундаментальным исследованием государственно-церковных отношений в Восточной Европе после Второй мировой войны. Она послужит стимулом для дальнейшего изучения истории поместных церквей и религиозной политики государств Восточной Европы в новейшее время.

© 2010 г. *Н.Н. Станков*

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – ноябрь 1989 г. М., 2008. 440 с.

История Пражской весны 1968 г. и августовской военной акции, положившей конец одному из наиболее интригующих социальных экспериментов XX в., неоднократно становилась предметом детального изучения в отечественной историографии. В меньшей мере это можно сказать про период «нормализации», связанный с именем Г. Гусака, около двух десятилетий стоявшего во главе двуединого государства. Отношение чехословацкого общества 1970–1980-х годов к проводимой контрреформаторской политике, его реакция на жесткое выкорчевывание властью любых попыток приблизить к реальности идеалы «социализма с человеческим лицом» рассматривались прежде всего в обобщающих трудах по истории Чехии и Словакии, в первую очередь в работах Э.Г. Задоржнюк. Опубликованная ею же фундаментальная монография об истории оппозиционного движения в Чехословакии не только восполняет имеющуюся в нашей исторической науке лакуну, но является важным вкладом в осмысление опыта восточноевропейского реального социализма, ставшего достоянием истории на рубеже 1980–1990-х годов (с крахом СССР и биполярной системы мира), но связанного многими нитями с современностью.

Как показывает Э.Г. Задоржнюк, движение за обновление социализма, начавшись в недрах Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и охватив большую часть ее верхушки, в один день, 21 августа, превратилось по сути в оппозиционное. «Социализм с человеческим лицом» пришлось защищать от иного социализма, навязываемого извне. Логика военного вторжения в принципе была несовместима с логикой продолжения реформ, и осенью 1968 г. прежде реформаторски настроенные силы в руководстве КПЧ, бу-

дучи связанными положениями протокола, подписанного в конце августа в Москве, не только не могли возглавить борьбу за сохранение доавгустовского курса, но в ряде случаев объективно были вынуждены действовать заодно с консерваторами и со временем по сути дела превращались в проводников советской линии, хотя и совсем не готовых к этой роли в силу субъективных причин.

Первые проявления открытого выражения формировавшейся оппозиции автор связывает со студенческими выступлениями конца октября 1968 г., приуроченными к празднованию 50-летнего юбилея Первой Чехословацкой республики. В декабре того же года имели место солидарные действия студентов, рабочих и интеллигенции, что ярко продемонстрировало вектор дальнейшего развития протестного движения. Решительная позиция молодежи, выступавшей против начавшейся «нормализации», расходилась с установками не только консервативной части партийно-государственного аппарата, но в целом и с позицией недавних реформаторов, послушно выполнявших под жестким прессингом Москвы взятые на себя обязательства и по сути дела смирившихся с присутствием иностранных войск на территории Чехословакии. Дороги студентов и реформ-коммунистов начали уже в это время расходиться. Если общественность, не парализованная Московским протоколом, выражала солидарность с манифестантами, то реформаторские власти во главе с Дубчеком не только призывали их к спокойствию и порядку (может быть резонно полагая, что излишний радикализм помешает спасти хотя бы некоторые из завоеваний Пражской весны), но применили 28 октября дубинки против демонстрантов. После этого им уже было трудно убедить общество в

своей приверженности январскому курсу. Не только студенты, но и профсоюзные активисты обвиняли Дубчека и реформаторское течение в партии в предательстве провозглашенных ими же идеалов. Таким образом, руководство КПЧ постепенно теряло авторитет, который оно приобрело в месяцы Пражской весны. В каких бы сложных объективных условиях ни находились после августа чешские коммунисты-реформаторы, вероятно можно согласиться с приведенной в книге жесткой оценкой известного историка В. Пречана о том, что исходной точкой «нормализации», процесса «восстановления порядка» явилась «малодушная и капитулянтская политика, растранившая успех августовского общенародного движения сопротивления против советского решения чехословацкого вопроса». Политика, по сути дела работавшая на самоуничтожение чехословацкой реформ-коммунистической элиты, взявшей на себя непосильную задачу – убедить Кремль в способности контролировать ситуацию в соответствии с его ожиданиями, а чехословацкое общество в якобы сохранявшейся возможности спасения реформ.

Тем не менее, как показывает Э.Г. Задорожнюк, период вплоть до смещения А. Дубчека с поста лидера партии (апрель 1969 г.) характеризовался не только легальными формами сопротивления, но и готовностью властей к диалогу с оппозиционно настроенной частью общества, в первую очередь со студентами. Только с конца весны 1969 г., после острого проявления массовых антисоветских настроений во время матчей советских и чехословацких хоккеистов, режим «нормализации» окончательно отказался от попыток диалога с оппозицией, предпочтя действовать лишь силовыми методами. Легальная оппозиционная деятельность в новых условиях становилась невозможной. После весеннего наступления консервативных сил на завоевания Пражской весны чешское общество погружалось в глубины деморализации, в нем доминировали настроения беспомощности, безысходности, депрессии и смирения, решимость оппозиционных кругов публично выражать свою волю была ослаблена. Как

вспоминает В. Гавел в интервью, опубликованном летом 2008 г. в «Новой газете» (№ 43, с. 14), «с драматической, психологической точки зрения было интересно наблюдать, как люди менялись, изменяли себе. В 69-м году появились первые политзаключенные, и мы составили петицию с требованием их освобождения. Я собирал под этим обращением подписи, многие отказывались подписываться и объясняли свой отказ незамысловато: мол, достаточно пострадали и хотят жить спокойно. А некоторые вообще называли петицию провокацией».

Не всегда плодотворным был поиск новых форм протестной активности, сводившийся иной раз к жестам отчаяния (акт самосожжения в начале 1969 г. студента Я. Палаха, призванный разбудить чешскую общественность, не только проникшуюся конформизмом, но начавшую привыкать к утрате свободы). Оппозиция не могла заручиться активной общественной поддержкой, обрекаясь тем самым на крайнюю узость и уже в силу этого на нелегальное положение. Только в годовщину интервенции, 21 августа 1969 г., удалось на несколько часов восстановить атмосферу единства, солидарности и решимости, характерные для августа 1968 г.

Размышляя над причинами слабой общественной поддержки оппозиционных движений 1970-х годов, автор справедливо отмечает временный, хотя и совсем недолгий успех политики экономического патернализма в Чехословакии. Правительству уже в начале 1970-х годов удалось стабилизировать экономическое положение, в дальнейшем динамика развития экономики пока еще позволяла наряду с использованием резервов и ограничением инвестиций в модернизацию производства поддерживать относительно высокий по меркам СЭВ жизненный уровень. Существовали определенные социальные гарантии. Режим «нормализации» заключил с большинством населения негласный «общественный договор»: некоторые его слои использовали растущее число материальных благ в обмен на аполитичность и своеобразный прагматизм. Таким образом, в Чехословакии имели место, хотя в целом и малоудачные, попытки создать

потребительский социализм, витрину социализма в плане потребления. (Здесь интересно было бы более развернуто провести параллели с соседней Венгрией, в которой власти с еще большей последовательностью ставили аналогичные задачи, хотя методы обращения с оппозицией были мягче чехословацких: Кадар и его окружение считали зазорным и нецелесообразным использовать лиц интеллектуального труда в качестве дворников и истопников, видя в этом признак слабости режима. Этим людям, как правило, находилось место на обочине официальной культурной жизни – так, европейски известный политический мыслитель леволиберального толка И. Бибо после освобождения в 1963 г. работал до выхода на пенсию научным сотрудником библиотеки венгерского ЦСУ; решение об этом было принято на уровне Политбюро.) Вообще же, говоря о социальной базе режима нормализации, надо иметь в виду, конечно же, не только элиту гусаковского режима, состоявшую из людей, сделавших в своей карьере ставку на Москву. Формируется мощный слой чиновничества и служилой интеллигенции, пришедший на освободившиеся в 1969–1970 гг. вследствие чисток многочисленные места и заинтересованный в сохранении нормализационного режима, именно этот слой составлял едва ли не главный гарант его внутренней стабильности. Проблема смены поколений, приобретая в Чехословакии крайне своеобразный и уродливый характер, сохранялась и после падения в 1989 г. режима нормализации – более молодые, выдвинувшиеся в 1970-е годы в различных областях, не были заинтересованы в возвращении «шестидесятников», и это накладывало отпечаток на всю общественную жизнь в Чехии (в меньшей степени в Словакии).

Как бы там ни было, реальных сдвигов в повышении эффективности экономики в Чехословакии, как и в других странах блока, не было. Продолжалась стагнация. Режим «нормализации» добился от общества необходимого власти имущей состояния политической анемии, но оказался неспособен на динамичное экономическое развитие, что в исторической перс-

пективе означало все большее отставание от Западной Европы, в том числе в плане жизненного уровня. С трудом заключенный негласный «общественный договор» должен был неминуемо потерпеть крах. С другой стороны, как убедительно доказывает автор, уровень жизни не был настолько невыносим, чтобы давать повод людям (и в том числе рабочим) для каких-то радикальных выступлений, подобных тем, что периодически происходили в соседней Польше. Более или менее сытые граждане не проявляли склонности к авантюрам и социальным потрясениям, как бы подтверждая слова, сказанные еще Н.С. Хрущевым в основном применительно к Чехословакии на заседании Президиума ЦК КПСС 24 октября 1956 г., т.е. в дни венгерских событий: «Если у рабочего желудок набит, он не будет слушать злобные нашептывания». Автор хорошо показывает, что в сравнении с Польшей в Чехословакии оппозиция формировалась и действовала в значительно более сложных и тяжелых условиях. Ни одна социальная группа или класс не стал ее массовой опорой, даже будучи естественным союзником. В середине 1970-х годов оппозиционное движение было ограничено отдельными группами граждан, активных еще в период Пражской весны. Ядро и главную силу составляли интеллектуалы, о массовом оппозиционном рабочем движении не могло быть и речи.

Э.Г. Задорожник затрагивает и вопрос о специфике оппозиционного движения в Словакии. Закон о федеративном устройстве государства, вступивший в силу 1 января 1969 г., удовлетворил основное требование словаков и пригасил их оппозиционные настроения. Специфика процесса нормализации в Словакии заключалась в том, что репрессии и гонения носили более адресный, не столь всеохватывающий характер. С другой стороны, в Словакии несравнимо большую роль в сопротивлении режиму играла церковь, особенно католическая (интересно было бы здесь дать какой-то материал о непосредственном польском влиянии, всегда более сильном в Словакии, нежели в Чехии).

Обращаясь к материалу начала 1970-х годов, автор уже в это время выявля-

ет истоки последующих глубоких расхождений между разными течениями внутри оппозиционного движения. Программные документы, подготовленные активистами реформ-коммунистического движения 1968 г. из числа интеллигентов (и даже такой, как манифест «10 пунктов», который среди прочих подписал всегда дистанцировавшийся от КПЧ В. Гавел) уже не могли удовлетворить радикально настроенных представителей студенческого движения. По мнению студентов, с режимом нельзя было идти на диалог, его надо было радикально отвергнуть, вести против него борьбу. Однако в целом, как отмечалось, самоотверженность и активность не находили отклика в обществе. Ни один политический манифест, даже самый продуманный и касавшийся болевых струн, не мог расшевелить граждан на значимые поступки.

В своей работе Э.Г. Задорожнюк прослеживает идейно-политическую эволюцию чешского оппозиционного движения на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х годов, показывает, как постепенно происходило его смещение не только от легальных форм к нелегальным, но и от идеологии и практики «социализма с человеческим лицом» к идеологии прав человека и политике малых дел. Автор обращает внимание на социальную и идейную неоднородность, раздробленность оппозиционного движения при всей его узости. Сутью режима Гусака был возврат к советской модели социализма, и руководство КПЧ времен «нормализации» вполне в духе большевистской традиции, особенно непримиримой к идейно близким врагам (меньшевикам, а позже троцкистам), считало самым опасным противником в рядах оппозиции именно сторонников реформ-коммунистических идей, декларировавших в рамках социалистической парадигмы альтернативные «нормализаторскому» социализму модели развития общества. Чистки, справедливо отмечает автор, выхолостили руководство КПЧ от внутрипартийной оппозиции. В отличие от Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), где свои реформаторы 1968 г. типа Р. Ньерша и Л. Фехера были изгнаны разве что только из Политбюро

(и то не все), и даже в отличие от Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), в КПЧ вплоть до осени 1989 г. не было условий для формирования серьезного реформаторского течения. Даже в 1988–1989 гг. прогорбачевски настроенный Л. Адамец со своими помощниками не мог поколебать монополии консерваторов в партийном руководстве. Оппозиция с начала 1970-х годов могла формироваться в Чехословакии только на внепартийной и, как правило, антипартийной основе. Импульсы радикальных преобразований уже не могли идти сверху, только снизу. Соответственно и идеи «социализма с человеческим лицом» все более оттеснялись на периферию протестного движения. С разгромом реформ-коммунистической оппозиции возник вакуум, который начали заполнять интеллектуалы, не являвшиеся ранее членами КПЧ.

Анализируя программы таких неформальных политических инициатив как Социалистическое движение чехословацких граждан или Чехословацкое движение за демократический социализм, Э.Г. Задорожнюк показывает, что определенное идейное влияние экс-коммунистов сохранялось. (Это особенно понятно, учитывая международное значение Пражской весны. Ведь чехословацкий вопрос не только был поводом для разногласий в международном коммунистическом движении – принципы Пражской весны стали неотъемлемой составной частью идеологии еврокоммунизма). Вместе с тем это влияние сосуществовало с другими (например, идеологией «новых левых» применительно к Движению революционной молодежи). После Хельсинкской конференции стала явно доминировать идея прав человека и любые акции протеста востояния режиму «нормализации» жестко увязывались с вопросами соблюдения принципов Заключительного акта Хельсинкского совещания (здесь возможны параллели с диссидентами в СССР).

Попытки объединить разрозненные инициативы оппозиционного движения были связаны с деятельностью Хартии 77, движения, которое объединяло главным образом интеллектуалов и ставило во главу угла не политический, а эти-

ческий протест (в том числе отказ граждан подчиняться ритуалам официальной политики), призывало не к массовому неповиновению, а скорее к своего рода личному самосовершенствованию. К этому времени, замечает Гавел в книге «Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой» (М., 1991), в различных интеллигентских кругах люди начали уже «уставать от своей усталости», тяготиться изоляцией, «чувствовали, что для того чтобы что-нибудь изменить, нужно заглянуть за свой нынешний горизонт». Попытки растормозить деморализованное общество, как показывает автор, были не совсем удачными и дело не только в идейных разногласиях между сторонниками более умеренных и более радикальных политических проектов. Чешское и словацкое общество не всегда было готово «жить по правде», отдавая предпочтение удовлетворению непосредственных, в первую очередь материальных потребностей. Люди не хотели подвергаться риску возможного преследования, предпочитая пользоваться скромными, но гарантированными благами реального социализма. Хартисты и сами осознавали присущий их движению сектантский характер, пусть даже это сектантство было направлено против сектантства власти.

Отдельная глава в монографии посвящена формированию чехословацкой оппозиции в условиях горбачевской перестройки, давшей мощный импульс протестному движению. Призывы к переменам имели в Чехословакии (и повсеместно в Восточной Европе) тем более сильный общественный резонанс, что исходили из самого центра мирового коммунистического движения. По свидетельству помощника А. Черняева, М.С. Горбачев уже в июле 1986 г. говорил на Политбюро о неприемлемости в новых условиях методов, примененных в Чехословакии в августе 1968 г. В Праге об этом не знали, но даже самый беспристрастный наблюдатель не мог не заметить сходства многих идей, шедших в это время из СССР, с идеями раздавленного танками «социализма с человеческим лицом» образца 1968 г. Осознавали это и власти, ставившие любые преграды на пути советского проникнове-

ния и продолжавшие ориентироваться на доперестроечную модель, решительно отвергнутую коммунистическими элитами соседних Венгрии и Польши. Представления руководства КПЧ о путях выхода из приобретающего угрожающий размах внутривластного кризиса сводились в лучшем случае к разного рода рекомендациям по модификации существующей системы. Таким образом, фаза либерализации коммунистического режима так и не была до 1989 г. пройдена, отказ от диалога с оппозицией в Чехословакии резко контрастировал с происходившими в соседних странах радикальными трансформациями – в Польше в 1989 г. правительство уже возглавил представитель «Солидарности», а в Венгрии в ходе проходивших за «круглым столом» дискуссий между властями и оппозицией было достигнуто соглашение о проведении свободных выборов. Даже осенью 1989 г., в условиях глубокого кризиса режима лидеры КПЧ по-прежнему твердо и бескомпромиссно придерживались линии на эскалацию конфронтации и делиться властью явно не хотели. При этом они продолжали видеть главного своего противника не в начавшем реально формироваться праволиберальном блоке, а в левых, продолжающих традиции 1968 г., т.е. своих потенциальных союзниках, склонных к реформе социализма. Только в самый канун «бархатной революции», как показывает Э.Г. Задорожнюк, определенная часть аппарата все же осознала неадекватность реакции консервативно настроенных партократов, неизбежность диалога с обществом, но мало что успела предпринять. Барьеры между властными и безвластными в Чехословакии оказались слишком высокими, режим подвергался все большей изоляции, в том числе от рядовых коммунистов. Это осознавали и в Москве, что видно из некоторых ценных документов, хранящихся в архиве Горбачев-фонда и впервые введенных автором в научный оборот. В Кремле и на Старой площади психологически понимали неготовность чехословацкой коммунистической элиты к любому далекому идущим коррективам прошлого, до некоторой степени сочувствовали ей, и все же ждали именно от нее первого шага в пере-

оценке сути событий 1968 г. (это показал и визит М.С. Горбачева в Чехословакию в апреле 1987 г., разочаровавший чешское общественное мнение, ждавшее от советского лидера более решительных жестов). Но и оказывать чехословацкой элите содействие в сопротивлении новым вызовам в Кремле не собирались – тем более что хватало собственных проблем.

В сложившихся условиях идея «социализма с человеческим лицом» окончательно утратила свою притягательность для подавляющего большинства политически активных граждан Чехословакии. В силу этого отныне любой шаг к отходу от существующей модели был заведомо ориентирован на возвращение к ситуации не до августа 1968 г., а до февраля 1948 г. Даже экс-коммунисты, вдохновляемые памятью о Пражской весне и политически инспируемые перестройкой в СССР, ощущая подвижку в общественных настроениях, шли в своих программных установках гораздо дальше, чем это можно было себе представить 20 лет назад. По-прежнему придерживаясь социалистических взглядов и воспринимая 1968 г. как исходный пункт всех своих построений, они в то же время требовали пересмотра конституции, отделения партии от государства, ликвидации монополии КПЧ на власть.

Как показывает Э.Г. Задорожнюк, предпринятые с осени 1987 г. новые попытки объединения разнородных течений в оппозиционном движении опять-таки не были успешными, процесс консолидации антинормализационного движения продвигался с трудом. Сказывались и недоверие части общества к реформ-коммунистам 1968 г., и узость базы интеллигентского диссидентского движения, и чрезмерный радикализм некоторых студенческих вожаков. Хартия 77 даже в условиях заметной интенсификации оппозиционных движений, политизации их программ, возникновения новых гражданских инициатив долгое время продолжала позиционировать себя как неполитиче-

ское объединение и была уже не лидером, а в роли догоняющего. Предложенная хартистами режиму помощь в организации диалога мало кем была поддержана в обществе: формирующиеся оппозиционные структуры, всецело отрицая легитимность режима нормализации, со своей стороны также не видели во власти партнера для диалога, требовали безоговорочной отставки. На политическую сцену выходила улица, прежде всего студенты и молодые интеллектуалы. Как бы там ни было, оппозиционное движение так и не смогло добиться сплоченности вплоть до «бархатной революции», что сказывалось на политической жизни Чехии и Словакии 1990-х годов.

Подводя итоги, необходимо заметить, что политическая история Чехословакии последних десятилетий непредставима без истории протестного движения. Исследование Э.Г. Задорожнюк позволяет уяснить не только причины и истоки, но во многом и последствия «бархатной революции», выявить преемственность событий осени 1989 г. с Пражской весной, определить те течения в чехословацком антинормализационном движении, которые породили современную чешскую и словацкую политическую элиту. Работа вызовет интерес не только в среде историков, но и среди политологов, политических и международных экспертов, причастных к разработке внешнеполитической концепции России на среднеевропейском направлении. Учитывая, что в условиях режима нормализации именно культура (особенно гуманитарная мысль и художественное творчество) была как бы последней линией обороны в борьбе за сохранение человеческого достоинства, представляется своевременной также подготовка новых исследований об альтернативной чешской и словацкой культуре 1970–1980-х годов, о проявлявшейся в ней формах духовного сопротивления.

© 2010 г. *А.С. Стыкалин*

P. LOZOVIUK. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen. Leipzig, 2008. 424 s.

П. ЛОЗОВЮК. Межэтничность в научном процессе. Немецкоязычная этнография в Чехии и ее влияние на общество.

Одним из ведущих представителей динамично развивающейся в последнее время чешской этнологии является Петр Лозовюк, в сферу научных интересов которого входит изучение проблем межэтнических отношений, межкультурной коммуникации, а также различные аспекты истории этнографической науки.

Новая фундаментальная монография П. Лозовюка, опубликованная на немецком языке издательством Лейпцигского университета и рассчитанная, прежде всего, на немецкую аудиторию, представляет колоссальный научный и практический интерес как для этнографов, так и для историков, занимающихся межвоенной Чехословакией и проблемами чешско-немецких отношений в этот период времени. Труд П. Лозовюка – первое фундаментальное монографическое исследование немецкоязычной этнографии Чехии, охватывающее период со времени зарождения этнографического интереса до угасания немецкоязычной этнографической традиции в Чехии; при этом основное внимание уделено межвоенному периоду.

Становление и последующее развитие чешско-немецкой (*deutschböhmisch*) этнографии автор прослеживает прежде всего на примере Пражского немецкого университета, детально анализируя академическое наследие ведущих представителей данной дисциплины (s. 15). Большим плюсом монографии является то обстоятельство, что наряду с изложением конкретного исторического материала, касающегося развития этнографической науки, П. Лозовюк уделяет большое внимание широкому общесоциальному контексту, в первую очередь тесной взаимосвязи, существовавшей в изучаемую эпоху между

научной этнографической деятельностью и социально-политическими процессами. Как немецкоязычная, так и чешская этнографическая традиция интерпретируются автором как специфический дискурс, являющийся, с одной стороны, продуктом национального метадискурса, но с другой стороны, внесший существенный вклад в его становление, развитие и последующую легитимизацию.

Монография состоит из введения и девяти глав. В первой главе рассматриваются методологические и теоретические вопросы, связанные с началом этнонациональных процессов в Богемии. Автор вводит и обосновывает методологическую целесообразность термина «этническая индифферентность» (s. 16), который позволяет более эффективно описывать и анализировать неопределенные и ситуативно обусловленные проявления идентичности, характерные для рассматриваемого периода времени. Вторая глава посвящена зарождению этнографической науки в Богемии и начальному этапу ее институционального развития. Третья и четвертая главы анализируют становление и последующее развитие этнографической науки в Пражском немецком университете. Особое внимание в этих главах уделяется академическому наследию основателя немецкоязычной этнографии Чехии филолога А. Хауффена, деятельность которого началась еще в 1890-е годы, а также организатору судетонемецкой академической этнографии Г. Юнгбауэру. По мнению П. Лозовюка, закономерным итогом процесса институционализации немецкоязычной этнографической науки стало основание в 1929 г. в Пражском немецком университете «Семинара немец-

кой этнографии», который после смерти Хауффена возглавил Юнгбауэр.

Автор обоснованно полагает, что взаимосвязь этнографии с социальными и политическими процессами в обществе проявилась в том, что ученые-этнографы активно участвовали в процессе формирования коллективной судетонемецкой идентичности в рамках государства «чехословаков»; при этом аналогичную роль этнография сыграла и в становлении идеологии так называемого «чехословакизма» в межвоенной Чехословакии. С данным обстоятельством П. Лозовюк связывает и такие черты судетонемецкой этнографической науки как ее ориентация на изучение этнографической специфики приграничья и «немецкоязычных островов», что объяснялось особенностями расселения судетских немцев в Чехии.

В наибольшей степени поставленная автором проблема «обратной связи» между этнографической наукой и социально-политическими процессами в обществе раскрывается в пятой, шестой и седьмой главах монографии. Иллюстрируя участие немецкоязычной этнографической науки Чехии в формировании судетонемецкой коллективной идентичности и ее столкновение в данном качестве с чешской этнографией, автор приводит любопытный пример ходов – чешской субэтнической группы, проживающей в юго-западной Чехии у г. Домажлице на границе с Баварией. Ходы интерпретировались представителями немецкоязычной этнографии Чехии (прежде всего Й. Хаником) как чехизированное немецкое население, в то время как чешские ученые и общественное сознание придерживались диаметрально противоположной точки зрения, считая ходов эталоном «чешскости» и наиболее ярким примером этнографических особенностей чешского народа (s. 199–200). Характеристика ходов как преимущественно немецкого населения, подвергшегося чехизации, но сохранившего изначальную «расовую субстанцию» и «немецкую кровь», оказалась особенно востребованной во время Второй мировой войны в условиях протектората Богемии и Моравии (s. 201), который стал для немецких нацистов лабораторией различ-

ных технологий германизации местного славянского населения.

Седьмая глава работы П. Лозовюка на богатом фактическом материале подробно анализирует конкретные примеры этнического соперничества чехов и немцев в смешанных в языковом отношении регионах Чехии (село Либинсдорф, область у г. Ческе Будейовице в Южной Чехии и пр.).

Основные выводы изложены автором в последней, девятой главе монографии. Подводя итог развитию немецкоязычной этнографии в Чехии, автор констатирует, что она не представляла собой идейный монолит и может быть разделена на несколько различных направлений. Среди этих направлений П. Лозовюк выделяет этнографию раннего периода, являвшуюся прежде всего «патриотической дисциплиной»; этнографию как полноценную академическую дисциплину, представленную А. Хауффеном и его последователями, а также неакадемическую этнографию, изучавшую судетонемецкую народную культуру. В качестве отдельного направления исследователь выделяет этнографически ориентированную славистику, развивавшуюся в рамках Пражского немецкого университета (s. 341).

Если анализ эволюции немецкоязычной этнографии Чехии представляет важность в первую очередь для этнографов, то для историков безусловно интересна мысль П. Лозовюка о том, что ученые-этнографы выступали в роли конструкторов коллективной идентичности, т.е. в роли кодификаторов того, что было призвано восприниматься населением как «свое» и «чужое». Именно этнографы, по мнению автора, внесли большой вклад в «этнизацию» повседневной жизни как немецкоязычного населения Чехии, так и самих чехов.

Работа П. Лозовюка удачно и органично сочетает в себе как изложение узкоспециального материала, касающегося развития немецкоязычной этнографии Чехии, так и учет широкого социального контекста, прежде всего общественно-политических реалий межвоенной ЧСР, в неразрывной связи с которыми находилось становле-

ние этнографической науки. Монография П. Лозовюка вносит большой вклад не только в развитие этнографической науки, но и предлагает свежий и оригинальный взгляд на чешско-немецкие отношения в рамках межвоенной Чехословакии, обогащая существующую историографию данной проблемы.

Остается пожелать, чтобы данная монография, многие положения которой

представляются актуальными и для стран постсоветского пространства, где в условиях социально-политической нестабильности и потрясений резко активизировались этнокультурные процессы, была переведена на русский язык и стала более доступной для отечественной читательской аудитории.

© 2010 г. *К.В. Шевченко*

РОССИЙСКО-УКРАИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УКРАИНА И РОССИЯ: ИСТОРИЯ И ОБРАЗ ИСТОРИИ»

Конференция, проведенная в апреле 2008 г., была организована Центром украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова и Центром украинских исследований Института Европы РАН при поддержке фонда «Русский Мир» и Экспертного совета по Центральной и Восточной Европе Государственной думы РФ в рамках научной программы «Украина и Россия: история и образ истории», осуществляемой с 2005 г. Центром украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова при участии Центра украинских исследований Института Европы РАН и Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Особое внимание на конференции было уделено обсуждению спорных вопросов. Полностью материалы дискуссии опубликованы на сайте Центра украинистики и белорусистики (<http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel>).

Задачи конференции заключались в том, чтобы взглянуть в *сравнении* на ряд процессов в истории Украины и России; проанализировать, как в современной историографии, исторической публицистике и средствах массовой информации Украины и России трактуются те аспекты истории двух стран и которые вызывают споры

историков и публицистов; обратиться к спорным вопросам истории русско-украинских отношений и способствовать выработке критического взгляда на стереотипы прошлого, формирующие взаимное недоверие и враждебность в общественном мнении двух стран.

Особенностью конференции является то, что в центре внимания была поставлена не только история как таковая, но и современная историческая память украинского и российского обществ, а также факторы, рождающие искаженный или более-менее адекватный образ истории Украины и России в общественном сознании. Иными словами, имиджи, стереотипы, предрассудки, пропагандистские клише, создаваемые сегодня мифы в соотношении с тем, что известно профессиональной исторической науке, находились в центре происходивших дискуссий.

К участию в дискуссиях приглашались не только специалисты-историки, но и преподаватели школ и вузов, журналисты, политики, сотрудники государственных ведомств и частных компаний, представители неправительственных общественных организаций. В этом отношении задачи конференции вышли за пределы соб-

ственно академической исследовательской работы.

Хронологически конференция была разбита на три секции и началась с приветственного слова заместителя председателя Государственной думы РФ *А.М. Байбакова* и директора Института Европы РАН *Н.П. Шмелева*, после чего был заслушан вводный доклад профессора МГУ, директора Центра украинистики и белорусистики МГУ *М.В. Дмитриева*, в котором он охарактеризовал главные цели открываемой конференции – выявить спорные моменты в общей российско-украинской истории и обсудить их в кругу украинских и российских ученых. Он подчеркнул, что особое внимание необходимо уделить связи между христианством и национальными представлениями в истории Украины и России, говорил о важности использования сравнительного подхода к истории Украины и России, о важности соотнесения стереотипов и реальной истории.

«Нет нужды пояснять, что полемические обертон не способствуют адекватному историческому анализу. Однако, учитывая катастрофическое падение уровня взаимопонимания между масс-медиа двух стран, – отчетливое обозначение того, что заведомо ложно, может пойти на пользу и журналистам, и академическому сообществу наших стран. Ясно, что и на украинской, и на русской стороне в разные эпохи было и остается некоторое количество людей, для которых или «русские», или «украинцы» были и остаются врагами. Было и остается немало и таких, для кого они – бесспорно братья. Тот факт, что украинцы и русские – соседи, скучен своей очевидностью, и в нем есть лишь одна интригующая сторона: где проходило и где проходит подлинная географическая, этнографическая, культурная граница между этими соседями? Но

вот вопрос о том, как соотносились и соотносятся, в сравнительном плане, в своей схожести и несхожести, политические институты, социальные отношения, экономический строй и культура Украины и России на разных этапах их истории – и нескучен, и важен. То же самое можно сказать о русско-украинских отношениях» – заключил ученый.

После вводного слова проф. *М.В. Дмитриева* выступила *Е.В. Русина* (Ин-т истории НАНУ), которая в своем докладе «Православное население Великого княжества Литовского между Вильно и Москвой» высказала мнение, что у населения Великого княжества Литовского превалировало осознание своей принадлежности к определенной «малой родине», а не патриотизма в его современном смысле.

На это ей возразил проф. *М.В. Дмитриев* (МГУ) в своем выступлении «О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв.». Он обратился к украинско-белорусским источникам, которые, по его мнению, позволяют увидеть, как в конце XVI–XVII вв. рождалось общерусское самосознание – т.е. представления о Руси, России, русских в таком варианте, который включает в *Русь–Россию* ее три компонента – Великую Русь, Малую Русь и Белоруссию.

С. Савченко (Национальная металлургическая академия Украины, Днепрпетровск) в докладе отметил, что в глазах многих политиков и церковных деятелей православной Украины середины – второй половины XVII ст. конечное будущее или эсхатологическое завершение истории Руси виделось в составе единой православной империи, пребывающей под скипетром российских самодержцев, являющихся наследниками киевских монархов.

По словам ученого, концепция «эволюционирования» священного христианского царства в эсхатологическое Царство Христово является константой православного историзма, вытекающей из византийского понимания царской власти.

О.Б. Неменский (ИСл РАН) в докладе «О самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии» продемонстрировал, что самосознание «русскости» в XVI–XVII вв. носило конфессиональный характер и было характерно как для православных, так и для греко-католических полемистов.

Т.Г. Таурова-Яковлева (СПбГУ) выступила с докладом «Когда русские стали «москалями», а русины – украинцами?».

В.Р. Секачев (Православный Свято-Тихоновский ун-т) доложил о восприятии святителя Дмитрия Ростовского на Украине и России, а *В.А. Артамонов* (ИРИ РАН) выступил с докладом о русских и украинцах в Северной войне.

В ходе дискуссии была обсуждена проблема существования отличий «московского православия» от «украинского православия», затронуты вопросы эвентуального сотрудничества св. Димитрия Ростовского (Туптало) с гетманом Иваном Мазепой.

На следующий день обсуждалась тема «Как поделить Гоголя? Русская, великорусская и украинская культура в XIX–XX вв.».

Первой в этой сессии выступила *И.И. Колесник* (Ин-т истории НАНУ) с докладом «Украинско-российские интеллектуальные сообщества первой половины XIX века: сетевой анализ». Она заметила, что культурный мир украинства эпохи модерна можно представить как гибкую структуру кружков, групп, сетей интеллектуальных связей, пронизанных скрытым или открытым соперничеством современни-

ков-оппонентов, осветила механизмы формирования подобных сообществ, а также их типы.

Далее выступила *О.Ю. Захарова* (Севастопольский филиал Академии труда и социальных отношений; Украинский морской институт) с докладом «Взаимное обогащение русской и украинских культур в XIX веке (на примере усадьбы Качановка)», в котором подробно остановилась на истории усадьбы, а также дворца М.С. Воронцова в Одессе.

Л.А. Зашильняк (Львовский ун-т, Ин-т украиноведения НАНУ) выступил с докладом «Образ России в украинской историографии XIX – начала XX вв.», в котором констатировал, что взгляды украинской историографии XIX – начала XX вв. на Россию формировались в русле общеевропейских тенденций развития исторической мысли под воздействием сильных идеологических, а затем и политических факторов, среди которых на первом месте, безусловно, было стремление легитимизировать украинское национальное движение. Именно поэтому образ России и ее истории возник в трудах украинских историков, как противопоставление европейскому пути развития.

А.Н. Ужанков (Литературный ин-т им. А.М. Горького) в докладе «Язык творчества как национальная самоидентификация писателя (на примере творчества Т.Г. Шевченко)» высказал мнение о том, что Т.Г. Шевченко имел по преимуществу русскую идентификацию, это выразилось в том, что он вел свой дневник и писал прозу по-русски. Доцент МГУ им. М.В. Ломоносова *С.Л. Чернов* рассказал о судьбах русского самодержавия в докладе «Русское самодержавие: определение, генезис, причины и время возникновения».

Доцент РГГУ *А.Ю. Бахтурина* в докладе «Украинский вопрос в Рос-

сийской империи в начале XX века» рассказала о судьбах украинского, русофильского и панславистских движениях в этом регионе и усилиях российского правительства по созданию в Галиции своеобразного барьера для польско-украинской агитации.

Третья сессия «Украина и Россия в 1917–1945 гг.: вместе или порознь?» началась докладами И.В. Михутиной (ИСл РАН) «Украинское национальное движение и проблема формирования гражданского общества, вторая половина XIX – начало XX вв.» и В.Ф. Верстюка (Ин-т истории НАНУ) «Образ Украины конца XIX – начала XX вв. в современной российской историографии».

И.В. Михутина анализировала причины исторического поражения двух украинских государств – УНР и ЗУНР, сделав вывод, что «УНР подкосила внутренняя слабость, проистекавшая из специфики национального движения в Приднепровье», а история ЗУНР показала, что «актуализация стратегических целей приводит к желаемым результатам лишь при опоре на укорененное в народной среде движение». *В.Ф. Верстюк* анализировал состояние современной российской украинистики. Он констатировал, что взгляды российских и украинских историков на одни и те же проблемы разнятся, образы Украины, которые они моделируют, существенно отличаются.

Доцент Национальной металлургической академии Украины *А.М. Михайлюк* в докладе «1917–1918 гг.: украинская революция или русская революция на Украине?» сделал вывод, что революционный процесс на Украине не уместается в рамки собственно украинской революции. Нельзя вырывать революционные события на Украине, по крайней мере, Восточной (а именно они определили в исследуемый период судьбу всей Украины),

из общего контекста революционных событий в Российской империи, так как они связаны между собой, имеют общую внутреннюю и внешнюю динамику, пусть и окрашенную в национальный специфический колорит.

Р.Я. Пыриг (Ин-т истории НАНУ) в докладе «Украинский гетманат 1918 г.: российский фактор» доказывал, что российский фактор был одним из самых мощных и определяющих в судьбе гетманата и лично П. Скоропадского. *А.В. Шубин* (ИВИ РАН) в докладе «Нестор Махно между Украиной и Россией» рассказал о судьбах махновского движения и показал, что Махно не был деятелем украинского национального движения, – главными мотивами его борьбы были социальные ожидания крестьянства.

Руководитель отдела восточного славянства (ИСл РАН) *Е.Ю. Борисёнок* в докладе «ЦК ВКП (б) и украинское партийное руководство, середина 1920-х – середина 1930-х годов» сделала вывод о том, что благодаря национальной политике большевиков республиканская элита формировалась как составная часть советской элиты вообще. К началу 1930-х годов украинские коммунисты шли в фарватере сталинского руководства и вероятность превращения руководства УССР из красного в желто-синее в указанный период была ничтожно мала. Речь об отделении Украины от Союза ССР не шла, подобная идея не находила поддержки ни среди партийной элиты, ни среди широких слоев населения.

Четвертая сессия «Голод 1932–1933 гг.: геноцид украинского народа или общая трагедия народов СССР?» началась с доклада *В.В. Кондрашина* (Пензенский ун-т) «Голод 1932–1933 гг. в научных исследованиях и исторической публицистике», в котором ученый доказывал общность голода для всех зерновых районов

СССР и бесосновательность интерпретации трагических событий в украинской публицистике и научных кругах как геноцида украинского народа.

Ему возражали в своих докладах украинские ученые В.М. Марочко (Ин-т истории НАНУ) и С.В. Кульчицкий (Ин-т истории НАНУ), сделавшие доклады «Голод в Украине в 1932–1933 гг.: современные интерпретации» и «Социально-экономическая и национальная политика Кремля в 1929–1933 гг.» соответственно. Согласно С.В. Кульчицкому голод 1932–1933 гг. был организован в качестве акции устрашения и должен характеризоваться именно как геноцид.

В.И. Марочко остановился на вопросах терминологии, используемой по отношению к голоду 1932–1933 гг., и сделал акцент на том, что самый большой урон от голода понесли именно территории, заселенные украинцами, что легко можно проверить по переписи 1926 г. вплоть до каждого села. Украинский ученый также затронул вопрос о юридической оценке событий, появившейся в 2006 г.

С.В. Кульчицкий также заметил, что голоду были подвержены территории либо в подавляющем большинстве заселенные украинцами (УССР) либо на две трети заселенные украинцами (Кубань); отметил, что в Казахстане был иной механизма голода. Украинский ученый также отметил, что в России напрасно воспринимают точку зрения, высказываемую на Украине, как обвинение собственно русского народа. «Досадно, что эта тема так нас разъединяет. Вдвойне досадно, когда нас слушают, но не слышат. В этом пришлось убеждаться не раз», – сказал С.В. Кульчицкий.

В докладе «От коллективизации – к голоду 1932–1933 гг.» доцент Исторического факультета МГУ *Н.Л. Роголина* отметила, что голод был вызван

прежде всего форсированной индустриализацией, финансируемой за счет продажи зерна. Она отметила, что голод не был неожиданностью, о чем свидетельствуют сводки и донесения о положении в деревне в течение 1931–1933 гг., а также, что есть косвенные документы, которые показывают связь голода с национальными проблемами.

Выводы доклада *В.Ф. Зимы* (ИРИ РАН) соответствуют его названию: «Голод 1932–1933 гг. как интернациональная трагедия».

Доцент Мордовского государственного педагогического университета *Т.Д. Надькин* в докладе «Голод в средневожской деревне в 1930-е годы: причины и последствия (на примере Мордовии)» осветил голод в Мордовской АССР в период 1932–1933 гг. *Н.И. Ивницкий* (ИРИ РАН) в докладе «Изучение голода 1932–1933 в российской историографии 1980–1990-х годов» заметил, что определение украинских историков голода 1932–1933 гг. как геноцида неверно, так как на Украине пострадало много представителей других этносов, не относящихся к украинскому. Ученый также отметил необоснованность точки зрения, что голод был мстью Сталина украинскому крестьянству, и напомнил, что массовые крестьянские выступления имели место быть и в Центрально-Черноземном районе, и в Поволжье, и на Северном Кавказе. Основная причина голода на Украине, как и в целом в СССР, заключалась, по мнению ученого, в антикрестьянской политике сталинского партийно-государственного руководства. *Г. Муртазова* коснулась юридической стороны определения голода как геноцида 1932–1933 г.

Пятая сессия, «Почему и насколько пути Украины и России разошлись в 1991–2008 гг.?» проходила в Культурном центре Украины в Москве. В на-

чале сессии с приветственным словом к участникам конференции обратились Чрезвычайный и полномочный посол Украины в России *О.А. Демин* и директор Культурного центра Украины в Москве *В.Е. Мельниченко*.

Первым докладом в этой сессии стал доклад *О.Н. Билого* (Ин-т истории НАНУ) под названием «Военная доминанта российской цивилизации и крах СССР», в котором украинский ученый обосновывал точку зрения, что основным компонентом российской цивилизации и СССР, как преемника Российской империи, была военная экспансия. Выступление вызвало живую дискуссию.

Доцент Исторического факультета МГУ *Ю.Я. Терещенко* в докладе «История российско-украинского “развода” в 1990–1991 годах» осветил специфику отношений между элитами двух бывших республик СССР, процессы дезинтеграции и несовпадение данных плебисцитов от 17 марта 1991 г. и 1 декабря 1991 г., а также роль ГКЧП в распаде СССР.

В.И. Мироненко (Ин-т Европы РАН) в докладе «Фактор “Россия” в становлении Пятой украинской республики (2004 г.)» рассказал о республиканской традиции на Украине и оценил

роль российского фактора в деле становления современного украинского государства. *Т.С. Гузенкова* (Ин-т стратегических исследований) в докладе «Политические процессы на Украине и их влияние на гуманитарную ситуацию в стране» рассказала о проблемах и отсутствии вертикали русскоязычного образования на Украине, о современной политике украинизации. *В.И. Пироженко* (Национальный ин-т проблем международной безопасности) в докладе «История “ножниц” и “клея” как средств формирования украинской этнической нации» оценил попытки современной украинской элиты сформировать национальный миф.

П. Жовниренко (Центр стратегических исследований) в докладе «Перспективы отношений между Украиной и Россией: реальность благоприятного прогноза» оптимистически оценил будущее отношений между нашими государствами.

От лица организаторов конференции проф. М.В. Дмитриев и В.И. Мироненко поблагодарили всех участников за интересные доклады и закрыли конференцию.

© 2010 г. *Б.А. Безпалько*

К ЮБИЛЕЮ РИТТЫ ПЕТРОВНЫ ГРИШИНОЙ

25 марта 2010 г. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Ритта Петровна Гришина принимала поздравления коллег, друзей и близких в связи со славным юбилеем.

Р.П. Гришина – крупный специалист по истории Болгарии и стран Балканского полуострова. Окончив исторический факультет МГУ она более сорока лет работает в Институте славяноведения РАН, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рабочее движение в Болгарии в 1928–1931 гг.», а после того как в Софии была опубликована книга Ритты Петровны «Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 гг.», вызвавшая дискуссии среди специалистов, она защитила докторскую диссертацию по этой теме.

Р.П. Гришина – автор многочисленных работ по болгарской истории межвоенного двадцатилетия. В 1980-е годы она активно участвовала в исследованиях политической системы и социальной структуры государств Центральной и Юго-Восточной Европы этого периода. Она также одна из авторов «Краткой истории Болгарии (с древнейших времен до наших дней)» (1987).

Со второй половины 1980-х годов Ритта Петровна более десяти лет возглавляла сектор, а затем отдел Института, занимавшийся исследованием внутривнутриполитических процессов, национальных движений и международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Она была одним из инициаторов создания книги политических портретов лидеров Центральной и Восточной Европы первой половины XX в. под названием «Пленники национальной идеи» (1993), где ее перу принадлежит яркий портрет царя Бориса. В 1994 г. под редакцией Р.П. Гришиной и И.И. Костюшко вышла коллективная монография «Европей-

ское социалистическое движение. 1914–1917 гг. Разрубить или развязать узлы?». В ней авторы стремились ответить на вопрос о жизнеспособности социалистических идей в странах региона, показать отношение социалистов разных стран Центральной и Юго-Восточной Европы к большевистской революции в России.

Национальный вопрос на Балканах и политика Коминтерна стала следующей большой темой научных интересов и архивных изысканий Ритты Петровны в этот период. В 1999 г. под ее редакцией вышел сборник статей «Македония. Проблемы истории и культуры». Деятельность по выявлению и публикации материалов, всегда кропотливая, сложная и трудоемкая, но очень важная и полезная для историков, в 2000–2003 гг. увенчалась выходом в свет двухтомной публикации документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции», где Ритта Петровна выступила в роли составителя, комментатора и ответственного редактора.

Ритта Петровна участвует и в создании обобщающих трудов Института. В 2003 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Болгария в XX веке. Очерки политической истории», в которой она проследила развитие политических событий в Болгарии с 1923 по 1935 г.

В начале XXI в. Ритта Петровна взялась за разработку новой проблемы – модернизации в традиционном обществе балканских государств. При ее самом активном участии почти каждый год проводятся конференции, и выходит серия книг под названием «Человек на Балканах». В настоящее время вышло уже пять тематических сборников статей, неизменно вызывающих интерес у отечественных и зарубежных специалистов. А в 2008 г. в той же серии вышла монография Р.П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии в конце XIX –

начале XX веков (бег трусцой по пересеченной местности)».

Интересы юбилярши весьма и весьма разносторонни: от настроений болгарских крестьян в 1918–1919 гг., до политических портретов таких неоднозначных деятелей, как Тодор Александров. Ее знают, ценят и уважают коллеги у нас в стране и за рубежом. Ритта Петровна является заместителем председателя российской части совместной комиссии историков Болгарии и России, всегда активно участвует в подготовке и проведении заседаний комиссии, а также в других международных и отечественных научных форумах.

Говорят, что биологические часы часто не совпадают с паспортными данными. По своему заряду энергии, работоспособности, интересу к истории и современности Ритта Петровна даст фору любому аспиранту и аспирантке. Ее отличает активная жизненная позиция: вспо-

нить хотя бы многие годы выходявшие «под ее чутким руководством» выпуски стенной печати, где обсуждались все институтские новости. Она действительно болеет за институт, за отдел, в котором работает. Ее профессионализм, высокая требовательность, в том числе и к себе, доброжелательность и открытость привлекают к ней молодежь, в обществе которой она чувствует себя весьма комфортно и держится «наравне». Ритта Петровна так держать! Мы Вас очень любим.

© 2010 г. Е. П. Сератионова

Сотрудники отдела, дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Ритте Петровне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 3

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА АБРАМОВИЧА БИРМАНА

Сотрудники Института славяноведения старшего поколения и многие отечественные болгаристы хорошо знают и высоко ценят замечательного ученого и человека, ветерана Великой Отечественной войны Михаила Абрамовича Бирмана. 10 октября 2009 г. коллеге Бирману исполнилось 90 лет.

Он родился в 1919 г. на Украине, в небольшом старинном городке Овруч на Житомирщине, в семье учителя. Получив среднее образование, поступил на исторический факультет Московского университета, одновременно с 1939 г. преподавал в одной из московских школ. Работой студента руководили крупнейшие ученые: специалист по истории России – С.В. Бахрушин и по истории международных отношений – В.М. Хвостов. Под руководством последнего студент написал свою первую научную работу, посвященную образованию Балканского союза.

На фронте М.А. Бирман был тяжело ранен. В 1944 г. молодой историк, кавалер нескольких боевых орденов поступил в аспирантуру Института мирового хозяйства и мировой политики и в 1947 г. успешно ее окончил. Его славистические интересы продолжали формироваться и в аспирантуре, где он разрабатывал проблемы революционного кризиса в Болгарии в 1918–1919 гг., и в усердно посещавших-

ся им домашних семинарах В.И. Пичеты (так называемых пичетниках), о которых Михаил Абрамович опубликовал интересные воспоминания.

Завершив учебу и проработав несколько месяцев в Издательстве литературы на иностранных языках, М.А. Бирман начал преподавать на кафедре истории южных и западных славян МГУ. Он читал курсы Новой и Новейшей истории Болгарии, спецкурсы о болгарском национальном возрождении и истории болгарского рабочего, социалистического и коммунистического движения, вел спецсеминар «Октябрьская революция и революционное движение в Болгарии», руководил дипломниками. В 1952 г. Михаил Абрамович защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию и был зачислен в штат Института славяноведения, с которым тесно сотрудничал с конца 1940-х годов.

Сорок лет работы М.А. Бирмана в институте – время его научного роста и зрелости. Здесь он исследовал широкий круг проблем политической и социально-экономической истории южнославянских и балканских народов XVIII–XX вв. Ученый работал над вопросами политики Германии на Балканах в XIX–XX вв., воздействия на страны Балканского полуострова Балканских войн 1912–1913 гг.

и Первой мировой войны, ему принадлежат главы о событиях на Балканском полуострове в 1912–1917 гг. в первом томе двухтомной «Истории Югославии» (1963). В 1958–1965 гг. М.А. Бирман принимал активнейшее участие в подготовке «Кратких сообщений» Инслава.

Наиболее важны и интересны для знакомства с научным творчеством ученого созданные Михаилом Абрамовичем в институтский период его работы в области исторической болгаристики. Он начал научную деятельность в Институте славяноведения с написания ряда глав для одного из первых фундаментальных трудов Института – двухтомной «Истории Болгарии», вышедшей в 1954–1955 гг. и положительно оцененной не только советскими, но и болгарскими историками. Последние отмечали, в частности, глубокую разработку М.А. Бирманом вопросов участия Болгарии в Первой мировой войне и прекрасное освещение событий, происходивших в стране в 1918–1919 гг. Эта тема стала предметом как кандидатской диссертации, так и первой монографии ученого, вышедшей в 1957 г.

Другая монография и защищенная по ее материалам в 1980 г. докторская диссертация были результатом интенсивных занятий М.А. Бирмана историей болгарских рабочих. Это – оригинальное и глубокое исследование, в котором впервые показан реальный социальный облик болгарского рабочего класса, прослежено его изменение и развитие с момента зарождения в 70-е годы XIX в. до начала 1920-х годов.

Михаил Абрамович исследовал также общественные и культурные связи России и Болгарии и историю болгарской исторической науки. В 1980-е годы он руководил научной группой сотрудников Института, готовившей совместно с болгарскими учеными сборник «Россия и болгарское национально-освободительное движение, 1856–1876» (София, 1987–2002. Т. 1–3), в котором опубликован ряд важных документов по этой тематике из российских архивов.

С 1992 г. М.А. Бирман живет в Израиле, но и здесь он продолжает научные исследования. Изучая болгарскую историографию, Михаил Абрамович еще в России заинтересовался

творчеством так или иначе связанных с Болгарией российских историков-эмигрантов – П.М. Бицилли и П.Н. Милокова. В Израиле к ним добавились такие ученые, как М.М. Карпович и С.И. Штейн. Научное творчество названных и некоторых других эмигрантов из России, а также историографические и источниковедческие измерения некоторых эмигрантских изданий М.А. Бирман исследует в работах, опубликованных в России, Израиле, Болгарии, Македонии, Германии, США.

Особенно большой интерес вызвало у Михаила Абрамовича многогранное творчество в эмиграции П.М. Бицилли, почти забытого на Родине. Вот уже более десятка лет ученый по крохам собирает коллекцию «бицилливедческих» материалов, на основе которой в настоящее время готовит обширную монографию. В России появилось несколько работ М.А. Бирмана о Бицилли, среди которых – подробная библиография работ историка-эмигранта и литературы о нем, где исправлены многие ошибки, характерные для предыдущих изданий подобного рода. В журнале «Славяноведение» Михаил Абрамович, не забывая родной институт, опубликовал очень содержательную статью о Бицилли, вносящую много нового в представления о нем российских ученых разного профиля.

В годы работы в Институте славяноведения М.А. Бирман за научные достижения был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия, в Израиле его научная работа была поддержана грантом Тель-Авивского университета.

Желаем нашему коллеге здоровья, бодрости и новых плодотворных свершений на ниве исторической науки.

© 2010 г. *Друзья и коллеги.*

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Михаилу Абрамовичу здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gryshina R.P.</i> (Moscow). Notes on Publications devoted to 130 Anniversary of the 1877–1878 Russian-Turkish War and the Liberation of Bulgaria	3
<i>Krutchkov I.V., Mukhortov A.S.</i> (Stavropol). Polish Citizens in the Stavropol Territory in 1939–1946	20
<i>Baeva I.</i> (Sofia). Leading Trends in the Bulgarian Foreign Policy in 1970–1980s	29

COMMUNICATIONS

<i>Volobuev V.V.</i> (Moscow). Some Underground Political Organizations in Poland in 1950–1960s	36
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The Prague Spring: Problems of Study. Reflections on the End of the Conference	44
<i>Khorev V.A.</i> (Moscow). Polish Literary Studies and Critics in the early 21 century about the Literature in the Polish People's Republic (1945–1989)	62

PUBLICATIONS

<i>Mikhalev O.Yu.</i> (Voronezh). Searching of the New Model of Soviet-Polish Relations in the End of 1980s	75

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Yambaev M.L.</i> Р.П. Гришина. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (без трусой по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах»	87
<i>Parsadanova V.S.</i> Книга погромов. Погромы на Украине, в Белорусский и на европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.	92
<i>Kosyk V.I.</i> И. Жейнов. Документи от Архива на външната политика на Руската империя (1865–1877 г.)	95
<i>Maryina V.V.</i> А. Бобраков-Тимошкин. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой Республике (1918–1938)	96
<i>Stankov N.N.</i> Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории	102
<i>Stykalin A.S.</i> Э.Г. Задорожнюк. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – ноябрь 1989 г.	109
<i>Shevtchenko K.V.</i> P. Lozoviuk. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen	115

SCHOLARLY LIFE

<i>Bezpalko B.A.</i> Russian-Ukrainian Conference «Ukraine and Russia: History and the Image of History»	118

ANNIVERSARIES

<i>Serapionova E.P.</i> Towards the Anniversary of Ritta Petrovna Gryshina.....	124
Towards the Anniversary of Mikhail Abramovich Birman	125

Сдано в набор 28.01.2010   Подписано в печать 05.04.2010   Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать   Усл. печ.л. 10.4   Усл.кр.-отт. 3.6 тыс.   Уч.-изд.л. 12.0   Бум.л. 4.0
Тираж 337 экз.   Зак. 195

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука». 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991 Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8(495)938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”». 121099 Москва, Шубинский пер., 6

